

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 8/2021

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2021.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2021.

Latinskaya Amerika N 8/2021 (Latin America)

Founded in 1969
Established by
Academy of Sciences of the Soviet Union
Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences
Issued monthly
Published under the authority of the Global Problems
and International Relations Department of the RAS
Included in the list of the Higher Attestation Commission
Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science
ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKY Z.V. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru
A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; *e-mail:* revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2021.

В НОМЕРЕ:

ПОЛИТИКА

- 6 Л.В.Дьякова. **Государство, демократия и незавершенность социального проекта: чилийский опыт**
- 22 Л.Б.Николаева, Д.В.Морозов, Н.В.Калашников. **Никарагуа: выборы в условиях кризиса**

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

- 38 Ю.А.Белоус. **Потенциал региональной политики Евросоюза как фактора децентрализации Испании. На примере Страны Басков**
- 52 А.А.Куракина-Дамир. **Год пандемии в Испании. Политические итоги**
- 66 Ю.Н.Фролова. **Молодежный фактор в развитии сепаратизма в Испании. На примере Каталонии и Страны Басков**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 79 А.А.Турьгин. **Венесуэла в фокусе пангерманизма. К вопросу о понимании венесуэльского кризиса (1902—1903) в немецком обществе**

КУЛЬТУРА

- 92 Л.Л.Клещенко. **Куба в советском и американском кинематографе холодной войны**

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- 102 А.В.Ситенко. **Новая книга об отношениях Китая со странами Латинской и Карибской Америки**

SUMARIO

POLITICA

- 6 Liudmila Diakova. **El estado, la democracia y el proyecto social no concluido: la experiencia chilena**
- 22 Liudmila Nikoláeva, Dmitriy Morózov, Nikolay Kaláshnikov. **Nicaragua: las elecciones en las condiciones de la crisis**

ASPECTO IBERICO

- 38 Yulia Beloús. **La política regional de la UE en tanto que factor de la descentralización de España. El caso del País Vasco**
- 52 Alexandra Kurákina-Damir. **Un año de pandemia en España. Resultados políticos**
- 66 Yulia Frolova. **El factor de la juventud en el desarrollo del separatismo en España. Los casos de Cataluña y País Vasco**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 79 Alexandr Turygin. **Venezuela en el foco del pangermanismo. La concepción de la crisis venezolana de los años 1902—1903 en la sociedad alemana**

CULTURA

- 92 Liudmila Kleschenko. **Cuba en el cinematógrafo soviético y americano de la guerra fría**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 102 Alexandra Sitenko. **Un nuevo libro sobre las relaciones de China con los países latinoamericanos y del Caribe**

CONTENTS

POLICY

- 6 Liudmila Diakova. **The state, democracy and the incompleteness of the social project: the Chilean experience**
22 Liudmila Nikolaeva, Dmitriy Morozov, Nikolay Kalashnikov. **Nicaragua: the elections in the time of crisis**

IBERIAN ASPECT

- 38 Yulia Belous. **EU regional policy as a factor for decentralization in Spain. Basque Country case**
52 Alexandra Kurakina-Damir. **Pandemic year in Spain. Political outcome**
66 Yulia Frolova. **Youth factor in the separatism development in Spain. The cases of Catalonia and Basque Country**

HISTORY PAGES

- 79 Alexandr Turygin. **Venezuela through the prism of pan-germanism. Towards understanding the Venezuelan crisis (1902—1903) in German society**

CULTURE

- 92 Liudmila Kleschenko. **Cuba in Soviet and American Cold War cinema**

THINKING ABOUT READ

- 102 Alexandra Sitenko. **A new book on China's relations with Latin America and the Caribbean**

ПОЛИТИКА

Л.В.Дьякова

Государство, демократия и незавершенность социального проекта: чилийский опыт

В статье рассматриваются основные направления и результаты политической и социальной модернизации, предпринятой демократическими правительствами Чили на протяжении 2000—2019 гг., выявляются как безусловные достижения, связанные с поэтапной демократизацией политической сферы, так и нерешенные проблемы. Масштабная политика, направленная на преодоление бедности и социальной исключенности, кардинальное изменение системы образования, не привели к существенному сокращению социального неравенства, созданию эффективных лифтов для молодежи из беднейших слоев. Реформизм второго правительства Мишель Бачелет (2014—2018 гг.) усилил эффект обманутых ожиданий и нарастание общественного разочарования. Расхождение результатов политической и социальной модернизации, конфликт новых политических возможностей, особенно ощутимых молодежью, и старых социальных подходов стали основными причинами протестного движения. Анализируются внутривнутриполитические процессы, упадок традиционного левоцентризма и усиление радикальных тенденций, а также перспективы выхода из кризиса, связанные с итогами общенационального плебисцита, состоявшегося 25 октября 2020 г.

Ключевые слова: Чили, политическая модернизация, протестное движение, плебисцит 25 октября 2020 г.

DOI: 10.31857/S0044748X0015376-2

Статья поступила в редакцию 01.03.2021.

Глубокий социально-политический кризис, начавшийся в Чили в октябре 2019 г., затронул всю систему отношений между властью и обществом, правящей элитой и оппозицией, между «правой» и «левой» политическими культурами в целом, приверженцами различных идеологических и этических ценностей внутри каждой из значимых политических сил. Этот кризис в плане своей глобальности, нацеленности на пересмотр основных достижений последних 30 лет демократического постпиночетовского разви-

---

Людмила Владимировна Дьякова — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, Б.Ордынка, 21/16, <https://orcid.org/0000-0003-3684-4523>, diakova65@mail.ru).

тия страны и всех сопутствующих этому процессу политических компромиссов, действительно носил беспрецедентный характер, в очередной раз продемонстрировав «модельность» чилийского опыта — уже с точки зрения его глубоких просчетов. Не подвергалась сомнению лишь одна из фундаментальных составляющих современного развития Чили — демократия, ценность которой не отрицалась ни одной из противоборствующих сторон. В ходе споров, сопровождавших протестное движение на всех уровнях, речь шла о повышении качества государственного управления и способах реализации демократической власти, о ревизии устаревших, переживших свое время законов и норм. В этом плане чилийское общество также продемонстрировало исключительную современность не только в латиноамериканском пространстве, охваченном волнами различных по истокам и масштабам протестных движений, но и в более универсальном контексте.

Современность, отраженная в концептуальных дискуссиях последних лет, посвященных многоаспектному понятию демократии, заставляет задуматься не столько о достижениях, сколько о дефектах и рисках реальных (особенно успешных) демократических государств, предлагает осмыслить вопросы и проблемы, поставленные общественной мыслью еще в начале текущего столетия.

Кризис представительства и традиционных партий, распространение демократий «низкого уровня» неоднократно отмечались в качестве магистрального тренда, развивающегося на фоне новых глобальных феноменов — растущего разочарования в либеральных основах демократических политик, повышения роли альтернативных движений, бросающих вызов западному обществу, общей активизации радикальных сил [1]. Вступающая в общественную жизнь молодежь стремится к яркому самовыражению, бескомпромиссному отстаиванию своих позиций, что ведет к упадку влияния политического централизма, с его принципами умеренности, постепенности и соглашений. В итоге реальная демократия, консолидированная, имеющая прочный культурно-исторический фундамент, становится явлением значительно более противоречивым и сложным, чем представлялось ее теоретикам в прошлом. Неосуществимость классического демократического идеала давно не вызывает сомнений («миражом демократии» называет это явление британский политолог Дэвид Лэйн [2]), и в общественной мысли все чаще звучит обеспокоенность судьбой существующих демократических государств, их способностью предложить ответы на новые вызовы. Необходимость этического совершенствования политических систем, осуществления «моральной революции», соответствующей новым запросам постоянно усложняющегося общества, у многих исследователей не вызывает сомнений, выдвигая на первый план понятие качества демократического управления и проблему соответствия государственной политики ожиданиям широких социальных слоев [3; 4]. Реализм прошлого должен быть преодолен новым реализмом «бесконечно усложнившейся действительности», — считает итальянский исследователь Данило Дзоло [5, с. 23], подчеркивая противоречивую природу демократии и многовариантность путей ее развития.

Но наиболее трагическим в современном мире становится конфликт базовых ценностей демократии — свободы, в том числе экономической, и вечного стремления человека к равенству, к социальной справедливости. Этот конфликт был выделен в свое время американским политологом Сеймуром М.Липсетом [6; 7]. Рост общественных надежд на достижение социального равенства и невозможность их удовлетворения в условиях экономического неолиберализма считал источником будущих потрясений американский политический философ Френсис Фукуяма, подчеркивая, что социальная поддержка государства всегда воспринимается бедными слоями в качестве обязательной и при этом недостаточной ренты [8].

Описанные выше теоретические размышления приобретают особую актуальность при анализе чилийской модели общественно-политического развития, глубокие противоречия которой отмечались исследователями задолго до взрыва 2019 г. [9; 10; 11]. Авторы, отстаивающие различные идейные позиции (от радикально-левых до умеренно-центристских), выделяли в качестве наиболее опасных факторов социальное неравенство, кризис репрезентативности [12], разочарование в традиционных партиях и лидерах, «переформатирование» и рост популярности новых левых сил, нарастание неопределенности, турбулентности, уровня социального недовольства, стремление к пересмотру утвердившейся модели развития [13; 14; 15]. Таким образом, опасность социального потрясения была предсказана в научной литературе (в том числе и российской [16]), но ни политологи, ни политики не смогли предвидеть масштаб протестного движения и степень общественного разочарования.

Протестные акции, начатые 18 октября 2019 г. студентами и старшеклассниками против правоцентристского правительства Себастьяна Пиньеры (2018—2022 гг.), которое пошло на непродуманное повышение цен на проезд в метро (на 30 песо), переросли в массовое протестное движение. Оно сопровождалось актами насилия, человеческими жертвами, столкновениями с полицией, применившей жесткие меры, поджогами магазинов и разгромом более 70 станций столичного метро. Корпус карабинеров не мог контролировать ситуацию, президент ввел чрезвычайное положение во всех регионах страны и принял роковое решение вывести на улицы армию, что вызвало у граждан страны ассоциации с диктатурой Аугусто Пиночета (1973—1990 гг.).

Требования участников протестов, на которых, по оценкам СМИ, в ходе отдельных маршей собиралась не менее десятой части чилийского населения, носили выраженный социальный характер: граждане требовали сокращения социального неравенства, значительного повышения зарплат и «базовых солидарных» пенсий (выплачиваемых государством беднейшим группам населения), введения справедливой пенсионной системы, доступного и качественного здравоохранения, а также более быстрой и полной реализации начатой в 2016 г. реформы образования, гарантировавшей его бесплатность [17]. Важнейшим требованием являлось незамедлительное принятие новой Конституции, которая гарантировала бы обществу не только политические, но и социальные права, и заменила бы действующую, происхождение которой (1980 г.) связано с военным режимом А.Пиночета.

Характерной особенностью развернувшегося политического кризиса стала не только беспрецедентная демонстрация массового недовольства, но и делегитимация в общественном сознании левоцентристских сил — коалиции «Объединение партий за демократию» (*Concertación de Partidos por la Democracia*)*, руководившей страной в 1990—2010 и 2014—2018 гг. (как Новое большинство (*Nueva Mayoría, NM*)). Новый общественный контекст и внутренние разногласия последних лет обесценивали работу коалиции, ведущие деятели которой избегали публичных выступлений в защиту проводимой ими многолетней политики. В данной статье ставятся задачи проследить основные направления и результаты политической и социальной модернизации, предпринятой на протяжении 2000—2019 гг., рассмотреть как уровень достижений в этих сферах, так и нерешенные проблемы, ставшие основой глубоких общественных противоречий и растущего разочарования, выявить предпосылки протестного движения, оценить действия различных политических сил и перспективы преодоления кризиса.

Цель статьи — дать комплексный анализ истоков фундаментального конфликта чилийской модели развития, на примере Чили показать сложность, остроту и многофакторность социальных проблем, стоящих перед современной консолидированной демократией, и высокие политические риски незавершенного социального проекта. Необходимо отметить, что под термином «социальный проект» автор понимает долговременную и целенаправленную социальную стратегию чилийских демократических правительств по преодолению бедности, социального неравенства, распространению преимуществ успешной эффективной экономики на все группы общества, реализацию модели «Чили для всех». Индикаторами результативности (или недостаточности достижений) в данном контексте можно считать как объективные показатели, связанные с уровнем бедности и социального неравенства, так и субъективные, обусловленные психологическим самочувствием людей, их личным восприятием своей социальной ситуации.

Методологической основой является комплексный системный подход, позволяющий наиболее полно раскрыть взаимодействие политических и социальных явлений, оценить степень устойчивости политической системы. Процесс политической трансформации был исследован с применением методов институционального (акцентирующего роль институтов) и неинституционального (предполагающего глубокую противоречивость и постоянную изменчивость политической реальности, многообразие факторов ее нестабильности) анализа. Некоторые элементы социологического подхода применялись при рассмотрении социальных реформ, их результатов и долговременных последствий.

Рассматриваемый временной отрезок связан с деятельностью трех левоцентристских правительств, возглавлявшихся социалистами Рикардо Лагосом (2000—2006 гг.) и Мишель Бачелет (2006—2010; 2014—2018 гг.), и

---

* Коалиция «Объединение партий за демократию» — *Concertación de Partidos por la Democracia* — была создана в 1988 г. и включала 17 оппозиционных партий. Ее ведущими силами были: социалисты — Социалистическая партия (*Partido Socialista, PS*), Партия за демократию (*Partido por la Democracia, PPD*) и христианские демократы (*Partido Demócrata Cristiano, PDC*). С 2013 г. *Concertación* включила в свой состав Коммунистическую партию (*Partido Comunista, PC*) и получила название Новое большинство (*Nueva Mayoría, NM*).

двух правоцентристских — под руководством Себастьяна Пиньеры (2010—2014; 2018 г. — н/в). Период, начавшийся в 2000 г., представлял собой новый этап национального развития. К этому моменту риски стартовавшего в 1990 г. демократического перехода, связанные с возможностью авторитарного отката, политической ролью экс-диктатора А.Пиночета, сохранявшего (до 1998 г.) пост главкома сухопутных сил и контроль над армией, со сложными отношениями демократической власти с вооруженными силами (ВС) и ультраправыми партиями, в значительной мере были пройдены [18, сс. 128-146]; в стране утвердились демократические нормы политической жизни, и правительства *Concertación* приступили к процессу поэтапной масштабной модернизации. Эта модернизация касалась двух ключевых направлений — политического и социального. Приоритетной задачей в развитии политической сферы стало преодоление наследия пиночетизма, сконцентрированного в жестких институциональных ограничениях, навязанных военным режимом.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Конституционная реформа 2005 г.

Наиболее значительным «авторитарным анклавом» к началу XXI в. являлась Конституция 1980 г., включавшая ряд антидемократических норм: Совет национальной безопасности в составе главкомов ВС, директора корпуса карабинеров, председателей сената и Верховного суда, без одобрения которых президент не мог назначать и смещать командующих родами войск и главу корпуса карабинеров; статус девяти назначаемых сенаторов в верхней палате парламента и статус пожизненных сенаторов, предусмотренный для бывших президентов, в первую очередь для самого Пиночета. В силу ряда жестких условий переходного периода изменить Конституцию на протяжении 1990-х годов было невозможно [19].

Конституционная реформа была проведена в 2005 г. путем внесения 54 изменений и поправок в Основной закон и стала важнейшим политическим шагом правительства Р.Лагоса [20]. В измененной Конституции полностью удалены все «авторитарные анклавы» пиночетизма. Совет национальной безопасности превратился в формальный консультативный орган; главкомы ВС и глава корпуса карабинеров могли быть смещены со своих постов до истечения срока их полномочий по решению президента и сената. Был ликвидирован институт назначаемых и пожизненных сенаторов, обеспечивавший депутатскую неприкосновенность бывшим соратникам военного режима и поддержку правым партиям, что сократило состав верхней палаты парламента с 48 до 38 человек. При этом палата депутатов (120 человек) избиралась на четыре года в ходе всеобщих парламентских выборов (совпадающих по срокам с президентскими). Сенат, как и ранее, каждые четыре года должен был обновляться лишь наполовину, в то время как другая половина продолжала выполнять свои полномочия в течение следующего президентского срока (в итоге каждый сенатор избирался на восемь лет). Полномочия парламента были расширены, был сделан акцент на роль общенациональных парламентских выборов; президентский срок сокращен с шести до четырех лет. В

новой редакции Конституции подчеркивалось право всех граждан страны, достигших 18-летнего возраста, участвовать в голосовании (это касалось и чилийцев, живущих за рубежом, многие из которых в прошлом являлись политическими эмигрантами). Однако голосование оставалось обязательным, как и механизм предварительной приписки избирателя к соответствующему округу, которая могла не совпадать с реальным местом жительства [21, р. 15]. Обязательность голосования и предварительная приписка избирателя были отменены в 2012 г. специальным законом [22].

Итогами конституционной реформы 2005 г. стали значительная демократизация политической системы страны, институциональное преодоление авторитаризма и завершение переходного периода, что позволило перейти к процессу совершенствования демократии. Правительство делало акцент на своевременности назревших изменений, на создании новых условий для формирования следующих поколений чилийцев, воспитанных уже в абсолютно демократическом обществе. В то же время сохранение формальной даты (1980 г.) придало глубокой реформе амбивалентный характер, заложив основу отсроченного конфликта.

Благодаря политическим изменениям был сделан также важный шаг в урегулировании отношений между вооруженными силами и демократической властью, решена задача перевода ВС на уровень высокопрофессиональной, но строго подчиненной демократическому государству структуры. В обществе формировался новый образ военных — спасателей во время стихийных бедствий, опоры в освоении труднодоступных регионов (прилегающих к Антарктике), участников миротворческих операций [18, сс. 233-239]. Этому процессу способствовало и назначение в 2002—2004 гг. на пост министра обороны женщины — социалиста М.Бачелет (впервые в Латинской Америке), преемницы Р.Лагоса на посту президента.

В 2006—2010 гг. деятельность первого правительства Бачелет была сосредоточена на дальнейшей модернизации государственных структур, повышении их эффективности и открытости для общества, децентрализации, усилении региональных органов власти, реализации принципа гендерного равенства путем назначения женщин на половину министерских постов. В дальнейшем в разные периоды женщины имели 8-10 министерских портфелей из 22-24 (существующих в настоящий момент); при этом ключевые министерские должности принадлежали в основном мужчинам.

Период 2000—2010 гг., отмеченный высоким экономическим ростом и реформаторской деятельностью президентов-социалистов, объективно был одним из самых успешных в новейшей политической истории Чили. Выдвигаясь на второй президентский срок, Бачелет обещала продолжить начатую социальную стратегию и приступить к разработке новой Конституции. Тем не менее ее правительство 2014—2018 гг. не смогло осуществить этот шаг, и конституционный вопрос стал одним из принципиальных моментов протестного движения 2019 г.

Трансформация биномиальной системы

В течение длительного периода единственным «авторитарным анклавом», не подвергшимся трансформации, оставалась «биномиальная» из-

бирательная система двухмандатных округов, созданная в 1988—1989 гг. для раздела политического поля между лево- и правоцентристской коалициями*, которые аккумулировали все политические голоса, вытесняя небольшие независимые партии (прежде всего левые — коммунистов, гуманистов и др.) из борьбы за места в парламенте**.

На этапе 1990-х годов эта система обеспечивала устойчивость и «управляемость» демократического перехода, но постепенно, несмотря на поддержку правых партий, стала вызывать нарастающую критику. Общество стремилось к большему разнообразию политических оттенков и мнений; начавшаяся эволюция партийной системы требовала и электоральной реформы. Недостатки биномиальной системы, ее консервирующий эффект, отставание от требований времени особенно наглядно проявились в ходе парламентских выборов 2009 и 2013 гг., подталкивая политические силы к серьезной дискуссии.

В итоге давно обсуждаемый и назревший переход к пропорциональной модели был одобрен в 2015 г. вторым правительством Бачелет [23]. Это предполагало увеличение количества мест в обеих палатах парламента: в палате депутатов — со 120 до 155 и сенате — с 38 до 43. Небольшие политические партии и блоки при пропорциональной модели получили реальные возможности провести своих кандидатов в конгресс, а политическое влияние крупнейших партийных коалиций — правоцентристской и левоцентристской, для сохранения которого и создавалась когда-то биномиальная система — неизбежно падало.

Электоральная кампания 2017 г. стала первой, в ходе которой парламентские выборы проводились по новой, пропорциональной системе. Это позволило избраться и получить 20 мест в палате депутатов представителям нового радикально-левого объединения — Широкий фронт (*Frente Amplio, FA*), в состав которого вошли небольшие партии (в том числе студенческие и региональные), выступившие с антикапиталистическими лозунгами, требованиями социальной справедливости и критикой идейных принципов официального левоцентризма. Парламентские выборы значительно усилили позиции независимого левого фланга в палате депутатов и одновременно продемонстрировали фактический распад левоцентристской коалиции *NM*, ведущие силы которой — исторические союзники социалисты и христианские демократы, — предпочли выступить отдельными группами***. Неготовность левоцентристов сохранять единство объедине-

---

* Правоцентристская коалиция, объединившая партии Национальное обновление (*Renovación Nacional, RN*) и Независимый демократический союз (*Unión Demócrata Independiente, UDI*), в разные периоды выступала под различными названиями.

** Во время выборов формировались списки из двух кандидатов, представляющих разные блоки. Избранным считался тот, кто набрал наибольшее число голосов в своем списке, даже если его результат в абсолютном значении был хуже, чем результат соперника из другого списка, оказавшегося на втором месте.

*** Левоцентристы выступили в составе двух предвыборных объединений: Сила большинства (*La Fuerza de la Mayoría*), в которую вошли социалистические партии и коммунисты, и Демократическая конвергенция (*Convergencia Democrática*), объединившая христианских демократов и несколько других мелких партий.

ния, отсутствие общих целей и стремления к победе проявились и в отсутствии (впервые с 1990 г.) единого кандидата для борьбы за президентский пост, в выдвижении непопулярных, заведомо проигранных фигур, уступивших, в итоге, С.Пиньере. Получив 54,57% голосов во втором туре выборов 2017 г., лидер коалиции правых партий во второй раз стал президентом страны. [16; 24]. В итоге переход к пропорциональной модели, обеспечивая возможность парламентского представительства для небольших партий, соответствовал новым потребностям более сложного и более демократического общества, объективно способствуя процессу нарастания политической турбулентности, укреплению позиций леворадикального движения и падению популярности левоцентристских сил.

Таким образом, результатом длительного процесса политической модернизации страны, осуществляемой как поэтапный демократический проект, стало размежевание с институциональным наследием пиночетизма, создание условий для совершенствования политической системы демократии. В то же время отсутствие революционного разрыва с прошлым (что особенно наглядно проявилось в сохранении даты принятия Конституции), осторожность и последовательность изменений к 2018 г. стали восприниматься определенной частью общества как свидетельство исторической исчерпанности компромиссного центристского проекта, основанного на совмещении различных идейных ценностей.

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ

Важнейшими и наиболее острыми требованиями протестного движения 2019 г. стали требования социальные. Какие шаги могла предпринять демократическая власть на протяжении последних двух десятилетий XXI в., представляющих самый благополучный период в развитии страны, и в чем ее возможности оказались ограниченными?

С начала 2000-х годов основным направлением социальной политики, нацеленной на распространение преимуществ экономического роста на все группы общества, стало преодоление не только абсолютной (с помощью адресных денежных пособий и льгот), но и относительной бедности, обусловленной социальной исключенностью уязвимых групп, особенно домохозяйств с детьми. В 2002 г. была принята масштабная программа «Солидарная Чили» (*Chile Solidario*), относящаяся к типу программ «обусловленных выплат»* и объединившая комплекс мер, ориентированных на экономическую и социальную поддержку малоимущих семей с детьми, в том числе возглавляемых женщинами. В обмен на конкретные обязательства им предоставлялись возможности для повышения уровня образования и последующего включения в рынок труда, предусматривалась выплата ежемесячных денежных пособий. Целью программы являлось не столько прямое повышение доходов (денежная помощь на различных этапах составляла 15-25 долл. в месяц), сколько ориентация низшего слоя общества

* *Programas de Transferencias Condicionadas (PTC)* в начале XXI в. осуществлялись в большинстве стран региона.

на более активное самостоятельное участие в социальной жизни — в различных программах повышения квалификации, профессионального обучения, поиска работы. К 2005 г. в программу *Chile Solidario* были включены 225 тыс. семей, живущих в условиях крайней бедности (около 1 млн человек). Проект, рассчитанный на много лет, осуществлялся до 2017 г., а в наиболее продуктивный период 2010—2015 гг. им было охвачено до 10% населения страны [25, pp. 40,41].

Важнейшим и одним из наиболее сложных направлений социальной политики стало развитие образования. В 2004 г., при Р.Лагосе, вступил в силу Закон об обязательном 12-летнем образовании, целью которого было преодолеть неравенство и сегрегацию на базовом, школьном уровне, и повысить образовательный потенциал общества в целом, обеспечив возможность законченного среднего образования для всех детей страны [26, p. 250]. В 2009 г. первое правительство Бачелет приняло новый Закон об образовании, расширяющий возможности для молодежи из бедных семей (увеличение университетских стипендий, улучшение инфраструктуры и качества преподавания в муниципальных школах бедных районов). Тем не менее оба закона не ликвидировали ни рыночных принципов, ни сегрегации, ни системы платного образования. Несмотря на значительные усилия и специальные программы, средняя школа оказывалась не в состоянии прервать «замкнутый круг» социального неравенства, превратиться в действенный лифт для молодежи из бедных слоев, а тема образования стала источником растущего общественного недовольства.

Важнейшими мерами правительства Бачелет были также следующие: закон о пенсиях (принят в 2008 г.) [27], предусматривающий обязательное минимальное государственное обеспечение («базовую солидарную пенсию») для пожилых людей, не имевших личных вкладов в частные пенсионные фонды; повышение качества первичной медицинской помощи; обеспечение доступности высокотехнологичных медицинских услуг для всех, особенно для женщин и детей. В итоге Чили стала страной с одним из самых высоких в регионе показателей по охране здоровья материнства и детства, с низкой младенческой смертностью при рождении (в 2008 г. — 7 человек на 1000 родившихся), что было сопоставимо с уровнем развитых стран мира [28, pp. 41,51].

В результате целенаправленной социальной стратегии и устойчивого экономического роста к 2008 г. бедность, составлявшая 38,6% в 1990 г. и 20,6% в 2000 г. [29, p. 132], сократилась до 11,9% [30, p. 77]. Эта позитивная тенденция, особенно заметная на фоне ситуации в других латиноамериканских странах, стала вызывать у чилийцев нарастающую неудовлетворенность. Общее улучшение жизни беднейших групп не сопровождалось принципиальным сокращением социального неравенства (индекс Джини в 2008 г. составлял 47%) [31]; сложнейшая задача преодоления социальных барьеров осталась нереализованной. Общество, становилось «более процветающим, более богатым и требовательным, но при этом в нем сохранялся высокий уровень неравенства. Процветание несло в себе и новые диспропорции», — отмечала известный чилийский социолог Марта Лагос [32].

Усиление политических рисков и протестных настроений особенно наглядно обозначилось в период первого правительства правоцентристов под руководством С.Пиньеры, пришедшего к власти в 2010 г. с программой повышения эффективности экономического развития. Наиболее зна-

ковым событием этого президентства стал неудачный проект реформы образования (2011 г.), направленный, в первую очередь, на повышение уровня и качества высшей ступени: современного уровня преподавания, поддержку лучших учащихся и профессоров, развитие наиболее востребованных экономической специальностей. Проект, целью которого было сокращение отставания от мировых стандартов, вызвал массовое протестное движение молодежи против повышения эффективности образовательной системы в ущерб принципам социальной справедливости. Реформа была отменена, но начатое протестное движение продемонстрировало растущие социальные ожидания значительной части общества, прежде всего молодежи, и глубокое недовольство сохраняющимся неравенством и самими основами неолиберальной модели.

Новые общественные настроения свидетельствовали о проявлении опасных, предкризисных тенденций, подталкивая власть к проведению более масштабного, более кардинального этапа социальных реформ. Эту повестку и предложило обществу в 2014 г. второе правительство Бачелет.

Наиболее серьезной из заявленных левоцентристами реформ стало кардинальное изменение системы обучения, введение бесплатного образования на всех уровнях — от школьного до университетского, одобренное конгрессом в декабре 2015 г. после напряженного обсуждения. Если на школьном уровне главные задачи состояли в том, чтобы обеспечить принцип бесплатности и общедоступности образования, прекратить конкурсный отбор в хорошие школы и доплаты со стороны родителей, повысить качество преподавания в школах, расположенных в бедных городских и сельских районах, то ситуация с высшим образованием была еще более сложной. Все высшее образование, представляемое как частными, так и государственными университетами, было платным. Принцип бесплатности на первом этапе предполагалось распространить не на всех, а только на 60% поступающих на учебу студентов из наименее обеспеченных слоев общества (около 200 тыс. человек ежегодно) [33]. Для финансирования программы была проведена налоговая реформа, в рамках которой увеличивались налоги на крупный бизнес (с 20 до 27%), что вызвало критику правых партий и недовольство предпринимателей.

Настаивая на поэтапности проводимых изменений, правительство выступило за сохранение существующей дифференцированной системы стипендий и образовательных кредитов (условия выплаты которых стали максимально льготными), и постепенное подключение университетов, начиная с наиболее крупных, к программе бесплатного образования (в 2020 г. их число выросло до 33). Однако отсутствие единого принципа универсальности в получении бесплатного университетского образования, незавершенность и сложность проекта, с которым было связано столько надежд, вызвало разочарование молодежи и массовые студенческие протесты 2016—2017 гг. в Сантьяго и других городах. Деятельность правительства к завершению его срока стала объектом постоянной жесткой критики: со стороны правой оппозиции и части христианских демократов — за непродуманность и популистский подход к реформе образования; со стороны новых левых течений (*FA*) и их сторонников в рядах самой правящей коалиции — за медлительность и осторожность в реализации политических проектов.

Но самым опасным политическим итогом второго президентства Бачелет стало растущее разочарование в способности демократического государства кардинально сократить социальное неравенство. К 2018 г. при относительно низких показателях бедности (8,6%) и сокращении индекса Джини (до 44,4%, что явилось самым низким показателем с 1992 г. [31]), разрыв в распределении доходов оставался высоким: 50% бедных домохозяйств владели 2,1% национального дохода, а 10% наиболее богатых — 66,5% [34, р. 62]. Это свидетельствовало о невозможности реализовать идеалы социальной справедливости, стремительно распространяющиеся в близкой к левой политической культуре молодежной среде.

В итоге глубокие реформы, начатые вторым правительством Бачелет, обострили противоречия и ускорили процессы, назревавшие на протяжении всего последнего десятилетия: от распада самой левоцентристской коалиции, стремительного роста массовых социальных ожиданий и леворадикальных настроений, до глубокого общественного разочарования в политике реформизма в целом. Избрание на пост президента правоцентриста С.Пиньеры, ориентированного, как и в 2010 г., на ускорение темпов роста и повышение эффективности экономического развития, только усилило нарастание предкризисных тенденций [24].

ЭФФЕКТ ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД

Поступательное развитие двух десятилетий XXI в. имело непредвиденные последствия. Параллельно с сокращением бедности и ростом доходов, совершенствованием системы социальной защиты, несмотря на высокие рейтинги страны на международном уровне и лидирующие позиции в регионе (на момент 2019 г. — 33-е место из 138 стран в мировом рейтинге конкурентоспособности [35], 42-е место из 189 по индексу человеческого потенциала) [36], в обществе усиливалась тенденция к негативной оценке социальной ситуации. Нарастали нетерпимость в отношении социального неравенства в целом и безрадостное восприятие собственного положения. По данным аналитического центра М.Лагос, если в 2009 г. 82% опрошенных не считали себя принадлежащими к дискриминируемой группе, то в 2020 г. таких было всего 62%. Остальные оценивали свое положение как уязвимое с точки зрения дохода, этнической, возрастной или гендерной принадлежности, доступа к системе образования и здравоохранения [37, р. 10]. Страх перед экономической нестабильностью и потерей работы в 2017 г. испытывали 35% опрошенных, в 2020 г. — 51%, при этом 57% вообще отнесли себя к низшим (а не средним) слоям общества, а 93% считали, что распределение доходов и благ исключительно несправедливо [37, pp. 42, 18]. Разумеется, на данные 2020 г. значительное влияние оказала пандемия *COVID-19*, однако неблагоприятные тенденции, по мнению М.Лагос, развивались давно, еще на фоне экономического роста, социальной модернизации и непрекращающихся реформ, особенно масштабных в годы президентств Р.Лагоса и М.Бачелет.

В течение всего последнего десятилетия отмечался постоянный рост общественных надежд, связанных с будущим, с перспективами и возможностями, которые станут доступны «поколению детей». Этот эффект нара-

стающих ожиданий, которые демократическая власть оказалась неспособна удовлетворить, в значительной мере формировался ею самой на всем протяжении рассматриваемого периода. Проекты, с которыми приходили к власти и которые стремились развивать президенты и правительства («Чили для всех», «Чили сможет больше», «Чили соревнуется», «Чили, вперед»), были наполнены национальной гордостью, уверенностью в правильности избранного пути, делали акцент на амбициозных, нацеленных в будущее, планах, на постоянных позитивных переменах, на том, что жизнь, независимо от объективных обстоятельств (экономических кризисов и мировых событий), будет становиться все лучше с каждым новым годом и каждыми следующими выборами. На чилийской павильоне на международной промышленной выставке в Ганновере в 2007 г. был написан девиз «Чили всегда удивляет» (*Chile sorprende, siempre*), что отражало как целенаправленную стратегию по продвижению имиджа страны в мире, так и ориентиры во внутренней политике [38]. «Сегодня Чили лучше, чем вчера. Мы создаем новые, прочные основы, чтобы завтрашний день превзошел настоящее», — заявляла М.Бачелет в своем последнем выступлении перед конгрессом в июне 2017 г. [33]. Эти обещания и лозунги в какой-то момент стали трагической ловушкой и для власти, и для общества, подчеркивая расхождение с реальными процессами, усиливая настроения глубокого социального разочарования.

Когда второе правительство С.Пиньеры, в течение всего 2018 г. действовавшее медленно и вяло, срывая основные предвыборные обещания по экономическому росту, в октябре 2019 г. попыталось незначительно поднять цены на проезд в метро, это стало поводом для беспрецедентного общественно-политического кризиса — «Революции 30 песо».

Характерно, что на протяжении последних лет, даже на фоне событий 2019—2020 гг., доверие чилийцев к демократии в целом — как политическому режиму, системе ценностей и форме государственного устройства — продолжало оставаться устойчиво высоким. По данным М.Лагос, в 2020 г. демократию поддерживали 61% опрошенных (54% — в 2016 г.) [37, p. 11]. В ходе кризиса, протестуя против деятельности конкретных политиков и правительства, чилийцы выражали неудовлетворенность качеством работы своей демократической системы, выступали за улучшение ее функционирования, считая необходимым повысить уровень управления и обеспечить большую справедливость в распределении доходов (недовольство этими параметрами выросло с 54% в 2018 г. до 76% в 2020 г.) [37, pp. 16,17]. Но сам демократический путь развития не вызывал общественных разногласий, и стремления вернуться в авторитарное прошлое никто не выражал.

Таким образом, если политическая модернизация, несмотря на сопутствующие этому процессу проблемы и компромиссы, на возрастающую критику в адрес политиков-левоцентристов, все-таки привела к очевидным для общества результатам, то социальная модернизация вызвала эффект обманутых ожиданий и нарастание общественного разочарования. Этот конфликт новых политических возможностей, особенно ощутимых молодежью, и старых социальных подходов, надежд на более справедливое общество, и экономической реальности, основанной на неолиберальном принципе эффективности, стал фундаментальной

причиной протестного движения 2019 г. и сконцентрировался в требовании принять новую Конституцию.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЛЕБИСЦИТ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ

В условиях нарастающих протестных акций в октябре 2019 г. правительство приняло «Новую социальную повестку», в которой были даны обещания повысить минимальную заработную плату и «солидарные» пенсии, увеличить налоги на бизнес, провести реформу системы здравоохранения [39]. 15 ноября 2019 г. все политические партии страны (за исключением коммунистов (*PC*) и одной из групп *FA*), подписали соглашение «За мир и новую Конституцию», приняв историческое решение о проведении 26 апреля 2020 г. общенационального плебисцита. Это стало важнейшим результатом протестного движения.

Плебисцит, которому предшествовала масштабная подготовительная кампания в СМИ с участием известных политиков и общественных деятелей и активность на муниципальном уровне, где «открытые советы» (*cabildos abiertos*) принимали предложения граждан, был перенесен под воздействием пандемии и состоялся 25 октября 2020 г. Явка составила 51% жителей страны, из которых подавляющее большинство — 78,27% — высказались за новую Конституцию и 79% поддержали наиболее демократичную форму реализации этого процесса — Конституционный конвент в составе всенародно избираемых 155 членов. Вариант Смешанного конвента, где половина участников избирается конгрессом из числа действующих парламентариев, был отвергнут [40].

15 и 16 мая 2021 г., одновременно с региональными и муниципальными, состоялись выборы членов Конституционного конвента, в результате которых 37 мест из 155 получили представители правых партий, 25 — официального левоцентризма (участники бывшей *Concertación*), 28 — объединение *FA* и *PC*, и 48 мест, неожиданно для всех традиционных партий, фактически потерпевших поражение, завоевали независимые кандидаты [41]. Квота в 17 мест была зарезервирована за индейскими народами. Явка оказалась невысокой — 39%, и, несмотря на определенный успех леворадикального течения, ни одна из политических сил не получила очевидного преимущества, что означает отсутствие идеологического перевеса какой-либо из сторон в предстоящей работе. В распоряжении конвента будет от 9 до 12 месяцев для разработки и утверждения текста Основного закона не менее чем двумя третями голосов, после чего этот орган будет распущен. В 2022 г. предполагается проведение общенационального плебисцита по ратификации новой Конституции с обязательным участием для всех граждан страны, имеющих право голоса [40].

Таким образом, Чили находится в самом начале пути по разработке и принятию новой Конституции. 2021 г. потребует от власти, гражданского общества, всех политических партий и движений максимальных усилий по дальнейшему развитию политических инициатив, сохранению гражданского мира, практической реализации важнейших результатов протестного движения. Эти задачи должны быть решены на фоне подготовки и прове-

дения президентских и парламентских выборов, назначенных на 21 ноября 2021 г., в условиях глубокого экономического спада, вызванного пандемией COVID-19. Но самым тяжелым вызовом для следующих президента и правительства, для всего общества является формирование новой стратегии развития, включающей в себя надежду широких социальных слоев на труднодостижимые справедливость и равенство. У современной чилийской модели, всегда проявлявшей способность соответствовать постоянно усложняющейся реальности, есть исторический шанс предложить свой ответ на этот фундаментальный вопрос.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Plattner M.F. Is Democracy in Decline? *Journal of Democracy*. Baltimore, JHU Press, 2015, Vol.26, N 1, pp.5-10.
2. Лэйн Д. Мираж демократии. *Полис. Политические исследования*. Москва, 2014, № 6, сс.127-148. [Lain D. Mirazh demokratii [The Mirage of Democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. Moscow, 2014, N 6, pp. 127-148. (In Russ.).
3. Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? *Полис. Политические исследования*. Москва, 2014, №1, сс. 10-27. [Lukin A.V. Vozmozhna li drugaya demokratiya? [Is another democracy possible?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. Moscow, 2014, N 1, pp. 10-27. (In Russ.).
4. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? *Полис. Политические исследования*. Москва, 2012, № 1, сс. 63-75. [Mart'yanov V.S., Fishman L.G. Preodolenie kapitalizma: ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revolyucii? [Overcoming capitalism: from moral collapse to moral revolution?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. Moscow, 2012, N 1, pp. 63-75. (In Russ.).
5. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. Москва, Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010, 314 с. [Zolo D. *Demokratiya i slozhnost'. Realisticheskij podhod* [Democracy and Complexity. A Realist Approach]. Moscow, Ed. SU-HSE, 2010, 314 p. (In Russ.).
6. Липсет С.М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений). *Полис. Политические исследования*. Москва, 1991, № 5, сс. 15-32. [Lipset S.M. Tret'ego puti ne sushchestvuet. Perspektivy levyykh dvizhenii [There is no third way. Perspectives of left-wing movements]. *Polis. Political Studies*, Moscow, 1991, N 5, pp. 15-32.
7. Липсет С.М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений). *Полис. Политические исследования*. Москва, 1991, № 6, сс.19-39. [Lipset S.M. Tret'ego puti ne sushchestvuet. Perspektivy levyykh dvizhenii [There is no third way. Perspectives of left-wing movements]. *Polis. Political Studies*, Moscow, 1991, N 6, pp. 19-39. (In Russ.).
8. Fukuyama F. Dealing with Inequality. *Journal of Democracy*. Baltimore, JHU Press, 2001, Vol. 22, N 3, pp.79-89.
9. Moulian T. *Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile*, LOM, 2002, 362 p.
10. Huneus C. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino. *Anuario Iberoamericano*, Malamud C., Isbell P., Tejedor C. (eds). Madrid, Real Instituto Elcano-EFE, 2008, pp. 77-95.
11. Lagos M. Una prosperidad no democrática. *Chile Hoy. Revista de Sociología*. Santiago de Chile, 2007, N 21, pp. 139-163.
12. Castiglioni R., Rovira Kaltwasser C. Political Representation in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America*. Hamburg, 2016, N 8 (3), pp. 3-24.
13. Torres Gutiérrez O. La ruptura de un sueño. Available at: <https://nuso.org/articulo/la-ruptura-de-un-sueno/> (accessed 25.02.2021).
14. Torres Gutiérrez O. La izquierda chilena ante sus dilemas históricos. Available at: <https://nuso.org/articulo/la-izquierda-chilena-ante-sus-dilemas-historicos/> (accessed 03.03.2021).
15. Navia P. ¿Un País en crisis o en fiesta? Available at: <https://www.cadal.org/publicaciones/articulos/?id=12272> (accessed 3.03.2021).
16. Дьякова Л.В. Чили: ревизия старых компромиссов. *Латинская Америка*. Москва, 2018, № 2, сс.5-15. [Diyakova L.V. Chile: revisiya staryh kompromissov [Chile: Revision of old compromises]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 2, pp. 5-15. (In Russ.).

17. Дьякова Л.В. Чили-2020. Эволюция политического кризиса. *Латинская Америка*. Москва, 2020, № 8, сс. 6-19. [Diyakova L.V. Chili-2020. Ezhvoluciya politicheskogo krizisa [Chile-2020. Evolution of the political crisis]. *Latinskaya America*. Moscow, 2020, N 8, pp. 6-19. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0010343-6
18. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. Москва, ИЛА РАН, 2013, 325 с. [Diyakova L.V. *Chiliskaya demokratiya: preemstvennost' i peremeny* [The Chilean democracy: continuity and change]. Moscow, ILA RAS, 2013, 325 p. (In Russ.).
19. Дьякова Л.В. «Пусть уходит!» Роль соглашений элит в трансформации военного режима Пиночета. *Латинская Америка*. Москва, 2018, № 9, сс. 5-16. [Diyakova L.V. "Pust uhodit!" Rol soglashenij ehlit v transformacii voennogo rezhima Pinocheta ["Let him go!" The role of elite agreements in the transformation of the military regime of Pinochet]. *Latinskaya America*, Moscow, 2018, N 9, pp. 5-16. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0000577-3
20. Ley N°20.050 de 26 de agosto 2005. Reforma Constitucional que introduce diversas modificaciones a la Constitución Política. Biblioteca del Congreso Nacional. Available at: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=241331> (accessed 20.03.2021).
21. Modernización del Régimen Electoral Chileno / ed.by Fontaine A., Larroulet C., Viera-Gallo J.A., Walker I. Santiago de Chile, CEP-CIEPLAN, 2007, 350 p.
22. Voto voluntario e inscripción automática. Biblioteca del Congreso Nacional. Available at: <https://www.bcn.cl/leyfacil/recurso/voto-voluntario-e-inscripcion-automatica> (accessed 22.03.2021).
23. Cámara aprobó en tercer trámite el fin del sistema binominal. Available at: <http://www.gob.cl/2015/01/20/> (accessed 21.03.2021).
24. Elecciones 2017. Servicio Electoral de Chile. Available at: <http://www.servelecciones.cl/> (accessed 28.03.2021).
25. CEPAL. Serie Políticas sociales. N 224. Programas de transferencias condicionadas en América Latina y el Caribe. Tendencias de cobertura y inversión. Santiago de Chile, 2017, 82 p.
26. Lagos R. E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. T.V. Santiago de Chile, Ed. Gobierno de Chile, 2005, 393 p.
27. Ley de Pensión Básica Solidaria N° 20.255 de 17 de marzo 2008. Biblioteca del Congreso Nacional. Available at: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=269892> (accessed 20.03.2021).
28. CEPAL. Objetivos de desarrollo del Milenio. La progresión hacia el derecho a la salud en América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2008, 138 p.
29. Arenas de Mesa A. y Gusman Cox J. Política fiscal y protección social en Chile. *Revista de la CEPAL*, Santiago de Chile, 2003, N81, pp.123-141.
30. CEPAL. Panorama social de América Latina 2007. Santiago de Chile, 2008, 290 p.
31. Chile CL: Gini Coefficient (GINI Index): World Bank Estimate. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/chile/poverty/cl-gini-coefficient-gini-index-world-bank-estimate> (accessed 15.03.2021).
32. Latinobarómetro. Informe 2013. Available at: http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2013 (accessed 19.03.2021).
33. Presidenta Bachelet pronunció su discurso por la Cuenta Pública 2017 ante el Congreso Pleno. Available at: <https://www.gob.cl/noticias/presidenta-bachelet-pronuncio-su-discurso-por-la-cuenta-publica-2017-ante-el-congreso-pleno/> (accessed 29.03.2021).
34. CEPAL. Panorama social de América Latina 2018. Santiago, 2019, 225 p.
35. World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2019. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed 15.01.2020).
36. Human Development Report – 2019. New York, 2019. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (accessed 13.01.2020).
37. INFORME_LATINOBAROMETRO_CHILE_1995_2020. Available at: https://www.latinobarometro.org/latdocs/INFORME_LATINOBAROMETRO_CHILE_1995_2020.pdf (accessed 10.03.2021).
38. Дьякова Л.В., Травкин В.Е. Чили не перестает удивлять. *Латинская Америка*. Москва, 2007, № 12, сс. 18-34. [Diyakova L.V., Travkin V.E. CHili ne perestaet udivlyat' [Chile never ceases to amaze]. *Latinskaya America*. Moscow, 2007, N 12, pp.18-34. (In Russ.).

39. Gobierno de Chile. Nueva Agenda Social. Reformas sociales. Available at: <https://www.gob.cl/agendasocial/reformas-sociales/> (accessed 06.03.2021).

40. Plebiscito 2020. Proceso constituyente. Biblioteca del Congreso Nacional. Available at: <https://www.bcn.cl/procesoconstituyente/plebiscito2020> (accessed 28.03.2021).

41. Cuatro claves de una elección inusitada – El Líbero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/cuatro-claves-de-una-eleccion-inusitada/?mc_cid=4016f59238&mc_eid=3ff5671c12 (accessed 18.05.2021).

Liudmila V.Diyakova (diakova65@mail.ru)

Doctor of Political Sciences. Leading researcher, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (ILA RAN)

Bolshaya Ordynka Str., 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

The State, democracy and the incompleteness of the social project: the Chilean experience

Abstract. The article examines the main directions and results of the political and social modernization undertaken by the democratic governments of Chile during 2000-2019, identifies both the unconditional achievements associated with the gradual democratization of the political sphere, and the unresolved problems. Large-scale policies aimed at overcoming poverty and social exclusion, radically changing the education system, did not significantly reduce social inequality, create effective elevators for young people from the poorest strata. The reformism of the second government of M.Bachelet (2014-2018) increased the effect of disappointed expectations and the growing public disillusionment. The divergence of the results of political and social modernization, the conflict of new political opportunities, especially felt by young people, and old social approaches, became the main reason for the protest movement. The article analyzes the internal political processes, the decline of traditional left-centrism and the strengthening of radical tendencies, as well as the prospects for overcoming the crisis associated with the results of the national plebiscite on October 25, 2020.

Key words: Chile, political modernization, social policy, protest movement, plebiscite October 25, 2020.

DOI: 10.31857/S0044748X0015376-2

Received 01.03.2021.

**Л.Б.Николаева, Д.В.Морозов,
Н.В.Калашников**

Никарагуа: выборы в условиях кризиса

В статье рассматривается кризисная ситуация, сложившаяся в Никарагуа в преддверии президентских и парламентских выборов, назначенных на ноябрь 2021 г. Дается анализ ее политических, социальных и экономических причин и возможных последствий для власти президента Даниэля Ортеги. Авторы приходят к выводу, что за витриной внешнего благополучия в никарагуанском обществе накопились глубокие противоречия, которые вылились в массовые протесты, охватившие страну весной 2018 г. На обострение ситуации повлияли ухудшение внешних экономических условий, нарушение действовавшего партнерства между правительством и крупным капиталом, а затем целый ряд негативных последствий, связанных с пандемией коронавируса. В статье дается анализ политического потенциала и электоральных возможностей оппозиционных сил. Прогнозируется развитие внутривнутриполитической обстановки в связи с предстоящими выборами.

Ключевые слова: Никарагуа, Ортега, выборы, режим, оппозиция, экономическое положение, кризис.

DOI: 10.31857/S0044748X0015377-3

Статья поступила в редакцию 05.03.2021.

Всеобщие выборы в Никарагуа (7 ноября 2021 г.) станут серьезным испытанием для президента Даниэля Ортеги (1985—1990, 2007 — н/в) и модели социально-экономического развития страны, реализовывавшейся под его руководством Сандинистским фронтом национального освобождения (*Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN*) с 2007 г. Казалось, что предложенная Д. Ортегой модель открывает новые возможности для пре-

---

Людмила Борисовна Николаева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований ИЛА РАН (<https://orcid.org/0000-0001-5892-7384>, nlb2008@yandex.ru); Дмитрий Валерьевич Морозов — старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (<https://orcid.org/0000-0001-5934-8747>, dmitrym1@hotmail.com); Николай Викторович Калашников — кандидат экономических наук, советник директора ИЛА РАН (ПФ, 115035, ул. Большая Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0003-0103-828>, n.kalashnikov@ilaran.ru).

одоления нищеты, социального неравенства и отсталости, зависимости экономики. Предпринятые его правительством меры дали основание международному сообществу вплоть до апреля 2018 г. считать Никарагуа страной с успешной экономикой и стабильной внутривластной ситуацией. Однако события апреля 2018 г. показали иллюзорность социально-экономического благополучия, «формальность» демократии и политической стабильности. На наш взгляд, вступление страны в критическую фазу вызвано тесным переплетением внутренних экономических, социальных и политических проблем и неблагоприятным изменением внешних условий.

При подготовке статьи авторы обращались к материалам, опубликованным в журналах «Латинская Америка», *Iberoamérica*, *Revista de Ciencia Política* и других изданиях, к статьям о Никарагуа, вышедшим в аналитической серии «Саммит» (2008 г.), посвященным начальному этапу возвращения Д.Ортеги во власть. Учитывая злободневность и актуальность темы, использовался неформализованный анализ публикаций в правительственной и оппозиционной печати и документов различных организаций, позволивший выйти на прогноз результатов предстоящих выборов.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Правительство Д.Ортеги придерживалось стратегии выборочного сочетания элементов открытой рыночной экономики и государственного регулирования. Эта стратегия была направлена на развитие социально ориентированной и, одновременно, благоприятной для бизнеса экономики, интегрированной в глобальные коммерческие и финансовые рынки. Большое внимание уделялось организации хорошего делового климата и достижению международной конкурентоспособности.

Базовыми компонентами экономической политики стали союз с крупным капиталом и создание благоприятных условий для иностранных инвесторов. Сама же модель экономики с ее ориентацией на экспорт и сильной зависимостью от мировых цен не претерпела особых изменений. Партнерство с деловыми кругами опиралось на взаимные обязательства: президент обещал не проводить национализаций и аграрной реформы, а бизнес — не вмешиваться в политику.

Налаженный конструктивный диалог с представляющими крупный капитал членами Высшего совета частного предпринимательства (*Consejo Superior de la Empresa Privada, Cosep*) позволил достичь консенсуса по ключевым вопросам экономической политики. С 2007 по 2018 г. под контроль бизнес-элит были переданы наиболее доходные рыночные ниши. В результате число никарагуанских мультимиллионеров выросло со 180 в 2010 г. до 210 в 2015 г. с совокупным капиталом в 30 млрд долл. [1, р. 41]. А число обладателей капитала от 100 тыс. до 1 млн долл. выросло в 2012—2016 гг. с 3 до 11 тыс. [2, р. 126]. «Экономический альянс» с лидерами бизнеса в значительной степени помог Д.Ортеге преодолеть негативные по-

следствия мирового экономического кризиса 2009 г. Эта «модель консенсуса» нашла поддержку и у профсоюзов.

Частный сектор стал основным источником экономического роста и инвестиций. В 2015—2017 гг. при общем объеме капиталовложений в основной капитал в 33% ВВП на частный сектор пришлось 26% и лишь 7% — на государственные инвестиции, в 2018 г. — соответственно, 18% и 6% [3].

Партнерство с предпринимательскими кругами способствовало созданию весьма привлекательного делового климата и увеличению притока ПИИ: с 4% ВВП в 2001—2007 гг. до почти 7% в 2008—2016 гг. В 2015—2017 гг. он составлял в среднем 940 млн долл. в год [4, р. 142]. В 2018 г. основными сферами приложения иностранного капитала были промышленность (39%), финансовый сектор (20%), торговля и услуги (20%), телекоммуникации (7,3%) и добыча полезных ископаемых (5,5%) [3]. Результатом целенаправленной политики по привлечению иностранного капитала стала заметная диверсификация его источников. Если в 2007 г. в Никарагуа поступили инвестиции из 34 стран, то к 2017 г. этот список расширился до 68. Самым масштабным проектом с участием иностранного капитала должно было стать строительство в 2014 г. межокеанского канала*.

Важным источником валютных поступлений были относительно высокие доходы от экспорта (продукция сельского хозяйства и минеральное сырье, прежде всего золото) [3]. Одновременно была расширена сеть промышленных парков, которые функционируют в качестве зон свободной торговли и играют важную роль в наращивании экспорта (сегодня в стране действует 50 парков, в них расположена 221 компания) [5]. Еще одним крайне значимым источником притока валюты оставались денежные переводы работающих за рубежом никарагуанцев — свыше 1,7 млрд долл. в 2019 г., что эквивалентно почти 13% ВВП [3].

Рост экспортных доходов позволил существенно увеличить объем золотовалютных резервов: с 1799 млн долл. в 2010 г. до 2758 млн в 2017 г. [3]. Эти резервы повышали платежеспособность страны и становились гарантией для получения внешних займов. Правительство Ортеги активно сотрудничало с международными финансовыми структурами (МВФ, Всемирный банк, МАБР и Центрально-американский банк экономической интеграции), которые предоставляли Манагуа кредиты на проекты развития в различных областях, включая транспортную инфраструктуру, энергетику, строительство, социальные услуги, на борьбу с бедностью. В 2010—2017 гг. объем международного финансирования вырос с 323 до 607 млн долл. [6, р. 18].

Жизненно важным источником поступления средств извне на десятилетие стала помощь от правительства Венесуэлы. По мнению профессора из

---

* Проект был заморожен. Не были реализованы и другие анонсированные мегапроекты — строительство крупнейшего в Центральной Америке нефтеперерабатывающего завода *El Supremo Sueño de Bolívar* (с участием венесуэльского капитала) и возведение мощной гидроэлектростанции *Tumarín* (бразильский капитал). С участием китайской компании планировалось также запустить собственный спутник *Nicasat 1*.

канадского Университета Западного Онтарио (*Western Ontario University*) Андреса Переса-Бальтодано, «нет сомнения, что возможность правительства Ортеги увеличить социальные расходы в основном зависела от помощи, полученной от Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra America, ALBA*), а точнее — от правительства Венесуэлы» [7, р. 213]. С 2007 по 2018 г. кредиты и гранты Венесуэлы превысили 4,95 млрд долл. Помимо обеспечения своих потребностей в нефти за счет венесуэльских льготных поставок в рамках программы *Petrocaribe* правительство Ортеги имело возможность направлять получаемые средства на финансирование социальных программ и поддержку государственного сектора, избегать повышения налогов. Существенную роль в обеспечении притока валютных средств играло и увеличение в 4,6 раза никарагуанского экспорта в Венесуэлу с 2007 по 2015 г., приблизившегося к 300 млн долл. [3].

Благоприятные мировые цены на ряд никарагуанских товаров, поддержка со стороны международных финансовых организаций, помощь Венесуэлы, рост доверия иностранных инвесторов способствовали укреплению экономики. В течение десятилетия Никарагуа демонстрировала лучшие среди стран Центральной Америки показатели. Темп роста экономики в 2007—2017 гг. составил 6,4%, ВВП на душу населения вырос с 1300 до 2165 долл. Среднегодовой уровень инфляции в 2013—2017 гг. не превышал 5% [3]. По глобальному индексу конкурентоспособности Никарагуа за пять лет поднялась со 112-й позиции (среди 139 стран) в 2010—2011 гг. до 104-й (из 140), а по индексу инклюзивного развития* к началу кризиса Никарагуа занимала 29-ю строчку среди 74 стран [8, р. 3], по индексу счастья — 41-ю позицию среди 154 государств [9].

Репутация Никарагуа как стабильной страны с низким уровнем преступности, конкурентными ценами, благоприятным климатом позволила ей постепенно превратиться в привлекательное туристическое направление. Число иностранных туристов за десятилетие 2007—2017 гг. удвоилось — с 978 тыс. до 1, 959 млн. [10]. Никарагуа вошла в тройку латиноамериканских стран с самым высоким ростом числа прибывающих туристов, приносящих доход, равный 5% ВВП.

Масштабный приток внешних средств и положительные результаты экономической политики в целом позволили Д.Ортеге реализовывать обещанные социально ориентированные программы. Первыми шагами

---

* Новый показатель (*Inclusive Development Index, IDI*) был представлен на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Включает 12 параметров, объединенных в три группы: рост и развитие (рост ВВП, занятость, производительность труда, ожидаемая продолжительность жизни); инклюзивность (медианный доход домохозяйств, уровень бедности, коэффициент расслоения общества по доходам и коэффициент расслоения общества по распределению богатства); межпоколенческая справедливость и устойчивость (уровень сбережений, демографической нагрузки, государственного долга и загрязнения окружающей среды).

стали декреты о бесплатном начальном и среднем образовании и здравоохранении. С 2007 г. в стране было осуществлено около 40 различных социальных программ, охвативших более 730 тыс. домохозяйств. Общая тенденция выглядела позитивной: если доля населения, живущего в нищете в 2000—2008 гг., составляла 45,8%, то в 2008—2013 гг. она сократилась до 25% [11]. Тем не менее, руководству страны не удалось существенно изменить ситуацию и удовлетворить ожидания людей. Не произошло и качественного улучшения структуры экономики. Как и прежде, ее основу составляют агропромышленный сектор, продукция которого во многом ориентирована на экспорт, горнодобывающая промышленность, а также обрабатывающая промышленность с низкой добавленной стоимостью. Уязвимым местом остается слабо развитая и неадекватная инфраструктура, что отражается на качестве жизни простых никарагуанцев, сдерживает более пропорциональное территориальное и хозяйственное развитие.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

При внешнем благополучии Никарагуа оставалась в числе беднейших государств Центральной Америки. Сохранялся высокий уровень имущественного неравенства, национальные богатства концентрировались в руках привилегированного меньшинства. Отличительная черта — наличие слабого среднего класса, что замедляло экономическое развитие в целом и формирует «ловушку бедности». Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) за время президентства Ортеги практически не изменился: 43,9 — в 2009 [12] и 43,2 — в 2018 г. [8, р. 20].

Социальные программы были ориентированы на маргинальные слои городских окраин и не сопровождались структурными преобразованиями. До 70% экономически активного населения по-прежнему трудилось в неформальном секторе. Показательно, что в 2017 г. системой социального страхования были охвачены всего 921 тыс. человек [13]. Не удалось преодолеть трудности с водоснабжением: только 66% всех домохозяйств имели доступ к системе распределения питьевой воды, и даже в столице 37% из них получали воду менее шести часов в день [14, р. 38]. Сохранила остроту жилищная проблема. Несмотря на некоторые улучшения в этой сфере общая ситуация оставалась неудовлетворительной: на 10 тыс. населения приходилось всего 10 врачей, 15 медсестер и 9 больничных коек [12]; медуслуги сосредоточены в крупных городах. Формально здравоохранение было объявлено бесплатным, но при этом дорогостоящие лекарственные препараты гражданам приходилось оплачивать самостоятельно.

Положение в социальной сфере осложнилось после 2014 г. Причиной стало резкое сокращение венесуэльских финансовых потоков, вызванное падением мировых цен на нефть. В 2018 г. эти поступления едва превысили 27 млн долл. — на 73,4% меньше, чем в 2017 г. [15]. Упали объемы никарагуанского экспорта в Венесуэлу (до 21 млн долл. в 2018 г.) [3]. Прави-

тельство было вынуждено сократить субсидии на электричество и транспорт, что сразу ударило по широким слоям населения.

К 2018 г. накопились серьезные противоречия в никарагуанской деревне. Стоявшие у власти в 1990—2007 гг. правительства либералов проводили политику по восстановлению крупного частного землевладения. Вновь возникли латифундии, обострилась проблема «земельного голода» среди крестьянских масс. Д.Ортега отказался от изменения системы землевладения, встав на путь «консервирования» земельного вопроса. Обычной практикой стал насильственный сгон крестьян с их земель в районах залежей полезных ископаемых, чтобы «расчистить площадку» для горнодобывающих компаний. Ситуация накалилась с началом строительства межокеанского канала в 2014 г., когда более 20 тыс. семей оказались под угрозой потери своих наделов. На действия правительства крестьянство ответило массовыми выступлениями, которые жестко подавлялись, в том числе с использованием армейских подразделений. Крестьянские активисты становились жертвами внесудебных расправ со стороны силовых структур. С 2008 г. по начало 2019 г. были убиты 55 крестьян [16], в течение 2019 г. — 71 [17]. В ходе протестов возникло Крестьянское движение Никарагуа (*Movimiento Campesino de Nicaragua, MCN*), ставшее главным проводником крестьянских устремлений. В 2018 г. эта организация выдвинула лозунги отставки Ортеги и демократизации политической жизни.

Обострился национальный вопрос в регионе Москития, где проживают индейцы мискито. Еще в 1980-е годы сандинисты допустили серьезные ошибки, когда в административном порядке пытались перестроить жизнь индейских общин. После 2007 г. начался процесс аграрного «освоения» индейских территорий. По данным оппозиционной печати, правительство преследует цель передать обширные земельные массивы на побережье Карибского моря крупным деревообрабатывающим и агропромышленным компаниям. В регион хлынул поток колонистов, вырубавших леса и создающих фермерские хозяйства. Между ними и индейцами происходят кровавые столкновения. В 2020 г. погибли 49 коренных жителей Москитии, около тысячи были вынуждены покинуть места своего проживания [18]. Власти мало что делают для предотвращения земельных захватов. Формально Москития пользуется автономией, но реально там заправляют активисты *FSLN*. Интересы мискито представлены политической партией «Дети Матери-Земли» (*Yapti Tasba Masraka Nanih Aslatakanka, YATAMA*).

Все очевиднее стал проявляться запрос населения на перемены в общественно-политической жизни страны. Растущее недовольство вызвано усилением авторитарного стиля руководства. В 2011 г. контролируемый сандинистами Верховный суд «разрешил» в обход парламента переизбрание Ортеги на очередных выборах. В 2014 г. традиционным для Ортеги путем было проведено «реформирование сверху» [19, с. 27]: проведенная «конституционная реформа» позволила «обнулить» президентские сроки и по-

лучить право переизбираться неограниченное число раз [20, р. 116]. В прямое подчинение президенту перешли армия и полиция. Как отмечает профессор каталонского Университета Жироны (*Universidad de Girona*) Сальвадор Марти Пуиг, «режим Ортеги становится все более схожим с традиционным каудильизмом прошлого» [21, р. 255]. После 2016 г. должность вице-президента занимает супруга президента Росарио Мурильо. В политической системе монопольное положение занял *FSLN*, контролирующей законодательные, судебные и избирательные власти, произошло его сращивание с госаппаратом. Оппозиционные партии и движения оказались низведены до положения маргиналов. В рамках созданной авторитарной системы граждане не могли выражать свое недовольство через легально действующие структуры: критика власти сразу блокировалась. Единственным способом сделать это стали внепарламентские методы борьбы.

Дал трещину альянс Ортеги с крупным бизнесом. Ближний круг четы Ортеги — Мурильо превратился в «коллективного предпринимателя», который начал довлеть в доходных секторах никарагуанской экономики. Ему принадлежат контрольные пакеты акций компаний в сферах коммуникаций, производства цемента, нефтепереработки, оборота недвижимости, а также ряд электростанций [22]. Под контроль президентского семейства перешли шесть из девяти открытых телеканалов. По некоторым подсчетам, личное состояние Ортеги — Мурильо превысило 2,5 млрд долл. [23]. Семья и близкие друзья президента в альянсе с иностранным капиталом заняли привилегированное положение в хозяйственной жизни. Одновременно шло вытеснение конкурентов из числа других представителей бизнеса.

Совокупность всех этих факторов привела к тому, что решение правительства о проведении реформы социального обеспечения (увеличение пенсионных взносов для работников и в еще большей степени для предпринимателей) вылилось 18 апреля 2018 г. в острое противостояние между властью и различными слоями населения. Хотя Д.Ортега через несколько дней отменил реформу, социальный протест быстро перерос в политический. Участники потребовали досрочной отставки Ортеги — Мурильо, что свидетельствовало о накопившемся в обществе недовольстве. Но массового восстания не произошло. Выступления носили стихийный и неорганизованный характер. Не было обеспечено взаимодействия горожан с крестьянством: на баррикады вышла, в основном, радикально настроенная молодежь. Оппозиционные партии показали свою неспособность возглавить протестное движение, а большинство населения проявило пассивность.

Разразившийся социально-политический кризис усугубил экономическую ситуацию. В 2018—2019 гг. ВВП сокращался в среднем на 4% в год, а в расчете на душу населения — на 5% [24, pp. 124-125], составив 1913 долл. Хуже показатель был только у Гаити [25, р. 31]. Жесткие действия силовых структур по подавлению протестов (по данным Межамериканской комиссии по правам человека, погибли 325 человек, в том числе

21 полицейский, и были ранены 2000 человек [26]) и последовавшие репрессии вызвали сильную критику международного сообщества. США и страны Евросоюза ввели в отношении Никарагуа экономические санкции. Под их давлением иностранные инвесторы начали сворачивать свою деятельность. В 2017—2020 гг. приток ПИИ сократился с 971 млн долл. до 182,3 млн долл. [27]. Под угрозой также оказалась поддержка со стороны международных финансовых учреждений, столь необходимая стране для финансирования инфраструктурных проектов и жизненно важного импорта.

Экономический кризис усугубляется пандемией *COVID-19*. До середины 2020 г. правительство не принимало действенных мер по предотвращению распространения эпидемии. Это осложнило ситуацию: по данным организации *Observatorio Ciudadano*, в сентябре 2020 г. Никарагуа занимала 9-е место среди 19 стран региона с наибольшей смертностью от коронавируса [28].

Стремясь найти выход из создавшегося кризисного экономического положения, правительство в марте 2019 г. приняло новый закон «О налоговом упорядочивании». Было осуществлено временное замораживание минимальной заработной платы, повышение тарифов на электроэнергию и водоснабжение, ряд других решений. Но указанные шаги не дали желаемого результата. По оценкам ЭКЛАК, в 2020 г. ВВП сократился на 4%, а в расчете на душу населения — на 5,2% [24]. Более 43 тыс. никарагуанцев за этот год потеряли работу. Наиболее пострадавшими секторами экономики стали гостиничный и ресторанный бизнес (падение на 49,4%), электроснабжение (на 23%), кредиты и финансовые услуги (на 14,9%), транспорт и связь (на 9,5%) [29]. Сильно пострадала туристическая отрасль: число посетивших в 2020 г. страну туристов сократилось на 67,4% по сравнению с 2019 г., доходы от туризма упали на 61,5% [30]. В непрестом положении оказался банковский сектор. С 2018 по январь 2021 г. закрылись 168 отделений банков, со счетов были сняты 1090 млн долл. [31]. Внешнеторговый оборот сократился более чем вдвое по сравнению с 2019 г. Внешний долг страны достиг почти 12 млрд долл. [25, р. 51]. Притормозить спад удалось за счет сохраняющегося динамизма в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, торговле и строительстве, высоких цен на ее экспортную продукцию, а также роста денежных переводов из-за границы. Дополнительным испытанием для экономики Никарагуа стали ураганы «Эта» и «Йота», обрушившиеся на страну в ноябре 2020 г. Были полностью разрушены 5,8 и частично 38 тыс. жилищ, пострадали 160 тыс. человек. Нанесенный ущерб оценивается в 742,6 млн долл. [32].

Без международной помощи преодолеть кризис, усугубленный *COVID-19*, будет сложно. В декабре 2020 г. МВФ выделил почти 187 млн долл. на финансирование программы неотложной медицинской помощи (40%) и программы продовольственного обеспечения (10%), часть средств будет направлена на покрытие других расходов бюджета, связанных с пандемией [33]. Никарагуа рассчитывает получить также часть из 1,2 млрд долл., выделен-

ных МАБР в помощь странам, наиболее пострадавшим от упомянутых выше ураганов.

Таким образом, Никарагуа вступила в год всеобщих выборов в условиях ухудшения экономики и неблагоприятной для властей социальной обстановки. По экспертным оценкам, в 2020 г. число бедных в стране за кризисный период возросло с 47 до 52%, усугубилась проблема безработицы: в 2018—2020 гг. работы лишились свыше 200 тыс. никарагуанцев в формальном секторе и до 300 тыс. — в неформальном [34]. Примерно 2 млн граждан живут на полтора доллара в день [35]. Сокращено финансирование ряда важных социальных проектов. По всем признакам, ожидать заметного улучшения ситуации в 2021 г. не приходится. В феврале стоимость базовой продовольственной корзины увеличилась на 30 долл. по сравнению с декабрем 2020 г., в марте она достигла 430 долл. [36]. При этом размер официальной минимальной зарплаты едва превышает 180 долл. Прогнозы специалистов обещают лишь незначительное улучшение ситуации с возможным ростом ВВП в 2021 г. от 1,3% (ЭКЛАК) до 2,5% (министерство финансов Никарагуа).

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Политический кризис привел к перегруппировке сил в лагере оппозиции. Появились новые объединения — Гражданский альянс за справедливость и демократию (*Alianza Cívica por la Justicia y la Democracia, ACJD*) и Национальный союз сине-белого флага (*Unidad Nacional Azul y Blanco, UNAB*). Поначалу, будучи разнородными по социальному составу, они ратовали за уличные методы борьбы. Но к 2020 г. между ними четко обозначилось размежевание. *ACJD* стал выразителем интересов крупных предпринимателей, командные позиции в нем занял *Cosep*. Это предопределило умеренность в политике альянса и свертывание уличной активности.

UNAB можно условно отнести к левому флангу оппозиционного лагеря, поскольку объединение пока не предложило внятной социально-экономической программы. Внутри движения главенствуют Обновленческий демократический союз (*Unión Democrática Renovadora, UNAMOS*)* и активисты студенческих организаций. Всего группировка объединяет порядка 90 организаций. Объективно она выступает как представитель интересов средних городских слоев. Среди участников есть немало сторонников решительных действий. Представители радикального крыла убеждены в необходимости силового давления на власть вплоть до вооруженного восстания.

---

* До января 2021 г. — Движение сандинистского обновления (*Movimiento Renovador Sandinista, MRS*). Состоит из бывших соратников Ортеги, порвавших с ним в 1996 г. и относящих себя к социал-демократам. В свое время руководители *UNAMOS* приняли активное участие в дележе собственности династии Сомосы. Это обстоятельство вызывает сильное недоверие к ним со стороны широких слоев населения.

В июне-июле 2020 г. правая и левая оппозиция сформировали Национальную коалицию (*Coalición Nacional, CN*). В нее вошли *UNAB, ACJD, MCN, YATAMA*, а также Либерально-конституционалистская партия (*Partido Liberal Constitucionalista, PLC*), Партия демократического возрождения (*Partido de Restauración Democrática, PRD*) и Никарагуанская демократическая сила (*Fuerza Democrática Nicaraguense, FDN*). Однако единство продлилось недолго. Из-за явного нежелания *Cosep* связывать себя обязательствами с левыми силами (*UNAB*) и «трудовиками» (*MCN*) в октябре 2020 г. *ACJD* вышел из коалиции.

В начале 2021 г. *ACJD* сформировал блок с маловлиятельной партией правого центра «Граждане за свободу» (*Ciudadanos por la Libertad, CxL*). В соглашении стороны заявили о необходимости создания широкой оппозиционной коалиции. Подобные шаги со стороны альянса говорят о стремлении крупного бизнеса подчинить оппозиционный лагерь своим лозунгам. Некоторые заявления *Cosep* позволяли предположить, что олигархи решили окончательно порвать с режимом и сделать ставку на смену власти. Это стало реакцией на ряд мер правительства (резкое повышение налогов, ужесточение госнадзора за коммерческой деятельностью, наложение высоких штрафов), которые сильно ударили по интересам крупного бизнеса.

В конце ноября 2020 г. из Национальной коалиции была исключена *PLC*. За время пребывания у власти *PLC* скомпрометировала себя громкими коррупционными скандалами и беспринципностью*. В 2020 г. внутри партии развернулась борьба за власть, часть руководства негласно ориентируется на сандинистов. К тому же в начале 2021 г. произошел раскол *PLC* на две враждующие группировки.

В оппозицию режиму перешла никарагуанская католическая церковь. Придя к власти, Ортега проводил линию на сближение с епископатам [37, с. 17]. Но отношения стали напряженными в 2014 г., когда прелаты выступили против выселения крестьян в районе прокладки канала. В апреле 2018 г. ряд епископов подверг жесткой критике действия правительства по подавлению протестов. В 2019 г. церковь призвала Ортегу провести досрочные президентские выборы без его участия с целью выхода из внутривнутриполитического тупика. В ответ президент публично обвинил прелатов в сговоре с «путчистами», готовящими государственный переворот [38]. В 2019—2020 гг. по стране прокатилась волна погромных антицерковных акций, по всем признакам напоминавшая спланированную кампанию.

Понимая, что в условиях экономического спада его положение становится все менее устойчивым, режим стремится не допустить объединения оппозиционных сил. С апреля 2018 г. по август 2020 г. в стране имели ме-

* Еще в 1999—2000 гг. лидер либералов и тогдашний президент страны Арнольдо Алеман (1997—2002 гг.) заключил с Даниэлем Ортегой сделку о дележе власти между либералами и сандинистами. В 2005 г. либералы и *FSLN* изменили избирательный закон, снизив процент голосов, необходимых для избрания на пост президента, что позволило Ортеге избраться в 2006 г.

сто более 10 тыс. актов преследования по политическим мотивам [39]. По данным Межамериканской комиссии по правам человека, с апреля 2018 г. по 31 мая 2020 г. подверглись аресту 1614 оппозиционеров [40]. В тюрьмах продолжают удерживать более 100 активных участников событий 2018 г. (данные оппозиции и правозащитников) [41]. Параллельно идет выдавливание из страны максимального числа нежелательных граждан с целью лишить оппозицию активного электората. В 2018—2020 гг. Никарагуа покинули свыше 100 тыс. человек [42].

По мере приближения выборов правительство приняло ряд ужесточающих законов. Расширен круг деяний, за которые гражданин может быть объявлен «предателем родины» и лишен права занимать выборные должности. С 48 часов до трех месяцев увеличен срок содержания под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступления. Введено пожизненное лишение свободы за совершение «тяжких преступлений с возбуждением сильного чувства ненависти». Эти законы подводят правовую основу под преследования оппозиционных лидеров и активистов, позволяют манипулировать и снимать с предвыборной гонки «неудобных» противников. По существу, они узаконили практику полицейского произвола.

В 2020 г. началась очередная зачистка информационного поля. После 2018 г. из-за угрозы физической расправы страну были вынуждены покинуть 90 работников СМИ. С 15 июля по 15 декабря 2020 г. против журналистов было совершено 66 актов агрессии [43]. Большинство оппозиционных газет и телеканалов было вынуждено «переехать» в Интернет. В октябре 2020 г. парламент принял закон, предусматривающий наказание в виде лишения свободы за распространение в Сети «заведомо ложной и заведомо искаженной информации». При этом четких определений этих понятий в законе не дано, и правовая квалификация будет даваться судом. В условиях, когда судебные органы полностью подчинены исполнительной власти, закон становится действенным орудием борьбы с независимой журналистикой.

Вопрос об избирательной реформе являлся главным требованием всех оппозиционных сил. Эти силы опирались на обязательство, данное Ортегой в подписанном с ОАГ в 2017 г. меморандуме, о принятии нового закона о выборах не позднее мая 2021 г. Для никарагуанского руководителя это было тактической уловкой, так как все его действия свидетельствовали о намерении провести выборы по выгодным для него правилам. В мае 2021 г. поправки к избирательному закону наконец были приняты. В соответствии с ними упразднен минимальный порог в 35% голосов, необходимый для избрания президента и вице-президента. Резко ограничены возможности финансирования политическими партиями и движениями своих предвыборных кампаний, в том числе в форме добровольных пожертвований. На выборные должности не могут претендовать лица, призывающие к введению в отношении Никарагуа экономических санкций. Кандидаты могут проводить встречи с избирателями только с разрешения полицейского

начальства. Благодаря этим поправкам, контролируемые правительством избирательные органы получили достаточное количество оснований, чтобы вывести из игры любого оппозиционного кандидата, способного составить конкуренцию выдвиженцу от *FSLN*. «Реформа» вскрыла фиктивность никарагуанского «парламентаризма» и окончательно развеяла конституционные иллюзии лидеров оппозиции, делавших ставку на смену власти через избирательные урны.

В новом составе Высшего избирательного совета (*Consejo Superior Electoral, CSE*), одновременно «избранном» парламентом в мае 2021 г., большинство мест (6) получили выдвиженцы *FSLN*. Остальные члены были предложены либералами (3) и консерваторами (1). Никто из лиц, рекомендованных блоками *CN* и *ACJD-CxL*, в состав *CSE* не вошел.

Оппозиция объективно отражает настроения широких слоев никарагуанского общества. При этом ни одна из оппозиционных сил не имеет массового электората. Главная слабость оппонентов Д.Ортеги заключается в том, что они увлеклись обсуждением политических вопросов и не предлагают путей решения сложных социально-экономических проблем. Из-за разнородности состава внутри Национальной коалиции не была преодолена организационная разобщенность. По той же причине не удалось выработать общую программу. Итогом стал выход в мае 2021 г. из блока партии *YATAMA*.

Первым актом нового *CSE* стало лишение партии *PRD* статуса юридического лица. Это означает, что Национальная коалиция не сможет выдвинуть своего кандидата на ноябрьских выборах. Поэтому Медардо Майрена (*MCN*), Феликс Марадьяга (*UNAB*) и Луис Флей (*FDN*) приняли решение стать «прекандидатами» от блока *ACJD-CxL*. Их примеру последовала пользующаяся большим влиянием в общественно-политических кругах страны Кристиана Чаморро (придерживается правоцентристских взглядов, но формально не входит ни в одну политическую организацию).

Против оппозиции работают политическая пассивность большинства граждан, их неверие в возможность перемен к лучшему и недоверие к политическим элитам в целом. По данным компании *CID Gallup*, в июле 2020 г. большинство граждан оказались не готовы занять активную позицию: 64% опрошенных сообщили, что не поддерживают никакой политической партии [44]. Однако в случае ухудшения социально-экономического положения до ноября 2021 г. ситуация может измениться, и глухое брожение сможет перерасти в активный протест: в мае 2021 г. доля равнодушных снизилась до 56% [45]. Уже в мае 2021 г. опросы электоральных настроений никарагуанцев показали, что за Д.Ортегу готовы отдать голоса 30% избирателей. За ним следует К.Чаморро, которую поддержали 21% опрошенных. При этом политический имидж К.Чаморро вызывает симпатии у 53% никарагуанцев (первое место), тогда как Д.Ортеги — у 39% (седьмое).

Последние события определенно показывают, что в условиях затяжного экономического кризиса и падения уровня жизни большинства никарагу-

анцев главным средством удержания сандинистами власти станет административный ресурс. В июне начал раскручиваться маховик репрессий: правоохранительными органами были задержаны лидеры оппозиции К.Чаморро, Артуро Крус (*ACJD-CxL*), Ф.Марадыга и Хуан Чаморро (*ACJD-CxL*), а также бывший председатель *Coser* Хосе Агерри. Становится ясно, что режим не позволит участвовать в выборах представителям настоящей (а не карманной) оппозиции, и весь избирательный процесс сведется к фарсу. Поэтому исход ноябрьского «голосования» можно со всей определенностью предсказать уже сейчас.

В складывающейся обстановке Д.Ортеге будет выгодна малая явка избирателей — чтобы все недовольные остались дома, а на участки явились его отомобилизованные сторонники. Но даже в случае массового протестного голосования подконтрольный сандинистам *CSE* просто «нарисует» нужные ему результаты.

Но следует учитывать, что очередное «переизбрание» Д.Ортеги не устранил накопившиеся в никарагуанском обществе антагонизмы. Напротив, они будут нарастать и, не находя выхода, неминуемо приведут к новому социальному взрыву. Перекрывая оппозиции «кислород», режим объективно толкает ее на внепарламентские методы политической борьбы. Поэтому страну ожидают сильные потрясения после ноябрьской «победы» сандинистов. Внутриполитический кризис вступит в более острую фазу.

Неизбежно осложнится международное положение Никарагуа: судя по резким заявлениям Евросоюза, ОАГ, администрации США относительно избирательной «реформы» и задержаний оппозиционеров, легитимность победы Даниэля Ортеги по новым правилам не будет признана многими за рубежом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Privilegios que niegan derechos. Desigualdad extrema y secuestro de la democracia en América Latina y el Caribe. Oxfam International, Informe 2015, 210 p.
2. Germán Alarco Tosonia y César Castillo García. Concentración de la riqueza en América Latina en el siglo XXI. Problemas del Desarrollo. Revista Latinoamericana de Economía, vol. 51, núm. 203, octubre-diciembre 2020, pp. 111-136.
3. Banco Central de Nicaragua (BCN). Available at: <https://www.bcn.gob.ni> (accessed 28.03.2021).
4. Banco Central de Nicaragua. INFORME ANUAL 2018, 178 p.
5. Comisión Nacional de Zonas Francas. Available at: <https://cnzf.gob.ni/es/noticias/zonas-francas-en-crecimiento> (accessed 22.11.2020).
6. Banco Central de Nicaragua. INFORME DE COOPERACIÓN OFICIAL EXTERNA, 2018. Junio 2019, 80 p.
7. Andrés Pérez-Baltodano. Western University, Canada. Nicaragua: democracia electoral sin consenso social. Revista de ciencia política (Santiago), vol.32 no.1, 2012, pp. 211-218.
8. World Economic Forum. The Inclusive Development Index 2018. Summary and Data Highlights 2018. 25 p.
9. World Happiness index. Available at: <https://worldhappiness.report/ed/2020/> (accessed 03.03.2021).

10. Boletín de Estadísticas de Turismo. Año 2018, edición N29, pp. 9-11. Available at: https://www.intur.gob.ni/wp-content/uploads/2019/09/Boletin-de-Estadisticas-de-Turismo-Nicaragua-2018_1.pdf (accessed 02.12.2020).
11. UNDP. Human Development Report 2010, p. 162 (238 p.). Human Development Report 2020. The next frontier. Human development and the Anthropocene, p. 366 (412 p.). Available at: <http://hdr.undp.org> (accessed 10.03.2021).
12. The World Bank. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 03.04.2021).
13. Nicaragua perdió 157.933 empleos formales en el 2018 por la crisis sociopolítica. *La Prensa*, 15.02.2019. Available at: <https://www.efe.com/efe/america/economia/nicaragua-perdio-157-923-empleos-formales-en-el-2018-por-la-tesis-sociopolitica/20000011-3899356> (accessed 05.08.2020).
14. BID. Notas de infraestructura de país: Centroamérica, México, Panamá y República Dominicana. Abril 2019, 53 p.
15. Cooperación venezolana a Nicaragua cae 73.4 por ciento. *Confidencial*, 10.06.19. Available at: <https://www.confidencial.com.ni/economia/cooperacion-venezolana-a-nicaragua-cae-73-4-por-ciento/> (accessed 03.08.2020).
16. Ejército de Nicaragua se desvincula de asesinatos de campesinos cometidos entre 2008 y 2019. *La Prensa*, 04.11.19. Available at: <https://www.laprensa.com.ni/2019/11/04/nacionales/2607525-ejercito-de-nicaragua-se-desvincula-de-asesinatos-de-campesinos-cometidos-entre-2008-y-2019> (accessed 11.01.2021).
17. Continúa represión contra campesinos en Nicaragua: 8 asesinatos en lo que va del año. VOS TV, 18.07.20. Available at: <https://www.vostv.com.ni/nacionales/14165-campesinos-asesinados-nicaragua-derechos-humanos-p/> (accessed 14.01.2021).
18. Al menos 49 indígenas asesinados en 2020 en el Caribe. *Trinchera*, 29.01.21. Available at: <https://www.trincheraonline.com/2021/01/29/al-menos-49-indigenas-asesinados-en-2020-en-el-caribe/> (accessed 30.01.2021).
19. Пятаков А.Н., Чернышев А.Л. Риски политической нестабильности в странах «Социализма XXI века». *Латинская Америка*. 2011, №2, сс. 22–37. [Pyatakov A.N., Chernyshev A.L. Riski politicheskoy nestabil'nosti v stranakh «Sotsializma XXI veka» [Risks of policy instability in the countries of "Socialism of the XXI century"]. *Latinskaya Amerika*, 2011, N 2, pp. 22-37 (In Russ.).
20. Iwanowski Z. Poder dividido como causa de la turbulencia política. *Iberoamérica*, N2, 2017, pp. 102-123.
21. Salvador Martí Puig. Universidad de Girona (España). Nicaragua: Desdemocratización y caudillismo. *Revista de ciencia política (Santiago)*, vol.36, N1, 2016, pp. 239-258.
22. ¿Cuáles son los poderes fácticos? *Artículo 66*. 02.03.21. Available at: <https://www.articulo66.com/2021/03/02/opinion-poderes-facticos-nicaragua-ortega-murillo-ejercito-policias-politicos-movimientos-sociales-obispos/> (accessed 11.03.2021)
23. Millonarios, fuga de capitales y “narcopolítica”. *Artículo 66*. 21.03.21. Available at: <https://www.articulo66.com/2021/03/21/opinion-millonarios-nicaragua-daniel-ortega-rosario-murillo-empresarios-remesas/> (accessed 01.04.2021).
24. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, 2020. Santiago, 2021, 163 p.
25. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe, 2020. Santiago, 2021, 157 p.
26. CIDH. Informe Anual 2018. CAPÍTULO IV. B NICARAGUA, p.208. Available at: <http://www.oas.org/es/cidh/docs/anual/2018/docs/IA2018cap.4B.NI-es.pdf> (accessed 05.11.2020).
27. La inversión extranjera directa en Nicaragua cayó un 63,8 % en el 2020. *Agencia EFE*, 04.04.21. Available at: <https://www.efe.com/efe/america/economia/la-inversion-extranjera-directa-en-nicaragua-cayo-un-63-8-el-2020/20000011-4503422> (accessed 05.04.2021).

28. Observatorio Ciudadano COVID-19 en Nicaragua. Informe Semanal. 17/09/2020 al 23/09/2020/. Available at: <https://observatorioni.org/wp-content/uploads/2020/09/17-al-23-sep-OCC-19-Semanal.pdf> (accessed 12.02.2021).
29. El desempleo en el que caí ha sido el más largo y grave para mí. Vladimir Vásquez, Ana Lucía Cruz. *Confidencial*, 02.01.21. Available at: <https://confidencial.com.ni/el-desempleo-en-el-que-cai-ha-sido-el-mas-largo-y-grave-para-mi/> (accessed 21.01.2021).
30. Nicaragua registró más de 50% de caída del turismo en 2020. *La Razón*, 05.04.21. Available at: <https://www.larazon.es/america/20210405/3fwwjpnltng5jd4dxfqctndqs4.html> (accessed 07.04.2021).
31. Bancos y empresas privadas en Nicaragua luchan por sobrevivir. *100% Noticias*, 24.03.21. Available at: <https://100noticias.com.ni/economia/106133-crisis-economica-cierre-bancos-empresas-nicaragua/> (accessed 03.04.2021).
32. Presentación Preliminar Cuantificación de Daños, Pérdidas y Necesidades Post Huracanes. *LA VOZ DEL SANDINISMO* 25.11.20. Available at: <https://www.lavozdelsandinismo.com/nicaragua/2020-11-25/presentacion-preliminar-cuantificacion-de-danos-perdidas-y-necesidades-post-huracanes/> (accessed 03.12.2020).
33. BCN. Nicaragua recibe desembolso del FMI por US\$186.8 millones para atender COVID-19. Available at: https://www.bcn.gob.ni/divulgacion_prensa/notas/2020/noticia.php?nota=1877 (accessed 10.02.2021).
34. Cosep: No hay diálogo económico, si no cumplen acuerdos de 2019 y hay reforma electoral. *Confidencial*, Available at: <https://confidencial.com.ni/economia/Cosep-no-hay-dialogo-economico-si-no-cumplen-acuerdos-de-2019-y-hay-reforma-electoral/> (accessed 03.03.2021).
35. Año 2020: salario y canasta básica. *Artículo 66*. Available at: <https://www.articulo66.com/2020/12/14/opinion-salario-canasta-basica-nicaragua-pobreza-desempleo/> (accessed 23.02.2021).
36. Los trabajadores y la canasta básica. *100% Noticias*, 22.03.21. Available at: <https://100noticias.com.ni/economia/106098-nicaragua-canasta-basica-desempleo-economia/> (accessed 25.03.2021).
37. Никарагуа: сандинисты снова у власти. ИЛА РАН, Москва, 2008. 63 с. [Nicaragua: sandinisty snova u vlasti. [Nicaragua: Sandinistas are in power again]. Moscow, ILA RAN, 2008. 63 p. (In Russ.).
38. Ortega acusa a la iglesia católica de “golpista” y llama a la “autodefensa”. *La Vanguardia*, 20.07.18. Available at: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20180720/45973509868/ortega-acusa-iglesia-catolica-golpista-autodefensa.html> (accessed 22.08.2018).
39. Cada dos horas hay violencia política en Nicaragua: monitoreo. *Trinchera*, 02.09.20. Available at: <https://www.trincheraonline.com/2020/09/02/cada-dos-horas-hay-violencia-politica-en-nicaragua-monitoreo/> (accessed 16.09.2020).
40. CIDH: El Gobierno ha efectuado más de 1614 detenciones arbitrarias. Available at: <https://confidencial.com.ni/cidh-el-gobierno-ha-efectuado-mas-de-1614-detenciones-arbitrarias/> (accessed 05.12.2020).
41. Redadas contra opositores en cinco departamentos. *Trinchera*, 27.09.20. Available at: <https://www.trincheraonline.com/2020/09/27/redades-contra-opositores-en-cinco-departamentos/> (accessed 30.09.2020).
42. Más de 100.000 personas forzadas a huir de Nicaragua tras dos años de crisis política y social. *ACNUR*, 10.03.2020. Available at: <https://www.acnur.org> (accessed 15.11.2020).
43. Gremio recibió 66 denuncias de agresiones contra periodistas en Nicaragua. *La Vanguardia*, 31.12.2020. Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/20201231/6160424/gremio-recibio-66-denuncias-agresiones-periodistas-nicaragua.html> (accessed 15.01.2021).
44. CID Gallup: Apoyo al FSLN entre 20% y 25%. *Confidencial*, 05.10.20. Available at: <https://confidencial.com.ni/cid-gallup-apoyo-al-fsln-entre-20-y-25/> (accessed 27.10.2020).
45. Filtran encuesta de Cid Gallup, estas son las personalidades políticas de mayor simpatía. *100% Noticias*, 28.05.21. Available at: <https://100noticias.com.ni/politica/107629-encuesta-cid-gallup-cristiana-chamorro-oposicion/> (accessed 01.06.2021).

46. Daniel Ortega avizora derrota electoral y amenaza con "gobemnar desde abajo". *100% Noticias*, 09.03.21. Available at: <https://100noticias.com.ni/politica/105858-daniel-ortega-gobierno-abajo-derrota-electoral/> (accessed 10.03.2021).

Ludmila N.Nikolaeva (nlb2008@yandex.ru)
PhD in Economics, Leading Researcher, Center of Economic Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
Dmitriy V.Morozov (dmitrym@hotmail.com)
Major Researcher, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
Nikolay V.Kalashnikov (n.kalashnikov@ilaran.ru)
PhD in Economics, Adviser of Director, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
Bolshaya Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Nicaragua: the elections in the time of crisis

Abstract. The article deals with the political crisis which takes place in Nicaragua while the date on the general elections is nearing. The authors make an analysis of its causes and the possible outcomes for D. Ortega's regime. They come to the conclusion that a lot of grave contradictions had piled up in the society. In April 2018 those contradictions burst out turning to mass protests and brutal clashes in the streets. The situation has been influenced by the worsening of some outside economic conditions, end of the partnership between the government and business elites and negative consequences of *COVID-19* pandemia. The authors intend to foretell how the situation will be developing. They deem Ortega is firm in his decision to keep holding the power and he will make use of every means at his disposal to achieve this purpose.

Key words. Nicaragua, Ortega, elections, regime, opposition, economic situation, crisis.

DOI: 10.31857/S0044748X0015377-3

Received 05.03.2021.

Ю.А.Белоус

Потенциал региональной политики Евросоюза как фактора децентрализации в Испании

На примере Страны Басков

Статья посвящена анализу факторов децентрализации в Испании на примере Страны Басков. Особое внимание уделяется фактору европейской интеграции и региональной политики Европейского союза (ЕС) в политическом развитии Испании. Цель данной работы — определить ресурсы децентрализации в Испании с акцентом на европейскую интеграцию (в частности, на региональную политику ЕС). В первой части статьи приведена методология исследования. Во второй — описаны некоторые факторы децентрализации, описанные в научной литературе. В третьей части статьи выявляются особенности «трехуровневой» модели региональной политики в Испании и показатели эффективности региональной политики ЕС. В четвертой — рассмотрены особенности опыта Страны Басков в контексте европейской интеграции, в частности, региональной политики ЕС. При обращении к базе данных проекта «Манифест» автор отмечает, что связь между процессами децентрализации в Стране Басков и европейской интеграцией отражается в текстах предвыборных программ Баскской националистической партии. Научная значимость работы состоит в анализе влияния европейской интеграции на процессы децентрализации в Испании, сделанном с помощью данных проекта «Манифест».

Ключевые слова: децентрализация, Испания, региональная политика Европейского союза, Страна Басков, Баскская националистическая партия.

DOI: 10.31857/S0044748X0015378-4

Статья поступила в редакцию 28.02.2021.

Юлия Александровна Белоус — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17, <https://orcid.org/0000-0002-0871-8223>, ybelous@hse.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-314-90001 «Региональная политика Европейского союза как фактор центробежных тенденций в Испании».

В современную эпоху особую важность приобрела проблема взаимоотношений наднациональных структур, национальных государств и субнациональных образований в рамках интеграционных объединений, в частности, проблема влияния наднациональных структур на внутривластные процессы в государствах — членах таких объединений. В этом смысле особое место занимает Европейский союз (ЕС), который продвинулся дальше других интеграционных объединений в попытках воздействия на эти процессы, в том числе посредством региональной политики, призванной ликвидировать межрегиональное социально-экономическое неравенство и тем самым укрепить внутрисоюзную стабильность и стабильность самого ЕС.

Параллельно с этим процессом в последние десятилетия усилились автономистские и сепаратистские настроения внутри ряда государств — членов ЕС, в том числе в Испании, поэтому вопрос об эффективности (экономической и политической) региональной политики Евросоюза приобретает первостепенную важность. Опасность потери национальным государством определяющего влияния на процесс выработки и принятия решений стала вполне реальной в случае с Великобританией, Бельгией и особенно Испанией. В последние отношения между центром и автономными сообществами, прежде всего с относительно благополучными в социально-экономическом плане Страной Басков, Каталонией, в меньшей степени Наваррой и Валенсией, отличаются турбулентностью и непредсказуемостью. Цель данной работы — рассмотреть ресурсы децентрализации в Испании с акцентом на европейскую интеграцию (в частности, региональную политику ЕС).

При анализе поставленных вопросов автор данной статьи обращается к трудам отечественных и зарубежных ученых и специалистов по испанской и баскской проблемам, работам исследователей, занимающихся изучением роли интеграции в развитии внутривластной обстановки в государствах — членах ЕС. Кроме того, ряд источников, а именно базы данных проекта «Манифест» (тексты предвыборных программ партий, обработанных с помощью контент-анализа), впервые вводятся в научный оборот для изучения данной темы.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В мировой науке существует множество исследований, объясняющих процессы децентрализации в Испании [1, 2, 3]. Чуть менее разработанным является анализ влияния Европейского союза на эту динамику. Однако научных работ, в которых эти теории проверялись бы с помощью данных проекта «Манифест» (*Manifesto Project*), не существует [4]. Данные проекта «Манифест» для анализа политических предпочтений охватывают более 1000 партий с 1945 г. по сегодняшний день в более чем 50 странах на пяти континентах.

На наш взгляд, обращение к базам данных проекта «Манифест» (контент-анализ программных документов партий) и подсчет коэффициента корреляции на его основе является наиболее подходящим методом в рамках данной статьи. Во-первых, мы изучаем связь между децентрализацией на уровне автономных сообществ и отношением к европейскому интеграционному проекту. В этом случае коэффициент корреляции позволяет проследить признак наличия связи. Отметим, однако, что корреляция еще не

означает наличия взаимозависимости, т.е. не является достаточным условием. Коэффициент корреляции варьируется в диапазоне от -1 до 1, где 0 может свидетельствовать об отсутствии статистической взаимосвязи, а показатели ближе к 1 или -1 означают более сильную связь (во втором случае — обратную, т.е. увеличение одной переменной связано с уменьшением другой). В рамках данной работы, с учетом упомянутых ограничений, расчет коэффициента корреляции представляет интерес ввиду того, что нам важно выделить некоторые опорные точки, имеющие важное значение для объяснений процессов децентрализации в Испании.

Во-вторых, очевидно, что отражением риторики той или иной партии является ее предвыборная программа. Особенно интересна риторика правящих партий, которые удерживают власть на протяжении нескольких избирательных кампаний. В рамках данной статьи изучение позиций Баскской националистической партии (*Euzko Alderdi Jeltzalea, Partido Nacionalista Vasco — EAJ-PNV*) по вопросу децентрализации и отношения партии к европейскому интеграционному проекту представляется наиболее целесообразным.

Выбор *EAJ-PNV* в качестве предмета изучения обусловлен, во-первых, тем, что она — одна из наиболее влиятельных партий в регионе на сегодняшний день. Об этом свидетельствуют результаты автономистских выборов, проводившихся с 2009 по 2020 г. (см. рис. 1). Несмотря на потерю голосов избирателей (с 2009 г. *EAJ-PNV* потеряла чуть более 52 тыс. голосов избирателей, частично в пользу партии Бильду (*Bildu*), она удерживает лидирующие позиции в регионе: более 340 тыс. избирателей, что составляет 39% голосующих, по-прежнему отдают ей свои голоса.

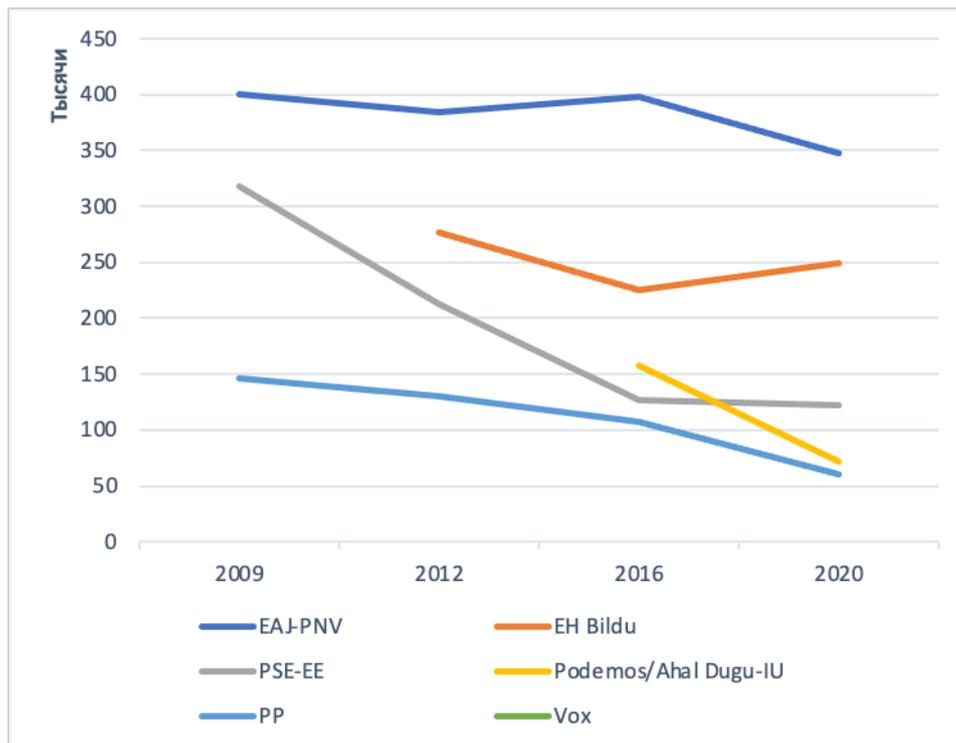
Во-вторых, в предвыборных программных документах *EAJ-PNV* акценты расставлены как на вопросах децентрализации, так и на отношении к европейской интеграции, чего нельзя сказать про другие националистические партии Страны Басков. Например, программные документы националистической партии *Bildu* содержат тематику децентрализации, однако тематика отношения к европейской интеграции прослеживается слабо или не прослеживается вовсе. Мы учитываем тот факт, что с момента образования и участия в автономистских выборах 2012 г. *Bildu* сумела занять сильные позиции в партийно-политической системе региона (27,8% голосов по итогам автономистских выборов 2020 г.) и сегодня является второй политической силой после *EAJ-PNV* (см. рис. 1). Тем не менее *Bildu* все еще не обладает достаточным потенциалом для опережения правящей партии.

Для определения того, насколько тематику децентрализации и позитивного отношения к европейской интеграции представлены в программных документах *EAJ-PNV*, мы опирались на данные семи предвыборных программ партии в период с 2000 по ноябрь 2019 г. Благодаря данным проекта «Манифест», а именно результатам контент-анализа [5], мы выявили и посчитали количество высказываний (или квазипредложений) о децентрализации (кодový номер *per301*) и позитивном отношении к ЕС (кодový номер *per108*) в предвыборных программах *EAJ-PNV*. Одно квазипредложение содержит ровно одно высказывание или сообщение. Поскольку в одном предложении может быть больше высказываний, в протоколе кодирования рекомендуется, чтобы после каждой точки с запятой и точки

Потенциал региональной политики Евросоюза как фактора децентрализации Испании

начиналась новая запись (для анализа в наборе данных каждым высказыванием с одной мыслью считается квазипредложение).

**Рис. 1. РЕЗУЛЬТАТЫ АВТОНОМИСТСКИХ ВЫБОРОВ
В СТРАНЕ БАСКОВ, 2009—2020 гг. (кол-во голосов, тыс. человек)**

Источник: составлено автором по данным *El País*. Available at: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2016/autonomicas/14/index.html> (дата обращения: 13.05.2021).

Согласно протоколу кодирования, высказывания о децентрализации (*per301*) включают в себя поддержку федерализма или децентрализации политической и/или экономической системы [5, с. 13]. Это предполагает упоминание в программных документах принципа субсидиарности (предполагает управление и принятие решений на максимально низком уровне) в положительном ключе, что также продвигается на уровне ЕС, больше автономии для любого субнационального уровня в выработке и принятии решений, включая муниципалитеты, поддержку местных и региональных обычаев.

Что касается высказываний об отношении к ЕС, то, согласно данным протокола кодирования, позитивное отношение к Европейскому сообществу/союзу в целом может включать в себя желание присоединить страну к ЕС (или сохранить за страной/территориальным образованием статус участника проекта); поддержку расширения Европейского сообщества/со-

юза; стремление к увеличению компетенций ЕС и/или расширению компетенций Европейского парламента [5, с. 13].

ФАКТОРЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ИСПАНИИ

При изучении процессов децентрализации в Испании необходимо учитывать множество факторов, причем некоторые из них одновременно могут влиять друг на друга. Одним из подобных факторов являются диспропорции и асимметрия в развитии регионов. В научной литературе превалирует позиция, согласно которой диспропорции и неравномерность в развитии регионов подпитывают процессы децентрализации [6, с. 381]. По мнению испанского исследователя Луиса Морено, асимметрия в социально-экономическом развитии регионов решающим образом повлияла на процесс децентрализации и связана с многочисленными практиками межрегиональной солидарности и равного распределения финансового бремени между регионами [7, с. 401]. Безусловно, этот фактор играет определяющую роль во всех подобных конфликтах, где более развитые и менее развитые части государства чувствуют себя эксплуатируемыми друг другом. Однако это не единственный фактор в подобной проблеме. Этнические, лингвистические, религиозные и культурные различия также играют важную роль.

Одним из факторов является процесс выстраивания идентичности жителей Испании [7, с. 400]. В данном случае интересна концепция двойной идентичности, которая включает в себя региональную (этнотерриториальную) идентичность и национальную (государственную) идентичность. Особенность испанского «государства автономий», по словам российского испаниста И.Л.Прохоренко, заключается в том, что в нем «исторически велико значение территориально-пространственной идентичности в противовес идентичности государственно-гражданской» [8, с. 264]. В дополнение к вышесказанному отметим, что для граждан современной Испании характерна множественность самоидентификаций. В частности, по мнению отечественного исследователя С.М.Хенкина, в Испании наиболее распространены две идентичности: с народом Испании и народом своего автономного сообщества [9].

В Испании существуют две разные финансовые системы на уровне автономных сообществ, что также представляет собой фактор децентрализации. Отношения центра со Страной Басков и Наваррой придан особый статус, они регулируются «форальным» правом [10, с. 46], и эти области обладают финансовой автономией, в отличие от других регионов с общим режимом.

Еще один фактор — сложившийся институциональный баланс, или межправительственные отношения между центром и регионами. После начала демократического транзита в Испании активно формировалось межправительственное сотрудничество между центром и регионами, одним из инструментов которого стали отраслевые конференции [11]. Исследователь Л.Морено отмечает, что автономные сообщества были обеспокоены тем, что отраслевые конференции могут быть преобразованы в институциональные механизмы, контролируемые центральной администрацией [7, с. 404]. Таким образом, у центра появляется дополнительный канал вмешательства в региональные компетенции.

После вступления Испании в Европейское экономическое сообщество в 1986 г. в научной литературе возрос интерес к изучению влияния европейской интеграции на процесс децентрализации государства. Так, Европейский союз в целом и, в частности, проводимая им политика может оказывать значительное влияние на субнациональные движения, на рост популярности региональных партий [9, с. 251; 12, с. 39]. Национальные государства теряют контроль над важными областями выработки и принятия решений, формируются дополнительные каналы для мобилизации региональных политических сил [9, с. 251; 13; 14, с. 15]. В ЕС сформировался новый наднациональный уровень управления, благодаря которому у региональных участников политической деятельности и местных сообществ появилась дополнительная возможность продвигать свои интересы вне территории государства [15].

По мнению российского исследователя П.П.Яковлева, Испания «поделилась» частью своего национального суверенитета с институтами ЕС в результате вовлечения в интеграционные процессы [16, с. 18]. Ученый также предполагает, что внешнеполитический курс Испании, «опирающийся на ощутимо возросшие внутренние ресурсы, приобрел новые черты, направления и смыслы» [16, с. 18]. Внутриполитический ландшафт Испании, именуемый некоторыми исследователями «лабиринтом идентичностей» [17], усложняется внешней средой европейской интеграции.

Как отмечает американский исследователь Уильям Доунс, «ЕС как источник ресурсов, безусловно, поощряет агрессивность регионов, более того, существует сильная кросс-национальная вариация форм и результатов усилий по обеспечению себя финансированием ЕС и другими выгодами от членства в этой организации» [18, с. 69]. Одним из отражений деятельности ЕС является его региональная политика. В процессе становления общеевропейских политик именно она выделяется в качестве одной из наиболее приоритетных и в то же время «затратных» инициатив: к концу 90-х годов XX в. треть общего бюджета интеграционного объединения была мобилизована на цели региональной политики [19].

«ТРЕХУРОВНЕВАЯ» МОДЕЛЬ ИСПАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Региональную политику ЕС в отношении Испании не стоит рассматривать в отрыве от политики регионального развития Испании. По мнению российского исследователя Г.Н.Понеделко, решающий вклад в разработку новой политики регионального развития Испании внес Евросоюз [20, с. 4]. Исследователь также отмечает, что к 1989 г. Испания получала помощь по программам региональной политики ЕС после реформирования Европейского фонда регионального развития. К этому моменту региональная политика ЕС успела стать частью «трехуровневой» модели управления, активно формирующейся в конце XX в. Если в 1980-х годах политика регионального развития в Испании ограничивалась частными инициативами со стороны центра, то после вступления в Европейское экономическое сообщество под воздействием институциональных механизмов объединения произошла трансформация организационной структуры исполнительной власти автономных сообществ.

Региональная политика ЕС в Испании сыграла особую роль в демократизации страны. Значение имели как финансовая поддержка со стороны Евросоюза, так и опыт взаимодействия после получения прямого доступа к европейским структурным фондам. Испания стабильно получала около 50% средств Фонда сплочения [21], 25% средств структурных фондов до 2006 г. Финансовая дисциплина, контроль и помощь наднациональных органов привели к тому, что «показатель душевого ВВП Испании достиг среднего по Европейскому союзу» [22].

Политика регионального развития Испании обладает рядом особенностей. Так, И.Л.Прохоренко выделяла среди особенностей слабую институциональную структуру в области региональной политики: в Испании нет специального ведомства, отвечающего за социальное и экономическое развитие регионов [10, с. 45]. И.Л.Прохоренко также отмечала отсутствие нормативно-правовых актов центральной власти, которые поддерживали бы развитие регионов. Единственным инструментом ориентации регионов являются ежегодные национальные планы (чаще всего от министерства экономики и конкурентоспособности).

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОСОЮЗА

Эффективность региональной политики ЕС оценивалась рядом исследователей, в основном, экономистов. Во-первых, одним из критериев является асимметрия в уровне доходов регионов, т.е. ее рост или сокращение. Некоторые авторы полагают, что сигма-конвергенция — наиболее показательный метод оценки экономического роста в сфере региональных диспропорций. Например, российские исследователи А.Н.Захаров и К.С.Серединская оценивают эффективность региональной политики ЕС с помощью метода сигма-конвергенции, в котором различия между разными группами изменяются со временем относительно выбранного экономического критерия (к примеру, ВВП на душу населения) [23, с. 32].

Другим критерием эффективности считается уровень осведомленности общественности и потенциальных получателей о деятельности фондов регионального развития, действующих в рамках бюджета ЕС. Российский исследователь Н.Б.Кондратьева отмечает, что в рамках Евросоюза отражением уровня информированности являются активизация институтов гражданского общества и СМИ для ведения публичных дебатов о роли политики сплочения в развитии регионов ЕС, а также обязанность получателей фондов упоминать (в рекламных роликах, плакатах, брошюрах) о поддержке проекта бюджетом Евросоюза [24, с. 122].

В-третьих, критериями являются также микроэффективность управления средствами фондов и их влияние на частные инвестиции. Исследователи Питер Востер и Соня Шландер подчеркивают, что показатели оценки эффективности региональной политики ЕС бывают диаметрально противоположными, и это является результатом применения разных методологий [25, с. 1]. В случае, когда превалирует методологический подход, согласно которому преимуществом становится оценка косвенных эффектов в контексте общего равновесия, показатели действенности региональной полити-

ки оказываются высокими. Однако этот подход подвергается критике, поскольку оценки, получаемые с его помощью данные, являются результатом структуры модели, навязываемой исследователем, то есть субъективной [25, с. 1]. Это в свою очередь приводит к предварительной оценке потенциала воздействия политики сплоченности, но не к ее фактическому влиянию.

В другом случае оценка макроэкономической эффективности региональной политики ЕС осуществляется с помощью тематических и описательных исследований (*case studies*), подходов «снизу-вверх» (*bottom-up*), в рамках которых учитываются особенности оцениваемой деятельности [25, с. 1]. Это связано с «*ad hoc*» характером методологий. Более того, подходы «снизу-вверх» не могут быть использованы из-за того, что их применение фактически не позволяет оценивать косвенные эффекты.

СТРАНА БАСКОВ

Специфика опыта Страны Басков в контексте региональной политики ЕС заключается в том, что данный регион принято включать в категорию «исторические национальности» Испании вместе с Каталонией и Галисией [26, с. 1613]*. В данном случае Страну Басков уместно рассматривать как регион, где центробежная тенденция проявляется наиболее ярко. Так, упоминавшейся выше С.М.Хенкин отмечает, что несмотря на снижение националистских настроений вследствие прекращения террористических действий со стороны организации *Euskadi Ta Askatasuna (ETA)* и ее ликвидация, а также проведения информационной кампании об опасностях терроризма и радикальных действий, «баскская проблема» осталась и по-прежнему разобщает испанское общество [27, с. 140].

В свою очередь региональная политика ЕС, призванная стимулировать социально-экономическое развитие регионов и нивелировать разрыв между ними, в настоящее время приводит к стремлению отдельных автономных сообществ играть все более самостоятельную роль на региональном и мировом уровне. Не совсем понятно, насколько программы Евросоюза по региональной политике подпитывают стремление Страны Басков самостоятельно распоряжаться своими внутренними ресурсами и взаимодействовать с Брюсселем без вмешательства Мадрида.

Именно в наиболее обеспеченных, социально и экономически развитых регионах сегодня отмечается высокий уровень националистских и сепаратистских настроений [28, с. 529]. Согласно данным Евробарометра-2018 г., наибольшее количество респондентов, считающих экономическую ситуацию в их регионе достаточно хорошей, проживают в Стране Басков (87%), на втором месте находятся автономные сообщества Наварра и Ла-Риоха (оба — по 84%) [29, с. 6].

В связи с тем, что именно партии являются выразителями интересов и потребностей отдельных социальных групп и оказывают значительное влияние на

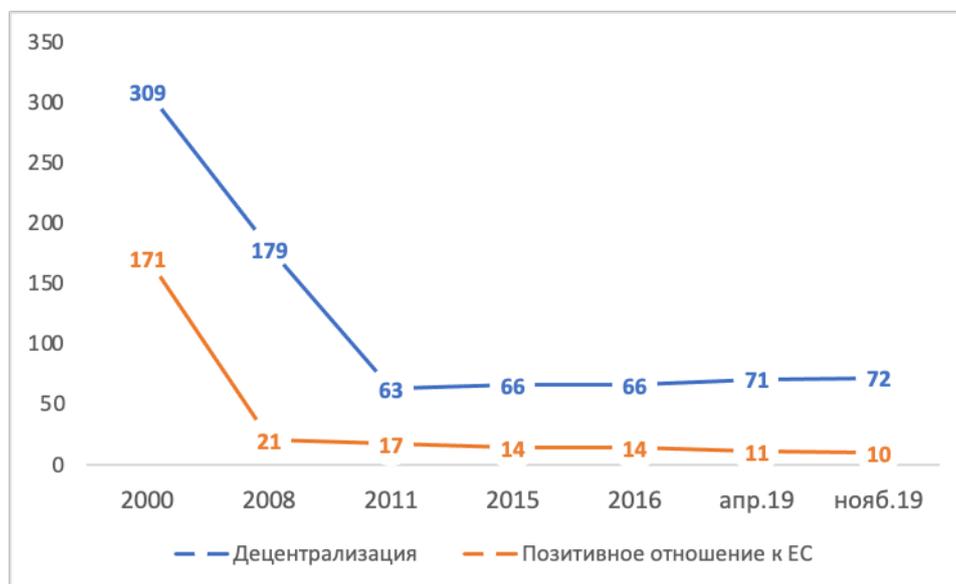
---

* По мнению В.Оливьери, изучая вопрос этничности национализма в Стране Басков, стоит обратить внимание на работу, написанную Medrano J. D. *Divided nations: class, politics, and nationalism in the Basque Country and Catalonia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995, а также на труд Conversi D. *The Basques, the Catalans, and Spain: Alternative Routes to Nationalist Mobilisation*. London: Hurst, 1997.

выработку направлений развития политической системы в демократических государствах, в рамках данной статьи интересно рассмотреть случай правящей в Стране Басков партии *EAJ-PNV* как одной из наиболее влиятельных политических сил в регионе на сегодняшний день.

Чтобы выявить политические позиции *EAJ-PNV*, касающиеся процессов децентрализации и отношения к европейскому интеграционному процессу, мы обращаемся к базе данных проекта «Манифест». С ее помощью можно проследить риторику *EAJ-PNV* в предвыборных программах, обработанных с помощью контент-анализа. Результаты анализа семи предвыборных программ *EAJ-PNV* с 2000 по ноябрь 2019 г. [30-37] представлены на графике (рис. 2), а также сведены в таблицу.

Рис. 2. КОЛИЧЕСТВО ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ОТНОШЕНИИ К ЕС В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ *EAJ-PNV* (2000 — ноябрь 2019 гг. кол-во раз)

Источник: составлено автором по данным проекта «Манифест», программные документы — Decide tú – 2000, yo vivo en euskadi. tú, ¿dónde vives? – 2008, EUSKADI PUEDE – 2011, Euskadi es lo que importa. Programa EAJ-PNV Elecciones Generales 2015 – 2015, Lehenik Euskadi es lo que importa. Programa EAJ-PNV elecciones generales 2016 – 2016, Nos mueve Euskadi. Programa electoral. Elecciones generales 2019-2023 – 04.2019, Programa electoral elecciones generales 2019-2023 – 11.2019.

По результатам анализа можно предположить наличие связи между утверждениями о децентрализации и позитивным отношением к ЕС в программных документах *EAJ-PNV* в указанный период. Это подтверждается высоким значением коэффициента корреляции (см. таблицу), близким к 1. Корреляция, хотя и не гарантирует однозначной зависимости, все же явля-

Потенциал региональной политики Евросоюза как фактора децентрализации Испании

ется признаком наличия связи между риторикой о большей децентрализации государственной системы Испании (вероятно, в пользу региональных властей Страны Басков, что не противоречит позиции *EAJ-PNV*) и позитивным отношением к европейскому интеграционному проекту и отраслевым политикам Евросоюза.

КОЛИЧЕСТВО ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ОТНОШЕНИИ К ЕС В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ EAJ-PNV, КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ

Годы	Децентрализация	Позитивное отношение к ЕС
2000	309	171
2008	179	21
2011	63	17
2015	66	14
2016	66	14
апр.2019	71	11
нояб.2019	72	10
Корреляция		0,915

Источник: составлено автором по данным проекта «Манифест»; программные документы — *Decide tú* – 2000, *yo vivo en euskadi. tú, ¿dónde vives?* – 2008, *EUSKADI PUEDE* – 2011, *Euskadi es lo que importa. Programa EAJ-PNV Elecciones Generales 2015 – 2015*, *Lehenik Euskadi es lo que importa. Programa EAJ-PNV elecciones generales 2016 – 2016*, *Nos mueve Euskadi. Programa electoral. Elecciones generales 2019-2023 – 04.2019*, *Programa electoral elecciones generales 2019-2023 – 11.2019*.

Положение о необходимости защиты интересов Страны Басков со стороны Мадрида, стремление получить больше рычагов для самоуправления [36, с. 7] и поддержка инициатив по увеличению эффективности экономических инструментов в ЕС [37, с. 22] встречаются во всех семи программных документах и составляют основу риторики *EAJ-PNV*. Согласно протоколу кодирования позитивное отношение к европейскому интеграционному проекту может включать в себя поддержку расширения компетенций ЕС и/или стремление оставаться его участником. Высказывания о децентрализации могут означать стремление сохранить принцип территориальной субсидиарности и содержат требование о получении большей автономии на любом субнациональном уровне при выработке и принятии решений.

В программных документах *EAJ-PNV* дополнительно отмечается сокращение количества высказываний как о децентрализации, так и об отношении к ЕС (см. рис. 2). Так, с 2000 г. вплоть до начала мирового финансово-экономического кризиса тематика децентрализации встречалась в текстах предвыборных программ порядка 309 и 179 раз. Наблюдается постепенное сокращение количества высказываний о децентрализации в Испании (разница с 2000 по 2008 г. составляет 130 раз, с 2008 по 2011 г. — 116 раз). После 2011 г. столь резких изменений уже нет. Аналогичная ситуация прослеживается с высказываниями о Евросоюзе. Разница с 2000 по 2008 г. составляет 150 раз, потом мы видим довольно стабильную тенденцию.

Подобные изменения объясняются тем, что в научной литературе называется «бесшумное стратегическое переосмысление». Немецкий историк Людвиг Меес выделяет два основных фактора, способствующих сдвигу стратегии *EAJ-PNV* в сторону умеренного прагматизма. Первым является сильный удар по экономике как автономного сообщества, так и страны в целом, нанесенный мировым финансово-экономическим кризисом, который обострил вопрос безработицы и другие проблемы региональных диспропорций [38, с. 56]. Вторым фактором Л.Меес считает прекращение политического насилия и объявления об этом организацией *ETA* [38, с. 56]. Исследователь отмечает, что партиям, представляющим позиции левых националистов, было разрешено вернуться к законной политической деятельности, в частности, партии *Bildu*, являвшийся сильным соперником *EAJ-PNV*.

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, при изучении процессов децентрализации в Испании необходимо учитывать множество факторов. Среди них выделяют следующие: диспропорции и асимметрию в развитии регионов; процесс выстраивания идентичности; особенности финансовой системы Испании; межправительственные отношения между центром и регионами; европейскую интеграцию как источник ресурсов, стимулирующих регионы играть все более самостоятельную роль на политическом ландшафте ЕС. Безусловно, перечисленные факторы не являются исчерпывающими, более того, их влияние можно рассматривать только в комплексе.

Во-вторых, региональную политику ЕС в отношении Испании необходимо анализировать в совокупности с политикой регионального развития самой Испании. Региональная политика Евросоюза является неотъемлемой частью «трехуровневой» модели управления в Испании.

Эффективность региональной политики ЕС в данной модели управления оценивалась в научной литературе преимущественно экономистами, которые выделяли ряд критериев: уровень осведомленности общественности и потенциальных получателей о деятельности фондов регионального развития, действующих в рамках бюджета ЕС, микроэффективность управления средствами фондов и их влияние на частные инвестиции. Для оценки эффективности региональной политики Евросоюза применялся также метод сигма-конвергенции.

В-третьих, несмотря на наличие высказываний и о децентрализации, и об отношении к ЕС в программных документах *EAJ-PNV* в период с 2000 по ноябрь 2019 г., на данном этапе неочевидно, в какой степени одна величина влияет на изменения другой. Мы определили, что оба тематических направления отражены во всех предвыборных программах, однако, изучение причинно-следственной связи между ними может стать предметом отдельного исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ивановский З.В. Национально-этнический аспект: политические и правовые коллизии. *Испания на выходе из кризиса*. Отв. ред. Яковлев П.П., Ермольева Э.Г. М., ИЛА РАН, 2015, сс. 68—78 [Ivanovskii Z.V. Natsional'no-etnicheskii aspekt: politicheskie i pravovye

- kollizii [National-ethnic aspect: political and legal conflicts]. *Ispaniya na vykhode iz krizisa*. [Spain recovering from the crisis]. Moscow, ILA RAN, 2015, pp. 68—78 (In Russ.).
2. Верников В.Л. Кризис в Каталонии изменил политический облик Испании. *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН*. М., 2018, № 2, сс. 79—85 [Vernikov V.L. Krizis v Katalonii izmenil politicheskii oblik Ispanii [Crisis in Catalonia changes the political image of Spain]. *Nauchno-analiticheskii Vestnik Instituta Evropy RAN*. Moscow, 2018, N2, pp. 79—85 (In Russ.).
  3. Хенкин С.М. Сепаратизм по-каталонски. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2018, № 62 (5), сс. 29—40 [Khenkin S.M. Separatizm po-katalonski [Separatism in Catalanian manner]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2018, N62(5), pp. 29—40 (In Russ.).
  4. Project description. *Manifesto Project*. Available at <https://manifesto-project.wzb.eu> (accessed 11.05.2021).
  5. Codebook. *Manifesto Project Dataset*, 23.12.2020. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/data/2020b/codebooks/codebook_MPDataset_MPDS2020b.pdf (accessed 11.05.2021).
  6. Guibernau M., Secessionism in Catalonia: After democracy. *Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 2013, vol. 12, N 4, pp. 368—393. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17449057.2013.843245> (accessed 01.03.2021).
  7. Moreno L. Decentralization in Spain. *Regional Studies*. London, 2002, N36(4), pp. 399—408.
  8. Прохоренко И.Л. Испания в Европейском союзе: Взаимовлияние национального и транснационального политических пространств. Дисс. докт. полит. наук. М., 2015, 264 с. [Prokhorenko I.L. Ispaniya v Evropeiskom soyuze: vzaimovliyanie natsional'nogo i transnatsional'nogo politicheskikh prostranstv. Diss. doct. polit. Nauk [Spain in the European Union: The Mutual Influence of National and Trans-National Political Spaces. Diss. Dr. Sci. Polit.]. Moscow, 375 pp. (In Russ.).
  9. Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Oxford, Rowman & Littlefield Publishers, 2001, 251 p.
  10. Прохоренко И.Л. Политика регионального развития Испании: механизмы и инструменты. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2015, № 5, сс. 41—51 [Prokhorenko I.L. Politika regional'nogo razvitiya Ispanii: mekhanizmy i instrumenty [Spain's regional development policy: mechanisms and tools]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2015, N 5, pp. 41—51 (In Russ.).
  11. Leon S., Pereira M.F. Intergovernmental Cooperation in a Decentralised System: the Sectoral Conferences in Spain. *South European Society and Politics*. London, 2011, N 16 (4), pp. 513—532.
  12. Jolly S. How the EU Fuels Sub-National Regionalism. Chicago, University of Chicago, 2007, 39 p.
  13. Hooghe M., Marks G. “Europe with the regions”: Channels of regional representation in the European Union. *The Journal of Federalism*, 1996, vol. 26, N 1, pp. 73—92. Available at: <https://academic.oup.com/publius/article-abstract/26/1/73/1866904?redirectedFrom=fulltext> (accessed 03.03.2021).
  14. Schakel A., Hooghe L., Marks G. Multilevel governance and the state. *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Edited by S. Leibfried, E. Huber, Lange M., J. Levy, D. Stephens. Oxford, Oxford University Press, 2014, 15 p.
  15. Прохоренко И.Л. Регионы Испании в политическом пространстве европейского союза. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2011, № 1, сс. 32—48 [Prokhorenko I.L. Regiony Ispanii v politicheskom prostranstve evropeiskogo soyuza [Spanish regions in the political space of the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2011, N 1, pp. 32—48. (In Russ.).
  16. Яковлев П.П. Внешняя политика Испании и формирование многополярного мира. *Латинская Америка*. М., 2011, № 10, сс. 17—33. [Yakovlev P.P. Vneshnyaya politika Ispanii i formirovanie mnogopolyarnogo mira [Spain's Foreign Policy and the Formation of a Multipolar World]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2011, N 10, pp. 17—33. (In Russ.).
  17. Коваль Т.Б. Современная Испания: в лабиринте идентичностей. *Культурная сложность современных наций. Коллективная монография*. Отв. ред. Тишков В.А., Филиппова Е.И., Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Политическая энциклопедия, 2016, сс. 57—78. [Koval T.B. Sovremennaja Ispanija: v labirinte identichnostej. [Modern Spain: in the labyrinth of identities]. *Kul'turnaja slozhnost' sovremennykh nacij. Kollektivnaya monografija*. [The cultural complexity of modern nations. Collective mono-

graph]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Political Encyclopedia, 2016, pp. 57–78. (In Russ).

18. Downs W. Constructing a New Scottish parliament for the 'Europe of regions': Can institutional engineering assure subsidiarity? *The Journal of Legislative Studies*. London, 2000, N6(2), pp. 67–92.

19. Потемкина О.Ю. Европейский союз в XXI веке: время испытаний. *Региональная политика на перепутье. Коллективная монография*. Отв.ред. Потемкина О.Ю., Кавешников Н.Ю., Кондратьева Н.Б. Москва, Весь Мир, 2012, с. 649. [Potemkina O.Yu. Evropeiskii soyuz v XXI veke: vremya ispytaniy. Regional'naya politika na pereput'e [The European Union in the twenty-first century: a time of trials]. *Regional'naya politika na pereput'e. Kollektivnaya monografiya* [Regional politics at a crossroads]. Moscow, Ves' Mir, 2012, p. 649. (In Russ).

20. Понеделко Г. Региональная политика Испании. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2009, № 1, сс. 84–93 [Ponedelko G. Regional'naya politika Ispanii [Regional policy of Spain]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2009, N 1, pp. 84–93. (In Russ.).

21. Захаров А.Н. Политика сплочения ЕС в отношении Испании. *Мировое и национальное хозяйство*, М., 2015, 4(35). [Zakharov A.N. Politika splocheniya ES v otnoshenii Ispanii [EU Cohesion policy towards Spain]. *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo*. Moscow, 2015, vol. 4, N 3. (In Russ.). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2015/2015-04/eu-cohesion-policy-towards-spanish-economy> (accessed 12.05.2021).

22. Spain. Trade and economy. *European Union*. Available at https://europa.eu/european-union/about-eu/countries/member-countries/spain_en (accessed 18.03.2021).

23. Захаров А.Н., Серединская К.С. Оценка эффективности региональной политики в Испании. *Российский внешнеэкономический вестник*. М., 2016, № 3, сс. 29–40 [Zakharov A.N., Seredinskaya K.S. Otsenka effektivnosti regional'noi politiki v Ispanii [Assessing the effectiveness of regional policy in Spain]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. Moscow, 2016, N 3, pp. 29–40 (In Russ.).

24. Кондратьева Н. Образ Европы в региональной политике ЕС. *Современная Европа*. М., 2007, № 2 (3), сс. 116–128 [Kondrat'eva N. Obraz Evropy v regional'noi politike ES [The image of Europe in the EU regional policy]. *Sovremennaya Evropa*. Moscow, 2007, N 2 (3), pp. 116–128. (In Russ.).

25. Wostner P., Šlander S. The Effectiveness of EU Cohesion Policy Revisited: Are EU Funds Really Additional? *European Policies Research Centre*, Glasgow, 2009, N 69, pp. 1–26.

26. Olivieri V.M. Sub-state nationalism in Spain: primers and triggers of identity politics in Catalonia and the Basque Country. *Ethnic and Racial Studies*, 2015, vol. 38, N 9, pp. 1610–1626. Available at <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01419870.2015.1009480> (accessed 06.03.2021).

27. Хенкин С.М. «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политики. *Политическая наука*. М., 2016, № 1, сс. 124–146. [Khenkin S.M. «Baskskaya problema» kak faktor razobshcheniya ispanskoi politiki [The "Basque problem" as a factor in the disunion of Spanish politics]. *Politicheskaya nauka*. Moscow, 2016, N 1, pp. 124–146 (In Russ).

28. Krivushin I. The Contemporary world between integration and secession: A challenge for Russia. *Strategic Analysis*, 2016, vol. 40, N 6, pp. 524–535. Available at <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09700161.2016.1224068> (accessed 07.03.2021).

29. Flash Eurobarometer 472: Public opinion in the EU regions. *EU Open Data Portal*, 28.01. 2019. Available at https://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2219_472_ENG (accessed 07.03.2021).

30. Manifesto Project Main Dataset (Party Preferences). *Manifesto Project*. Available at <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets> (accessed 12.05.2021).

31. Programa electoral Decide tu. *EAJ PNV*, 2000. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/2020-2/33902_2000.pdf (accessed 12.05.2021).

32. Programa marco de EAJ-PNV Elecciones Generales 2008. *EAJ PNV*, 2008. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/2020-2/33902_2008.pdf (accessed 12.05.2021).

33. Programa Electoral Elecciones Generales 2011. *EAJ PNV*, 2011. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/33902_2011.pdf (accessed 13.05.2021).

34. Programa EAJ-PNV Elecciones Generales 2015. *EAJ PNV*, 2015. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/2016-2/33902_2015.pdf (accessed 13.05.2021).

35. Programa EAJ-PNV Elecciones Generales 2016. *EAJ PNV*, 2016. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/2017-1/33902_2016.pdf (accessed 14.05.2021).

Потенциал региональной политики Евросоюза как фактора децентрализации Испании

36. Programa Electoral Elecciones Generales 2019 – 2023. *EAJ PNV*, 2019. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/2020-1/33902_201904.pdf (accessed 14.05.2021).

37. Programa Electoral Elecciones Generales 2019 – 2023. Hemen. *EAJ PNV*, 2019. Available at https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/2020-2/33902_201911.pdf (accessed 15.05.2021).

38. Mees L. Nationalist Politics at the Crossroads: The Basque Nationalist Party and the Challenge of Sovereignty (1998–2014). *Nationalism and Ethnic Politics*. London, 2015, N21(1), pp. 44–62.

Yulia A. Belous (ybelous@hse.ru)

Postgraduate Student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies, National Research University Higher School of Economics, Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics

Malaya Ordynka Str., 17, 119017 Moscow, Russian Federation

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number № 20-314-90001, «The Impact of the EU Regional Policy on Centrifugal Tendencies in the Political System of Spain»

EU regional policy as a factor for decentralization in Spain. Basque Country case

Abstract. The article is devoted to the analysis of the factors of decentralization in Spain on the example of the Basque Country. Particular attention is paid to the factor of European integration and the EU regional policy in the political development of Spain. The purpose of this article is to consider the resources for decentralization in Spain with a focus on European integration (in particular, the EU regional policy). The first part of the article proposes a research methodology. The second examines some of the factors of decentralization offered by the scientific literature. The third part of the article reveals the features of the «three-tier» model of regional policy in Spain and the indicators of the EU regional policy effectiveness. The fourth part examines the experience of the Basque Country in the European integration, in particular, the EU's regional policy. Referring to the database of the «Manifesto» project, the author comes to the conclusion that connection between the processes of decentralization in the Basque Country and European integration can be manifested in the texts of the electoral programs of the Basque Nationalist Party. The scientific significance of the article is to analyze the impact of European integration on the processes of decentralization in Spain via the data of the «Manifesto» project.

Key words: decentralization, Spain, Regional Policy of the European Union, Basque Country, Basque Nationalist Party.

DOI: 10.31857/S0044748X0015378-4

Received 28.02.2021.

А.А.Куракина-Дамир

Год пандемии в Испании. Политические итоги

Несмотря на обоснованные сомнения в жизнеспособности коалиции (не имеющей поддержки депутатов, достаточной для принятия важных законов), удачно выстроенная стратегия политической коммуникации в период пандемии позволила кабинету министров Испании не только выстоять, но и укрепить свои позиции. За последний год был принят ряд решений, стратегически важных как с политической, так и с имиджевой точек зрения. Смещение приоритетов правительства, связанное с пандемией коронавируса, значительно повлияло на законодательный процесс. На второй план отошло решение каталонской проблемы. Отчасти это было связано с необходимостью проведения в регионе досрочных парламентских выборов и предполагавшейся перегруппировкой политических сил. Вскрывшиеся факты возможных финансовых злоупотреблений Хуана Карлоса I больно ударили по имиджу монархии, однако предпринимаемые сегодня меры по восстановлению престижа дают свои плоды. Среди отмеченных электоральных трендов стоит выделить укрепление позиций социалистов и правых популистов (особенно по результатам досрочных региональных выборов в Каталонии), а также спад поддержки левого популизма. Положение *Ciudadanos* остается нестабильным: с одной стороны, этой партии удалось незначительно отыграть свои позиции в начале 2020 г., но дальнейший рост поддержки застопорился, а неудовлетворительные результаты на выборах в Каталонии снова поставили вопрос о том, есть ли у партии будущее. Консерваторы, напротив, утвердились в роли лидера блока. Потеряв сторонников в начале исследуемого периода, они всеми силами старались восстановить баланс, периодически меняя стратегию действий.

Ключевые слова: Испания, пандемия коронавируса, коалиционное правительство, монархия, политические партии, последствия кризиса, межпартийная конкуренция.

DOI: 10.31857/S0044748X0015379-5

Статья поступила в редакцию 12.03.2021.

Испания стала одной из стран, наиболее сильно пострадавших от коронавируса. К середине марта 2021 г. только здесь *Covid-19* унес 72 тыс. жизней. Локдаун, объявленный в начале первой волны, катастрофически сказался на экономике, не до конца восстановившейся от предыдущего

Александра Андреевна Куракина-Дамир — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0001-8781-8742>, Kurakina.alex@gmail.com).

кризиса [1, с. 42]. Риски заражения вирусом и смерти, длительное пребывание в социальной изоляции, невозможность контролировать ситуацию, постоянный страх потерять работу и средства к существованию породили «пандемию страха», ставшую причиной многочисленных депрессий и посттравматических стрессовых расстройств [2, с. 27]. Пандемия радикально изменила и политическую повестку страны. То, что в начале года казалось приоритетным, уже к концу марта откатилось на периферийные позиции. Эти испытания пришлось на долю первого в истории демократической Испании коалиционного правительства. Вопреки прогнозам оно не только выстояло, но и укрепило свои позиции на политическом поле.

Целью данной статьи является определение реперных точек политического процесса Испании в период с начала 2020 г. по март 2021 г. (т.е. с момента формирования коалиционного кабинета министров до годовщины введения режима чрезвычайного положения из-за пандемии коронавируса). В работе использованы методы анализа и синтеза информации, статистический метод, а также метод системного анализа; автор опирается на исследования отечественных и зарубежных испанистов, данные соцопросов, правительственные и партийные документы.

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В НАЧАЛЕ 2020 ГОДА

Политическую панораму 2020 г. можно определить как библокизм с сильным националистическим компонентом, который усиливал национальную нестабильность. Правящую коалицию составляли Испанская социалистическая рабочая партия (*Partido Socialista Obrero Español, PSOE*, 120 мест) и ее младший партнер — левопопулистская «Вместе можем» (*Unidas Podemos, UP*, 35 мест). Левый блок дополняли партии «Компромисс» (*Compromís*, 1) и «Больше Страны» (*Más País*, 2). Итого в блоке насчитывалось 158 депутатов. Правый блок состоял из консервативной Народной партии (*Partido Popular, PP*, 88), праворадикальной популистской партии «Голос» (*Vox*, 52)* и либеральной партии «Граждане» (*Ciudadanos*, 10). Всего у правого блока был 151 мандат.

Региональный блок был крайне разнородным. Поддержали правительство правоцентристская Баскская националистическая партия (*Partido Nacionalista Vasco, PNV*, 6), левоцентристская Новые Канары (*Nuevas Canarias, NC*, 1), левый Националистический блок Галисии (*Bloque Nacionalista Gallego, BNG*, 1) и трансверсальный «Теруэль существует» (*Teruel existe*, 1). Против высказались правоцентристские «Форум Астурии» (бывший *Foro Asturias*, переименованный в *Foro de Ciudadanos, FAC*, 1), «Канарская коалиция» (*Coalición Canarias, CC*, 1), центристская Региональная партия Кантабрии (*Partido Regionalista de Cantabria, PRC*, 1), сепаратистски настроенный альянс «Вместе за Каталонию» (*Junts per Catalunya, JxCat*, 4), возглавляемый Карлесом Пучдемоном, скрывающим-

* При классификации партии автор опирается на три признака праворадикальных популистских партий (ППРП), выделенных нидерландским политологом Касом Мудде, а именно: нативизм, авторитаризм и популизм [3]. В данной статье применительно к партии *Vox* словосочетания правые популисты и правые радикалы используются как синонимы.

ся в Бельгии, и ультралевая панкаталанская партия Кандидатура народного единства (*Candidatura de Unidad Popular, CUP*, 2). Воздержались при голосовании Левые республиканцы Каталонии (*Esquerra Republicana de Catalunya, ERC*, 13) и баскская партия «Объединить Баскский Народ» (*Euskal Herria Bildu, EH Bildu*, 5), называемая политическим крылом распавшейся террористической группировки *ETA (Euskadi Ta Askatasuna, «Страна басков и свобода»)*. *JxCat, ERC* и *EH Bildu* пользовались стабильно высокой поддержкой в своих регионах, но рассматривались правой оппозицией как угроза территориальной целостности страны. Фактически поддержав избрание лидера социалистов Педро Санчеса, 2 последние стали для него опорой (крайне необходимой, но неудобной с политической точки зрения).

Основными характерными чертами Конгресса нового созыва являются высокая фрагментация, относительно небольшое количество потенциально волатильных депутатов, низкий потенциал к межпартийному взаимодействию и еще более низкий — к межблоковому, что зачастую основано на личной неприязни. При такой конфигурации нижней палаты принятие соглашений (как по глобальным вопросам, так и по точечным решениям в меньшей степени) было крайне затруднено. Постоянная опора на сепаратистов Каталонии и Страны Басков грозила правительству серьезными репутационными и электоральными издержками. Наряду с этим внутриправительственные разногласия в определении политической повестки, приоритет узкопартийных интересов над интересами страны и непредсказуемость региональных партнеров являлись серьезными вызовами для команды П.Санчеса. Политический дискурс, за некоторыми исключениями, мало чем отличался от того, что был на протяжении электорального марафона 2019 г. Навешивание ярлыков на политических оппонентов проходило красной нитью. Правительству не был предоставлен традиционный 100-дневный период для адаптации. Правая оппозиция сразу заклеимила его «коммунистами», «леваками» и «предателями интересов Испании», сама же стала «фашистами», «франкистами» и проч.

Перед правительством стоял ряд задач первостепенной важности: преодоление социального неравенства, борьба с безработицей, которая приобрела структурный характер, решение каталонского вопроса, повышение престижа Испании на международном уровне. Важную роль играли феминистическая и зеленая повестка, которые должны были стать определяющими на первый год деятельности кабинета министров. Эти и другие вопросы были перечислены в документе, подписанном лидерами обеих партий 30 декабря 2019 г., озаглавленном «Прогрессистская коалиция. Новое соглашение для Испании» [4]. Выше всех политических, экономических, социальных и территориальных проблем стояла проблема выживания правительства. Санчеса и его окружение не устраивал сложившийся союз. Этот союз был скорее вынужденным, нежели желанным, и его отнюдь нельзя было назвать *dream team* («команда мечты»), как это пытались представить адепты лидера левых популистов Пабло Иглесиаса. Связка популисты — сепаратисты рассматривалась руководством *PSOE* как балласт. Однако в условиях накопившихся проблем, неустойчивой и недостаточной электоральной поддержки и отсутствия альтернатив создание иной

коалиции не представлялось возможным. Социалистам необходимо было укрепить свои позиции как внутри страны, так и на международной арене (прежде всего в структурах Евросоюза). Поэтому при формировании правительства Санчес сделал упор на авторитетных политиков, в разное время занимавших высокие посты в европейских и международных институтах.

НАЧАЛО ПАНДЕМИИ

Недооценка правительством масштабов пандемии на первом этапе была одной из причин быстрого распространения инфекции. Прежде всего стоит упомянуть опрометчивое решение не отменять политически значимую масштабную манифестацию 8 марта 2020 г., на которой многие министры заразились коронавирусом. Пандемия на непродолжительное время сместила фокус внимания с противоречий между правыми и левыми на более глобальные вопросы: общественное здоровье, глобализацию, роль Евросоюза в решении международных проблем, экономические последствия мирового локдауна. Глобальные масштабы пандемии способствовали укоренению в обществе идеи, что в данный момент политическим партиям как никогда важно объединиться и выступить единым фронтом. С подачи председателя правительства [5] в прессе все чаще стали вспоминать Пакты Монклоа, заключенные всеми политическими силами на заре демократического транзита.

Стоит отдать должное и гражданскому обществу Испании. При жестких карантинных ограничениях оно старалось адаптироваться к новым условиям, чтобы минимизировать психологические издержки тотальной изоляции [6, с. 2]. Культурные мероприятия как онлайн, так и офлайн (например, концерты классической музыки на личных балконах), флешмобы с аплодисментами и детскими рисунками в честь врачей демонстрировали сплочение общества перед вызовами нового уровня. Бизнес также не остался в стороне. Компания *Mango* — один из гигантов текстильного сектора Испании — уже в конце марта изготовила и через собственную логистическую сеть передала медикам более 2 млн масок, а позже 13 тыс. халатов [7]. Местное отделение шведской *IKEA* обеспечивало временные госпитали и дома престарелых продуктами питания, одноразовыми перчатками, масками, матрасами и постельным бельем [8]. Нельзя не упомянуть и инициативу Фонда «Абракадабра солидарных волшебников». С момента своего основания в 2005 г. он дарил положительные эмоции детям в больницах, пожилым людям, людям с ментальными или физическими ограничениями и всем тем, кто находился в тяжелом эмоциональном состоянии. Чтобы облегчить психологические последствия режима изоляции, фонд запустил на своем канале в социальной сети «Инстаграм» регулярные трансляции «магических фокусов».

Среди причин неготовности Испании к вызовам нового уровня [9, с. 12] стоит выделить существенное сокращение социальных расходов, в том числе на медицину, и реформирование системы здравоохранения, произошедшие после экономического кризиса 2008 г. Нехватка медперсонала (и его отсутствие в домах престарелых), больничного фонда, стратегического запаса средств индивидуальной защиты (СИЗ) — многих из этих проблем можно было бы избежать, не будь наследия политики консерваторов. Тем не менее правительству удавалось планомерно распутывать этот клубок,

заказывая тесты, СИЗ, организуя временные госпитали и привлекая студентов старших курсов медвузов к лечению больных. Одновременно перестраивалась система образования, адаптируясь к новым условиям.

Благодаря хорошо выстроенному процессу политической коммуникации, несмотря на не самую удачно выбранную стратегию борьбы с пандемией, испанское правительство не только не потеряло поддержку электората, но и несколько улучшило свои позиции по сравнению с предыдущим годом. Оно постоянно присутствовало в медийном пространстве в рамках регулярных пресс-конференций разного уровня, в социальных сетях и на сайтах профильных министерств. Нельзя не отметить официальную риторику Мадрида. Борьба с пандемией представлялась как военное противостояние с общим внешним врагом, что сужало возможности оппозиции для критики действий, предпринимаемых правительством [10, р. 7].

Гораздо сложнее дело обстояло с экономическими последствиями. Снижение ВВП составило 11%, причем во втором семестре оно достигло рекордных 18,5% по сравнению с первым. Количество безработных выросло на 23%. Сильнее всего пострадали такие отрасли, как туризм, ресторанный и гостиничный бизнесы, розничная торговля, транспортный сектор [11, с. 114].

В отличие от мер, принимавшихся для борьбы с финансово-экономическим кризисом 2008 г., в рассматриваемый период времени правительство не пошло на существенное сокращение финансирования социальных сфер. Тогда это привело к взрывному росту левопопулистских сил в Испании. В условиях, когда в стране как левые, так и правые популисты пользуются поддержкой примерно 30% избирателей, для социалистов было крайне важным поддержать наиболее уязвимые слои граждан. В частности, в мае 2020 г. был принят закон о гарантированном прожиточном минимуме. Этот закон получил поддержку максимального количества депутатов Конгресса (297 голосов за, 52 воздержались), если не считать первого продления режима ЧС. Закон обеспечивал наиболее незащищенным семьям населения доход от 462 до 1015 евро в месяц. По подсчетам правительства, эта мера коснулась 850 тыс. домохозяйств, в которых проживали 2,3 млн человек. Существенную поддержку экономике страны должна оказать и помощь Евросоюза: из фонда восстановления экономики ЕС Испании выделены кредиты и субсидии в сумме 140 млрд евро.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

За первый год работы правительства было принято 4 органических закона, 10 обычных законов, 33 декрета-закона и 1 законодательный декрет. Это практически столько же, сколько приняло консервативное правительство в первый год своей деятельности в 2012 г. Чтобы консолидировать своих сторонников и укрепить позиции, кабинету министров в первые же месяцы (до начала пандемии) удалось провести социально значимый проект о повышении минимальной заработной платы и пенсий. К концу первого триместра планировалось принять бюджет на текущий год. Началась также работа по организации диалога с представителями каталонских сепаратистов, представлен предпроект Органического закона о комплексных гарантиях половой свободы (отметим, что Закон должен был стать визит-

ной карточкой министерства по равноправию и лично его главы Ирены Монтеро, супруги П.Иглесиаса, однако он получил крайне негативные отзывы экспертов, указавших на огромное количество юридических и лингвистических ошибок, и был отправлен на доработку).

На протяжении нескольких месяцев практически вся законодательная деятельность сводилась к вопросам, связанным с пандемией. Для введения и продления режима чрезвычайного положения необходимо было заручиться поддержкой большинства депутатов. И хотя сначала все проходило гладко, по мере ухудшения экономической ситуации Санчес стал терять эту поддержку. Консерваторы перешли сначала в лагерь воздержавшихся, а потом и противников подобных мер. Последние проекты удавалось провести благодаря депутатам *Ciudadanos*, что вызвало напряженность среди региональных игроков, согласившихся на избрание Санчеса на пост председателя правительства (они рассматривали сближение двух сил как угрозу правительственной коалиции и опасались потери контроля над принятием правительственных решений).

Новые условия изменили приоритеты внутри правительства, однако часть стратегически важных законов продолжала разрабатываться. Прежде всего это касалось перехода к «зеленой» экономике. Стоит отметить черновой вариант второго Национального плана адаптации к климатическим изменениям. Следование плану должно было помочь сократить экономические, социальные и экологические риски климатического кризиса и определить наиболее болезненные области [12]. В сфере защиты окружающей среды стоит отметить утвержденную на совете кабинета министров «Дорожную карту по водороду: за возобновляемый водород». В документе уточнялись вызовы, приоритеты, возможности с перечислением необходимых ресурсов для производства «зеленого водорода», а также развивались предполагаемые направления действий путем применения регулятивных, секторных и трансверсальных механизмов и стимулирования сферы НИОКР. Весьма амбициозная цель, которую поставило перед собой министерство по экологическому транзиту и демографическим вызовам, — добиться климатической нейтральности Испании к 2025 г. [13].

Осенью был принят Органический закон о внесении изменений в закон об образовании (Закон Селаа, по фамилии действующего министра). Многие рассматривали реформу как идеологическую войну между властью и оппозицией. Кастильский язык не фигурировал в качестве единого для системы образования, что позволяло школам в регионах с собственным официальным языком вести обучение преимущественно на нем. Предполагалось сократить государственные субсидии школам смешанного типа (с частично государственным, частично частным финансированием) в случае невыполнения ими ряда требований. Результаты голосования: 177 «за», 148 «против», 17 «воздержались».

Вторым социально значимым органическим законом стал Закон об эвтаназии. Против выступили правые партии — *Partido Popular*, *Vox*, *Unión de Pueblo de Navarra*. Данная норма легализовывала медикаментозное прекращение жизни и определяла, кто, когда и при каких условиях может проводить эту процедуру. Данная тема давно фигурирует в политической повестке Испании. За несколько месяцев до апрельских выборов в стране

разразился скандал из-за обвинения пожилого человека в гендерном насилии после того, как он помог своей тяжело больной супруге уйти из жизни. По данным опроса, проведенного компанией *Metroscopia* в 2019 г., 87% опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Считаете ли Вы, что неизлечимый больной имеет право на то, чтобы медики предложили ему какое-то вещество, чтобы уйти из жизни без боли?». Два годами ранее этот показатель был на три процентных пункта ниже [14].

Вопрос реформирования трудового законодательства и пенсионной системы давно является весьма актуальным для Испании. В 2012 г. в период деятельности консервативного правительства была проведена масштабная трудовая реформа, которая помогла преодолеть последствия кризиса. Однако часть ее пунктов вызывала серьезное недовольство среди работников и приводила к столкновению профсоюзов с представителями деловых кругов. В то время как миноритарный партнер правительства настаивал на полной отмене реформы, социалисты склонялись к частичному пересмотру законодательства. В 2020 г., когда из-за пандемии было полностью или частично ликвидировано огромное количество рабочих мест, тема стала особенно актуальной. Планы министерства труда (находящегося под контролем *Podemos*) включали первую фазу отмены трудовой реформы 2012 г. и регулирование удаленных форм работы. Тем не менее за период с 2020 г. — начало 2021 г. значимых подвижек в этом направлении не произошло. Трудовое законодательство осталось на прежнем уровне. В начале 2021 г. правительство направило в ЕС предложения по 30 конкретным пунктам, которые предполагалось изменить в данных областях в ближайшие месяцы [15]. Некоторые из них (например, расширение срока, учитываемого для расчета пенсий, что предположительно приведет к снижению суммы пенсий на 5-6%) вызывали серьезную озабоченность и неприятие со стороны профсоюзов.

КАТАЛОНСКИЙ ВОПРОС

Каталонский вопрос должен был стать лейтмотивом 2020 г. До начала пандемии правительство предприняло ряд шагов по стимулированию диалога между представителями центральных и региональных властей. Ситуация осложнялась расколом внутри сепаратистского блока: в то время как *ERC* пассивно поддержали избрание Санчеса на пост главы исполнительной власти, остальные партии (в том числе партнер по региональной коалиции *JxCat*) высказались против и поставили под сомнение их преданность идее независимой Каталонии. Параллельно судебные проблемы главы регионального правительства Кима Торры начали угрожать возможности его дальнейшего нахождения на этом посту. В конце 2019 г. он был обвинен Верховным судом Каталонии в неповиновении решению ЦИК. Наказание предполагало запрет на работу в государственных органах на полтора года.

Несмотря на это, в соответствии с договоренностями между *PSOE* и *ERC* конца 2019 г. 26 февраля состоялась первая (и единственная) встреча между П.Санчесом, представляющим Мадрид, и К.Торрой — главой каталонской автономии. Нельзя сказать, что переговоры имели какие-то долгосрочные результаты, однако нельзя также отрицать значимость этого события.

Пандемия продлила агонию правительства Каталонии, заставив перенести досрочные выборы на более поздний срок. Партия, несмотря на все противоречия, приходилось сообща преодолевать санитарный кризис. В то же время опросы демонстрировали устойчивый рост количества сторонников единства Испании. В сентябре, после вынесения обвинительного приговора, относительно спокойно прошла передача поста председателя регионального правительства от К.Торры к вице-президенту, представителю *ERC* Пере Арагонесу, получившему приставку «и.о.».

В то время, как *JxCat*, руководимая К.Пучдемоном из Бельгии, продолжает линию «демократического разрыва» и политики неповиновения официальному Мадриду, *ERC* придерживаются более прагматичных позиций. Не отказываясь от идеи независимого государства, партия выступает за диалог с главой испанского правительства. В подвешенном состоянии на конец года находился и вопрос о возможном смягчении приговора лидерам и главным активистам сепаратистского движения, осужденным на сроки от 9 до 13 лет по делу о незаконной организации референдума по самоопределению Каталонии в 2017 г.

Досрочные выборы в каталонский парламент прошли 14 февраля 2021 г. Опросы общественного мнения предрекали *ERC* почти четверть всех голосов и 37 депутатских мандатов, в то время как партия К.Пучдемона могла получить 30 мест. Такая расстановка сил не позволила бы этому блоку сформировать двухпартийное коалиционное правительство без поддержки третьих сил. В конце декабря 2020 г. первый секретарь Социалистической партии Каталонии объявил, что не будет выдвигаться на ближайших выборах, и уступил свое место действующему министру здравоохранения Сальвадору Илье. Эта новость взорвала предвыборные опросы, моментально превратив нового кандидата в одного из фаворитов гонки [16]. По итогам избирательной кампании социалисты действительно набрали большинство голосов (23,03%), но по количеству избранных депутатов разделили первое место с *ERC*. Обе партии получили по 33 мандата. На втором месте оказалась партия *JxCat* (32). На третьем месте был новичок каталонского политического процесса — партия правых популистов *Vox* (11). Далее следовали *CUP* (9), местный вариант *UP (En Comú Podem)*, 8), потерявшие 30 мандатов *Ciudadanos* (6), а замыкали таблицу консерваторы (3). Явка при этом составила рекордно низкие 53,5%.

Новое правительство Каталонии возглавили *ERC* при поддержке *JxCat* и *CUP*. Очевидно, что разногласия между первыми и вторыми настолько велики, что продержаться весь срок им будет нелегко. Есть вероятность того, что при определенном стечении обстоятельств *ERC* постараются избавиться от неудобного партнера, однако кого они возьмут в новую команду, на данный момент остается загадкой.

ПОЛОЖЕНИЕ МОНАРХИИ

Для испанской короны 2020-й год стал худшим с момента восстановления монархии. В июле в прессе появились сообщения о возможных финансовых махинациях, сокрытии доходов и длительной романтической связи с немецкой предпринимательницей тогда еще действующего короля дона Хуана Карлоса, ставшего символом мирного демократического транзита 1975—1978 гг. По

данным таблоидов, король не раз преподносил тайной возлюбленной дорогостоящие подарки и переводил на ее счет крупные суммы денег. Скандал сильно ударил по репутации всей королевской семьи и привел к тайному отъезду Хуана Карлоса из страны. Выглядело это как попытка скрыться от правосудия. Вызывали вопросы как выбор места временного пребывания (Объединенные Арабские Эмираты), так и сама процедура «побега». На Хуана Карлоса, отрекшегося от престола в 2014 г. в пользу сына из-за другого скандала, уже было заведено несколько дел как в Испании, так и в Швейцарии. Учитывая, что это далеко не первое судебное разбирательство, в котором замешаны члены королевской семьи, перед действующим монархом, королем Филипом VI, стояла непростая задача — обновить и модернизировать институт, привести его в соответствие с новыми политическими условиями и вызовами, вернуть утерянный авторитет.

Отношение к монархии не является константой в испанском обществе. В ряде регионов, прежде всего Каталонии, преобладают республиканские взгляды. Этих же убеждений придерживается более молодая и ориентированная на левые ценности часть испанских избирателей. Старшее поколение и сторонники консервативных взглядов продолжают видеть в короле связующее звено, часть национальной идеи, необходимые для единства столь разных регионов страны. В политическом истеблишменте отношения к монархии также разнятся — от ультрамонархических на крайне правом фланге до твердо республиканских на крайне левом.

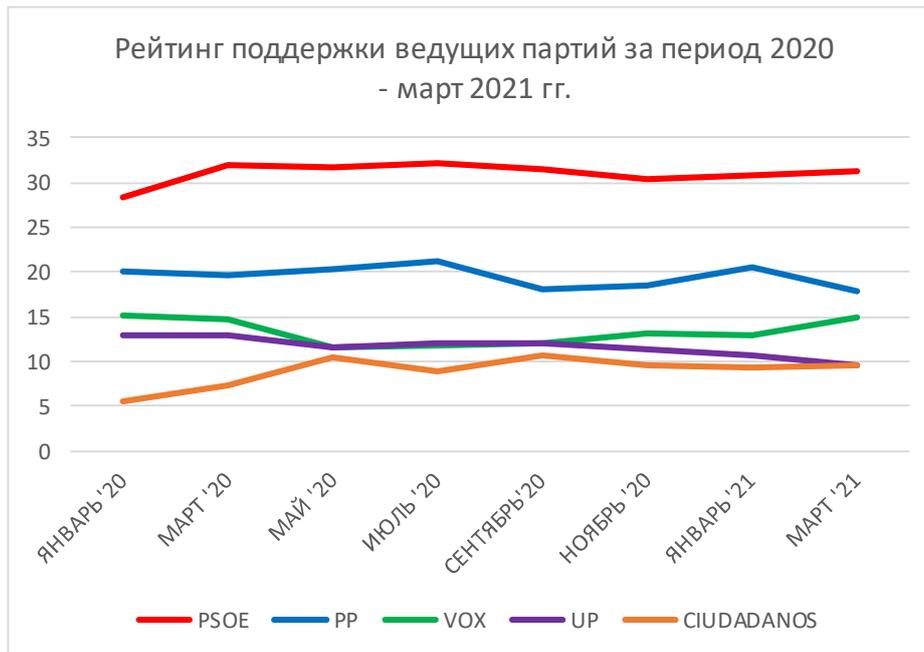
Положительное влияние на образ монархии оказала деятельность старшей дочери короля, 15-летней принцессы Леонор. В прошедшем году она утвердилась в образе наследницы престола и значительно чаще стала бывать на протокольных мероприятиях — от минуты молчания в королевском дворце в память о жертвах коронавируса до вручения премий Принцессы Астурийской, на которой она произнесла торжественную речь на каталанском языке.

Традиционная рождественская речь короля Филиппа VI стала заключительным аккордом уходящего 2020 г. Необходимо отдать должное ее составителям. Она была положительно воспринята 64% испанцев и обеспечила рост престижа испанской короны. По данным опроса компании *Sociométrica*, проведенного после этой речи, на гипотетическом референдуме относительно формы государства 66,9% предпочли бы монархию. За республику высказались 28,3% опрошенных. Среди избирателей *Podemos* последних оказалось более 80%, в то время как среди сторонников правых партий их процент колебался от 8,1% (*Ciudadanos*) до 4,1% (*Vox*) [17]. Среди избирателей социалистов мнения разделились: 45,1% высказались за монархию, 51,1% — за республику. В июле, когда скандал только разразился, соотношение монархистов и республиканцев было таким: 48,9% против 49,3, а в августе, после отъезда Хуана Карлоса, изменилось на 54,9% против 40,8%. В то же время в конце года 47,7% испанцев высказались за то, чтобы Хуан Карлос отказался от статуса Почетного короля.

РЕЙТИНГИ И МЕЖПАРТИЙНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

На протяжении 2020—2021 гг. позиции пяти общенациональных партий претерпевали существенные изменения. По сравнению с предыдущим перио-

дом обращают на себя внимание умеренный уровень поддержки двух ведущих партий и критически низкий *Ciudadanos* в начале 2020 г. Это стало следствием десяти предшествовавших месяцев политического паралича. Снижение поддержки консерваторов в начале 2021 г. компенсировалось ростом правого популизма. Аналогичный тренд наблюдался в паре социалисты — левые популисты. Это говорит о потоках волатильного электората внутри блоков. При этом позиции либеральной партии сильно не менялись в этот период.

Источник: составлено автором по данным опросов общественного мнения Центра социологических исследований (CIS, *barómetros* № 3271, 3277, 3281, 3288, 3292, 3300, 3307, 3312).

За 2020 г. Санчес смог утвердиться в качестве председателя стабильного правительства и консолидировать свой электорат. Пандемия заставила его все чаще появляться в СМИ и входить в образ зрелого и решительного политика. Немаловажным фактором стало утверждение в Конгрессе Депутатов трех ключевых законов — Закона об образовании, Государственного бюджета на 2021 г. и Закона об эвтаназии.

Для лидера *PP* 2021 г. начинался непросто. *Ciudadanos*, потерпевшая сокрушительное поражение на выборах 10 ноября, уже не представляла опасности, но крайне настораживали рост поддержки правых радикалов и их агрессивная политика по привлечению электората других политических сил. Разница между ними на последних выборах составила менее 1,5 млн голосов. Таким образом, Касадо предстояло не только противостоять Санчесу как главному политическому оппоненту на национальном уровне, но и отстаивать лидерство внутри собственного идеологического блока. С этой точки зрения нельзя не отметить тот факт, что Касадо отмежевался от

неудавшейся (а по сути — провальной) попытки *Vox* вынести вотум недоверия действующему правительству. Это позволило ему частично восстановить в глазах избирателей статус фактически единственной альтернативы действующему председателю правительства. Однако для полноценного достижения этой цели Касадо должен был вернуть потерянные в 2015—2016 г. голоса избирателей, ориентировавшихся на центристов, и убедить более радикально настроенных граждан в том, что голосовать за *Vox* нерационально. На протяжении последнего года риторика Касадо неоднократно менялась. Если в начале года на парламентских прениях, предшествовавших избранию председателя правительства, он был в образе лидера радикально настроенных правых сил, то осенью Касадо с тем же рвением атаковал ближайшего соперника по блоку — лидера *Vox* Сантьяго Абаскаля, отстаивая центристские позиции, а еще несколькими неделями позже предстал перед публикой в прежней роли радикально настроенного консерватора, критикуя меры по борьбе с пандемией и предлагаемый проект бюджета.

Что касается лидера *Vox*, то для него год начался на благоприятной волне. Внимание прессы и политологов, связанное с ростом поддержки на последних выборах, давали ему шанс претендовать на лидерские позиции внутри блока. На данный момент *Vox* является третьей по величине партией общенационального масштаба. Ее роль в политическом дискурсе страны не подлежит сомнению. Несколько раз за прошедший год ей удавалось доминировать внутри блока и даже привлекать *PP* в качестве ближайшего соратника. Однако проваленная процедура импичмента коалиционному правительству крайне негативно сказалась на имидже партии. Неожиданный вираж консерваторов в сторону центра оставил *Vox* в одиночестве. Это больно ударило по самолюбию С.Абаскаля, что наводит на мысль о том, что последствия такого поступка Касадо еще ощутит в ближайшем будущем. На состоявшихся в Каталонии выборах правые популисты заняли четвертое место, значительно обогнав *PP*. Создаются условия для двунаправленного взаимоисключающего тренда. Рост напряженности, как в Конгрессе Депутатов, так и в региональных парламентах, будет способствовать увеличению количества сторонников правых радикалов, в то время как необходимость достижения минимального консенсуса между правыми и левыми будут отодвигать их на периферию национальной политики.

Рейтинги поддержки лидера *UP* в начале года были крайне невысоки. Именно он стал главной мишенью для нападок со стороны оппозиции. На протяжении 2020 г. *Podemos* и лично П.Иглесиас в большинстве случаев оказывались на периферии национальной политики. Предлагаемые ими законопроекты критиковались за несвоевременность, низкое качество проработки и несоответствие экономической конъюнктуре. Заявления Иглесиаса и его однопартийцев часто шли вразрез с правительственной линией, чем вызывали резкое недовольство в рядах *PSOE*. В последние месяцы Иглесиас и его партия заняли более проактивную позицию внутри правительства в попытках подчеркнуть собственную роль в выработке государственных решений и укрепить свои электоральные позиции. Это в ряде случаев привело к внутриправительственным разногласиям. Если в начале года Иглесиас выступал в образе институализированного политика высокого уровня, то осенью он вернулся к имиджу политического активиста, лидера антиэлитарной *Podemos* образца

2015 г. П.Иглесиас создавал много «информационного шума» в медиапространстве, но по сути решения принимались внутри *PSOE*. При этом каждый раз, когда наблюдалось сближение позиций *PSOE* и *Ciudadanos*, Иглесиас «перетягивал одеяло на себя», препятствуя диалогу.

Положение *Ciudadanos* было, пожалуй, самым уязвимым. После катастрофического поражения на ноябрьских выборах (партия потеряла 40 мест в Конгрессе), А.Ривера покинул свой пост, а будущее самой партии представлялось весьма туманным. За последние годы *Ciudadanos* сместилась с уверенных правоцентристских позиций к откровенно правым в попытках привлечь сторонников *PP*, рассматривавших возможность голосования за *Vox*. Кроме того, *Ciudadanos* пыталась избавиться от образа партии-шарнира, характерного для 2015—2016 гг. Инес Арримадас, сменившая А.Риверу по итогам первичных выборов, смогла за прошедший год несколько укрепить позиции либералов. Ей предстояло консолидировать свою поддержку внутри партии. Второй задачей было завоевать собственное медиапространство, для чего надо было избавиться от образа младшего брата, поддерживающего *PP* во всех начинаниях, и вернуть имидж либеральной партии. По итогам года можно заключить, что многое из этого было достигнуто, в том числе частично были налажены контакты с социалистами, несмотря на отчаянное сопротивление со стороны Иглесиаса. Однако неудовлетворительные результаты в Каталонии и последующая политическая турбулентность в Мурсии и других регионах поставили большой знак вопроса на будущем партии. И.Арримадас еще предстоит найти свое место в национальной политике Испании, чтобы избежать распада партии. На данный момент Испании явно не хватает умеренной партии-арбитра, находящейся между социалистами и консерваторами.

Коалиционное правительство начинало свою деятельность в крайне неблагоприятных условиях, главное из которых — недостаточная и нестабильная поддержка в Конгрессе Депутатов. Разница в подходах к интерпретации политической действительности и к расстановке приоритетов между участниками коалиции также давала о себе знать. Тем не менее, заключенные социалистами в условиях пандемии точечные договоренности с третьими партиями дают основания полагать, что Санчес будет постоянно искать точки соприкосновения с иными политическими силами для более стабильного и надежного партнерства. Сближение социалистов с партией *Ciudadanos* рассматривалось партнерами по коалиции как главная угроза действующим договоренностям. Грамотно выстроенная система политической коммуникации позволила правительству не только не растерять существующую электоральную поддержку, но и несколько нарастить ее. За прошедший год был принят ряд стратегически важных законопроектов, однако главный вопрос — взаимоотношений с Барселоной — остался открытым. Испанская монархия после серьезного удара по своей репутации смогла во многом восстановить позиции. Сегодня она продолжает оставаться цементирующим фактором для испанского общества (исключением является все та же Каталония, где республиканские настроения сильнее, чем в других регионах). Рейтинги основных политических партий претерпели за прошедший год определенные изменения. В ближайшее время можно ожидать значимых перестановок на правом фланге —

укрепление правого популизма и ослабление либералов, если И.Арримадас не удастся консолидировать оставшихся сторонников или не произойдет смена лидера на более харизматичного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Никулин К.А. Экономика Испании в условиях Covid-19: анамнез и перспективы восстановления. *Мировая экономика и международные отношения*, № 1, т. 65, 2021, сс. 42-49. [Nikulin K.A. Ekonomika Ispanii v usloviyah Covid-19: anamnez i perspektivy vosstanovleniya [Spanish economy amid Covid-19: history and recovery prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, N 1, vol. 65, 2021, pp.42-49 [In Russ.].
2. Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В., Котенева А.В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии Covid-19. *Современная зарубежная психология*, № 1, т. 10, 2021, сс. 27-38. [Ekimova V.I., Rozenova M.I., Litvinova A.V., Koteneva A.V. Travmatizaciya strahom: psihologicheskie posledstviya pandemii Covid-19 [Fear Trauma: The Psychological Impact of the Covid-19 Pandemic]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*, N 1, vol. 10, 2021, pp. 27-38 [In Russ.].
3. Мудде, К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе. *Берегиня*. 777. *Сова: Общество. Политика. Экономика*. № 4 (23), 2014, сс. 91-100. [Mudde, K. Populistskie pravoradikalnye partii v sovremennoj Evrope [Populist radical right parties in Modern Europe] *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. N 4 (23), 2014, pp. 91-100 [In Russ.].
4. Coalición progresista. Un nuevo acuerdo para España. Available at: <https://www.psoe.es/media-content/2019/12/30122019-Coalici%C3%B3n-progresista.pdf> (accessed 21.12.2020).
5. Intervención del presidente del Gobierno, Pedro Sánchez. 12.04.2020. Available at: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2020/120420-reunionccaa.aspx> (accessed 17.01.2021).
6. Верников В.Л. Коронавирус в Испании туристами не испугаешь. Аналитическая записка. №30. ИЕ РАН, 2020. [Vernikov V.L. Koronavirus v Ispanii turistami ne ispugaesh [Tourists cannot scare the coronavirus in Spain]. *Analiticheskaya zapiska*. N30. IE RAN, 2020. [In Russ.]. Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an213.pdf> (accessed 23.01.2021).
7. Mango dona 2 millones de mascarillas para combatir el avance del COVID-19. Available at: https://press.mango.com/es/mango-dona-2-millones-de-mascarillas-para-combatir-el-avance-del-covid-19_94321 (accessed 23.01.2021)
8. Nuestra aportación en España durante la primera ola de la COVID-19. Available at: <https://www.ikea.com/es/es/this-is-ikea/community-engagement/donaciones-covid19-pub25477ba0> (accessed 17.01.2021)
9. Khenkin S.M. La sociedad española en el reflejo de la pandemia. *Iberoamerica*, N 1, 2020, pp. 5-27.
10. Castillo-Esparcia A.; Fernández-Souto A.; Puentes-Rivera I. Comunicación política y Covid-19. Estrategias del Gobierno de España. *Profesional de la información*, 2020, vol. 29, n. 4, e290419. <https://doi.org/10.3145/epi.2020.jul.19> Available at: <http://profesionaldelainformacion.com/contenidos/2020/jul/castillo-fernandez-puentes.pdf> (accessed 21.12.2020).
11. Яковлев П.П. Пандемия COVID-19 в роли «черного лебедя». *Испания в новой национальной и международной реальности. Коллективная монография*. Отв.ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А. Москва, ИЛА РАН, 2020, сс. 111-115. [Yakovlev P.P. Pandemiya COVID-19 v roli «chernogo lebedya». [Pandemic COVID-19 in the role of a "black swan"]. *Ispaniya v novoj nacional'noj i mezhdunarodnoj real'nosti. Kollektivnaya monografiya* [Spain in a new national and international reality]. Moscow, ILA RAN, 2020, pp.111-115. [In Russ.].
12. Plan Nacional de adaptación al cambio climático 2021-2030. La Moncloa, 22.09.2020. Available at: <https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeministros/Paginas/enlaces/220920-enlace-clima.aspx> (accessed 20.10.2020).
13. Hoja de Ruta del Hidrógeno. Available at: <https://www.miteco.gob.es/es/ministerio/hoja-de-ruta-del-hidrogeno-renovable.aspx> (accessed 20.10.2020)
14. No hay pruebas de que la mayoría de españoles rechace una ley de eutanasia. *El Diario*, 14.02.2020. Available at: https://www.eldiario.es/sociedad/pruebas-mayoria-espanoles-rechace-eutanasia_1_1131705.html (accessed 20.01.2020).

15. Ruiz J. El Gobierno remite a Bruselas las 30 reformas económicas que se compromete a emprender en los próximos meses. *Cadena SER*, 20.01.2021. Available at: https://cadenaser.com/programa/2021/01/20/hoy_por_hoy/1611126603_362521.html (accessed 21.01.2021).

16. Un sondeo sitúa a Illa a la cabeza entre el resto de los candidatos al 14-F en Cataluña. *El Confidencial*, 08.01.2021. Available at: https://www.elconfidencial.com/espana/cataluna/2021-01-08/sondeo-illa-candidato-elecciones-cataluna-favorito_2898852/ (accessed 08.01.2021).

17. Prieto A. Crece con fuerza el apoyo a la Monarquía pero la mayoría quiere que Juan Carlos deje de ser Emérito. *El Español*, 27.12.2020. Available at: https://www.lespa-nol.com/espana/politica/20201227/crece-fuerza-monarquia-mayoria-juan-carlos-emerito/546445793_0.html (accessed 29.12.2020).

Alexandra A. Kurakina-Damir (Kurakina.alex@gmail.com)

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Pandemic year in Spain. Political outcome

Abstract. Despite well-founded doubts about the viability of the coalition (which had insufficient support of the deputies for the adoption of important laws), a well-built strategy of political communication during the pandemic allowed the cabinet of ministers not only to withstand, but also to strengthen its positions. Over the past year, a number of strategically important decisions, both from a political and image point of view, have been adopted. The coronavirus pandemic has had a significant impact on the legislative process. The solution to the Catalan problem faded into the background. In part, this was due to the need for early parliamentary elections in the region and the alleged regrouping of political forces. The revealed facts of possible financial abuse of the honorary king hurt the image of the Crown, but the measures taken today to restore prestige are bearing fruit. Among the electoral trends noted, it is worth highlighting the strengthening of positions of socialists and right-wing populists (especially following the results of early regional elections in Catalonia), as well as a decline in support for left-wing populism. *Ciudadanos'* position remains unstable: on the one hand, it managed to slightly regain its position in early 2020, but further growth in support stalled, and poor results in the Catalan elections once again raised the question of whether the party has a future. Conservatives, by contrast, have established themselves as the leader of the bloc. Having lost a share of supporters at the beginning of the study period, they tried with all their might to restore the balance, periodically changing the strategy of actions.

Key words: Spain, COVID-19, coalition government, Spanish monarchy, political parties, consequences of the crisis, party competition.

DOI: 10.31857/S0044748X0015379-5

Received 12.03.2021.

Ю.Н.Фролова

Молодежный фактор в развитии сепаратизма в Испании

На примере Каталонии и Страны Басков

Статья посвящена роли молодежи в испанском сепаратистском движении. Феномен сепаратизма рассматривается как система, в рамках которой молодежь может являться как ее составным элементом, так и внешним фактором. Предпринимается попытка проследить эволюцию вовлеченности молодого поколения в сепаратистские движения, а также выявить основные современные тенденции отношения молодежи к идеям национализма, прежде всего, в автономных сообществах Каталонии и Страны Басков. В статье используются данные европейских эмпирических исследований, посвященных проблеме политического участия молодежи как в Испании, так и в других странах Европейского союза, а также результаты работ социологов, изучавших отношение молодого поколения к сепаратизму, национализму и радикализму. Автор формулирует ряд выводов о наличии разнонаправленных тенденций, касающихся сепаратизма, которые формируются среди современных молодых испанцев. Некоторые из этих тенденций отражают особенности именно современного этапа развития страны и не были характерны для испанского общества ранее.

Ключевые слова: сепаратизм, автономизм, молодежь, Страна Басков, Каталония, Испания.

DOI: 10.31857/S0044748X0015380-7

Статья поступила в редакцию 20.03.2021.

Сепаратизм в последние десятилетия стал в Испании одним из ключевых вопросов политической повестки дня. Согласно опросам общественного мнения мировой экономической кризис несколько сместил эту проблему с первого места [1], однако она все еще крайне актуальна. В рамках дан-

---

Юлия Николаевна Фролова — кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена (РФ, 191186 Санкт-Петербург, Наб. реки Мойки, 48, <https://orcid.org/0000-0002-0743-6144>, frolovayuliya@yahoo.com).

ной статьи мы рассмотрим эволюцию роли молодежи в развитии сепаратистских движений.

Методологически статья основывается на системном и бихевиоральном подходах, основными источниками информации являются опросы общественного мнения, статистические данные органов управления автономных сообществ Каталонии, Страны Басков и правительства Испании, результаты исследований соответствующих тематических центров. Системный подход представляет собой совокупность методов социальных наук, рассматривающих объект изучения как систему с определенными свойствами. В политологии широко известен подход американского исследователя Дэвида Истона, в рамках которого он попытался создать целостное восприятие политики и сформулировал концепцию политической системы, отличной от других социальных систем [2, р. 23]. Функциональным аспектам политической системы и развитию структурно-функционального анализа систем также посвящены классические работы политологов и социологов Карла Дойча, Габриэля Алмонда, Дж. Бингхэма Пауэлла, Толкотта Парсонса и др. Однако системный подход может быть применен не только к политической системе в целом, но и к отдельным составляющим ее подсистемам, феноменам, явлениям и процессам. В этом случае такие объекты исследования изучаются как неразрывные совокупности, состоящие из взаимозависимых элементов и структур. Сепаратизм рассматривается как система с целью анализа его составляющих, осмысления его сущности и специфики. С этой точки зрения система сепаратизма обладает тремя необходимыми признаками системности: наличие компонентов, взаимосвязь между этими компонентами, интегративное качество, возникающее в результате этих взаимосвязей [3, с. 219].

Изучение сепаратизма как объекта, состоящего из некоего упорядоченного комплекса элементов, имеющих между собой структурные связи, позволяет, с одной стороны, абстрагироваться от случайных взаимосвязей, которые, тем не менее, могут оказывать значительное влияние на развитие сепаратистских движений, а с другой стороны, дает возможность выявить наиболее общие тенденции, что способствует прогнозированию развития сепаратизма. Согласно такому подходу, сепаратизм, будучи самостоятельной системой, имеет внутренние подсистемы и надсистему. В силу сложности исследуемого феномена надсистема и подсистемы могут быть выделены по-разному, однако в рамках нашего исследования надсистемой имеет смысл считать политическую систему государства, в которой имеют место сепаратистские движения. Политическая система государства связана с системой сепаратизма, прежде всего, факторами обоюдного влияния. Составными элементами системы сепаратизма являются объекты, обладающие «признаками «инаковости» от титульного большинства государства. Это религиозные, этнические, культурные, племенные, расовые, родовые и др. признаки» [4, с. 74]. Системное понимание сепаратизма вносит свою специфику в определение направлений противодействия: элементы сепаратизма, будучи частями единого целого, взаимодействуют между собой не случайно, а согласно определенным «закономерностям функционирования и развития» [5, с. 32], вследствие чего одной из ключевых целей противодействия сепаратизму становится выявление этих закономерностей.

Темой данной статьи является молодежный фактор, который, на наш взгляд, играет двоякую роль в системном анализе сепаратизма: с одной стороны, это — фактор макроструктурного анализа, позволяющий выявить связи между системой сепаратизма и надсистемой государства, с другой — элементами объекта сепаратизма также могут являться молодые представители условного «меньшинства». Именно благодаря такой многогранности молодежный аспект заслуживает отдельного внимания.

Для изучения этого аспекта использован бихевиоральный подход. Это обусловлено методологической основой такого подхода — социологическим позитивизмом, в рамках которого особое внимание уделяется эмпирическим методам исследования как основе описания политического поведения. Одними из первых сторонников этого подхода были представители Чикагской школы, прежде всего, Чарльз Мерриам и Гарольд Лассуэлл, которые были сторонниками идеи о том, что все политические и институциональные явления можно объяснить через человеческое поведение, а любая теория или умозаключение должны быть подтверждены эмпирическими данными. Основные же идеи были заложены Д.Истоном в его работе *Introduction: the current meaning of behavioralis* [6, p. 7]. Кроме того, в рамках этого подхода обращается внимание на иррациональную составляющую политического, так как «политические предрассудки, предпочтения и убеждения часто формулируются в строго рациональном виде, однако вырастают они крайне иррациональными путями» [7, с. 159]. При изучении молодежного аспекта важно учитывать рациональные и иррациональные поведенческие характеристики, являющиеся неотъемлемым атрибутом данной возрастной категории и формирующие ее отношение к политическим процессам.

Системная трактовка сепаратизма не является единственной, для современной отечественной и зарубежной политологии актуальна проблема концептуализации данного понятия. Этим термином можно обозначить также «и политическое движение, и политическую идеологию, и даже... социальный конфликт» [8, с. 89], помимо этого, мы встречаем также сепаратизм как «феномен, развивающийся в процессе конфликтного взаимодействия» [9, с. 39], как политические программы и действия по достижению независимости [10, с. 3; 11] и многое другое. Принимая во внимание терминологические проблемы понятия сепаратизма, в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на них более подробно и определять границы с другими подобными понятиями, а лишь последуем известной трактовке Ф.А.Попова [12], систематизировавшего концептуальный материал по тематике сепаратизма и рассматривающего сепаратизм как широкое понятие (включающее в себя как сецессионизм в индпендентской его части, так и автономизм). То есть сепаратизм представляет собой как требование более широких прав для конкретной территории в рамках существующих государственных границ суверенного государства, так и выход части территории из состава единого государства для создания новой суверенной единицы.

ОСОБЕННОСТИ СЕПАРАТИЗМА В ИСПАНИИ

Перед тем, как рассмотреть молодежный аспект, необходимо кратко остановиться на характеристиках особенностей сепаратистского движения

в Испании. Региональный сепаратизм здесь имеет глубокие исторические корни. Различные территориальные единицы в разные периоды времени заявляли о своих сепаратистских устремлениях, однако наиболее остро этот вопрос стоит для автономных сообществ Страна Басков и Каталония. Учитывая, что историческая и политическая составляющие этого вопроса хорошо изучены, обозначим лишь наиболее важные для исследуемой темы аспекты. В целом, имея ряд сходств, каталонский и баскский сепаратизм весьма различны. Каталонский сепаратизм долгое время был сугубо автономистским в противовес откровенно сепаратистской позиции баскских сепаратистов (имеется в виду, прежде всего, период деятельности националистической организации «Страна басков и свобода» (*Euskadi Ta Askatasuna, ETA*) и смежных структур). Другое важное различие: ключевые лидеры самоопределения. «В Каталонии долгое время не было единого лидера в этом вопросе, в том числе и в силу диверсифицированности политической партийной системы» [13, с. 18], а в Стране Басков *ETA* была одним из лидеров движения (наряду с Баскской Националистической партией (*Euzko Alderdi Jeltzalea*, исп. *Partido Nacionalista Vasco, EAJ-PNV*). В настоящее время наблюдается значительное ослабление обоих сепаратистских движений. В Стране Басков с роспуском *ETA* сепаратистское движение перешло из военной в политическую плоскость, и, хотя националисты — *EAJ-PNV* и «Соберите Страну Басков!» (*Euskal Herria Bildu, EH Bildu*) — по-прежнему занимают лидирующие позиции во властных структурах (Иньиго Уркульо, возглавляющий *EAJ-PNV*, с 2012 г. является председателем правительства Страны Басков), они не активизируют сепаратистские настроения, более того, в прошлом активно выступали против незаконного референдума, проведенного в Каталонии в 2017 г. После неудач, постигших сепаратистов на референдуме, их позиции в Каталонии ослабли: в автономном сообществе было введено прямое управление Испании с ограничением функций президента. Сепаратисты фактически проигнорировали парламентские выборы 2017 г.: ни одна из их партий не заняла первое место, вместо этого лидером стала антинационалистическая партия «Граждане» (кат. *Ciutadans*, исп. *Ciudadanos, Cs*), хотя по общему количеству голосов, отданных за сепаратистские партии, сторонники независимости пока лидируют.

Сепаратистское движение в Каталонии имеет ряд ресурсов, на которые оно опирается. В Каталонии, как и в Стране Басков, сложилась сложная система идентичностей, о чем свидетельствуют регулярные опросы общественного мнения. Очевидна «конкуренция общенационального, этнического, регионального, местного и пр. самосознания» [14, с. 99]. Сторонники независимости опираются на идею возвращения к когда-то существовавшей суверенной нации, имеющей свои культурные и исторические особенности. Важную роль здесь играет каталанский язык как знаковая составляющая идеи независимой Каталонии: администрации некоторых каталонских городов [15] проводят политику по усилению позиции каталанского языка по сравнению с испанским, одним из методов которой является замена отдельных испанских слов на каталанские.

Другой важный ресурс сепаратизма — экономический фактор. В условиях экономического кризиса непопулярные меры центрального прави-

тельства, следствием которых являются повышение налогов и урезание региональных отчислений, приводят к усилению националистических настроений, особенно в таких богатых автономных сообществах, как Страна Басков и Каталония. У граждан возникает ощущение, что они значительно больше отдают в общую казну, чем получают взамен.

МОЛОДЕЖЬ — РЕСУРС СЕПАРАТИЗМА?

Молодежь может рассматриваться как ресурс сепаратизма, так и как фактор, оказывающий неоднозначное влияние на указанный процесс. Здесь необходимо провести разграничение понятий «фактор» и «ресурс». Фактор представляет собой движущую силу какого-либо процесса либо аспект, который оказывает на него значительное влияние, при этом само влияние может быть разным; применительно к изучаемому аспекту молодежь может являться как фактором, способствующим развитию сепаратизма, так и фактором, сдерживающим его развитие. С точки зрения системного подхода этот фактор может быть и внутрисистемным, и внешним. Ресурс рассматривается как источник, обеспечивающий развитие феномена, в нашем случае — сепаратизма. Таким образом, в некоторых случаях эти понятия пересекаются, а именно — и фактор, и ресурс могут способствовать развитию сепаратизма, однако фактор может оказывать и обратное влияние. Нам необходимо ответить на вопрос: является ли молодежь фактором или ресурсом сепаратизма?

Для понимания испанской специфики сначала рассмотрим некоторые общие аспекты молодежного участия в содействии или противодействии сепаратизму. «Кто в молодости не был революционером, у того нет сердца, но тот, кто остался им и в старости, у того нет разума», — говорил Уинстон Черчилль. Экстремальность является сущностной характеристикой молодежи, при этом принимать она может различные формы [16, с. 39]. Экстремальность является производной имманентного свойства молодежи — юношеского максимализма, однако мотивы реализации экстремизма обусловлены особенностями конкретной общественной системы. «Стремление к достижению поставленных целей, доходящее до фанатизма, или нигилистическое отрицание норм и правил, обусловленное ростом достижительных ориентаций и разочарованием от неудач, характеризуют крайние полюсы экстремальности в молодежной среде» [17, с. 66]. При этом в политической жизни молодежный экстремизм может проявляться как форме протестных или национально-этнических движений, так и в форме политического нигилизма. В основе экстремизма лежит разделение на «своих» и «чужих», при этом в зависимости от ведущего фактора формируется тот или иной вид экстремизма — этнический, религиозный, экономический и т.д.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

Сепаратистские движения представляют собой одну из форм политического участия. По мнению Сиднея Верба и Нормана Ная [18, р. 2], политическое участие это — деятельность граждан, влияющая на процесс форми-

рования состава власти и на принимаемые ею решения. При этом политическое участие делится на конвенциональное и неконвенциональное [19, р. 30], и сепаратистские движения являются составной частью неконвенциональных видов политического участия.

Вопросу политического участия молодежи в странах Евросоюза посвящены ряд европейских исследований. Существующее предположение о том, что молодежь больше поддерживает идею развития ЕС, нежели старшие поколения, подтверждается или не подтверждается в зависимости от конкретного государства и контекста [20, р. 185]. Что касается форм и уровня политического участия молодежи, то здесь ряд исследователей отмечает [21, р. 5] падение уровня интереса к политической жизни, молодежь меньше реализует свое избирательное право и меньше принимает участие в деятельности политических партий, чем это делали нынешние зрелые граждане, когда они были молодыми. Современные молодые люди демонстрируют самый низкий уровень явки на выборах по сравнению со всеми другими возрастными группами [22]. При этом вопрос снижения интереса связан не с возрастом, а с конкретным поколением, и является результатом формирования нового отношения к политике — более индивидуалистического и даже гедонистического [23]. Молодежь ищет в политической жизни исключительно выгоду и способ для удовлетворения личных потребностей. Молодое поколение также негативно относится к правящим политическим элитам [24, р. 171]. С другой стороны, как уже отмечалось выше, эта общая тенденция имеет в рамках Европейского союза свои национальные особенности. Так, например, в южных странах ЕС, таких как Испания, Греция и Португалия, которые сильно пострадали от экономического кризиса, и где фиксируется высокий уровень безработицы среди молодых людей, происходит падение уровня институционализированных форм политического участия молодежи и рост неинституционализированных. Степень политического участия молодежи варьируется от страны к стране; Испания, в частности, занимает одну из ведущих позиций по вовлеченности молодежи в политику [25]. Финансовый кризис проиллюстрировал взаимосвязь неолиберальных течений и неформального участия молодежи в политической жизни [21, р. 7], при этом неолиберальные взгляды часто являются катализатором развития экстремизма.

По данным социологических исследований молодые люди озабочены такими проблемами, как права человека, миграции и вопросы национализма [23, р. 2]. При этом, что касается отношения к идее Евросоюза, — само существование этого наднационального объединения делает проблемы национальных идентичностей менее важными и ослабляет их влияние на формирование идентичности молодых людей. Таким образом, несмотря на общую тенденцию снижения участия молодежи в политике, а также изменение форм политического участия молодого поколения в различных странах ЕС данная тенденция проявляется по-разному, в связи с чем важно учитывать контекст. Рассмотрим, каким образом можно охарактеризовать уровень политического участия в Испании, место феномена сепаратизма в отношении современной молодежи к политике, а также эволюцию отношения молодого поколения к сепаратистским идеям.

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В СЕПАРАТИЗМЕ В ИСПАНИИ

Молодежь в Испании часто становилась важным ресурсом для различных идеологически крайних течений: так, например, Испанская Фаланга (*Falange Española*) использовала контроль за системой образования и развитие своей молодежной организации как один из способов ведения идеологической пропаганды [26].

Среди баскской молодежи длительный период романтизировался образ терроризма. В некоторых произведениях баскской художественной литературы (в частности, современной) регион Страны Басков представляется средоточием света и гармонии, которое находится под угрозой утраты своей идентичности [27]. Страну Басков сравнивают с исчезающим миром, потерянным раем, что заставляет молодых героев романов становиться на сторону «тех, кто ратует за баскскую автономию, будущих участников ЭТА» [27, с. 2]. Террорист представляется не хладнокровным убийцей, а борцом за выживание уникальной малой родины. Здесь также стоит вспомнить условия появления террористической организации *ETA*. Она возникла как сопротивление франкистской диктатуре и упразднению баскской автономии; ее основали молодые участники *EAJ-PNV*, которые не были удовлетворены тем уровнем политического сопротивления, которое оказывала партия. Таким образом, *ETA* с момента своего основания фактически представляла молодежное движение.

В период существования террористической организации *ETA* в 1997 г. проводилось социологическое исследование, поддержанное Фондом Гугенхайма в Нью-Йорке, в результате которого были рассмотрены данные 600 террористов *ETA* (почти каждый третий из задержанных), и на основе этих сведений создан социологический портрет члена этой структуры: «В основном, мужчины, холостые, гипускоанцы, очень молодые (часто младше 20 лет) и не имеющие баскских фамилий» [28]. Молодость и отсутствие семьи у молодых людей, входивших состав данной организации, объясняется, прежде всего, особенностью ее деятельности.

Испанские ученые провели исследования, касающиеся взглядов молодежи на политику за период экономического и политического кризиса последнего десятилетия. Результаты этих исследований свидетельствуют о том, что молодые люди очень критично относятся к политике. Однако в отличие от общеевропейской тенденции на дистанцирование и общей аполитичности, молодежь Испании политизирует свое недовольство. 75% демонстрируют высокий уровень недоверия политикам и политическим партиям с 2012 г., а количество тех, кто удовлетворен уровнем функционирования демократических институтов в стране, снизилось с 40% (в 2009 г.) до примерно 15% [29]. Что касается поддержки политических партий, то здесь электоральные предпочтения предсказуемы с учетом падения доверия к политической элите: традиционные лидеры Народной партии (*Partido Popular, PP*) и Испанской социалистической рабочей партии (*Partido Socialista Obrero Español, PSOE*) теряют поддержку среди молодежи. За период с 2010 по 2017 г. потеря составляет почти половину: с 52% до 26% [30]. Основными соперниками в борьбе за голоса молодого электората (от 18 до 34 лет) считаются «Подemos» (*Podemos*) и *Ciudadanos* — те партии,

которые, помимо прочего, вышли на лидирующие позиции после разочарования каталонцев в националистических идеях по итогам неудавшегося референдума 2017 г. При этом с 1978 г. на выборах обычно (лишь с двумя исключениями в 1979 и 1996 гг.) побеждала та партия, которой удавалось заручиться поддержкой большинства молодого электората [30].

Что касается Каталонии, то надо сказать, что здесь молодые люди на протяжении последних десяти лет активно поддерживали индпендистские настроения. По мнению представителей молодежи, тот факт, что Каталония остается в составе Испании, сильно вредит региону [31]. Индпендистские настроения молодых людей отражаются и на электоральных предпочтениях: именно возрастная группа до 35 лет (больше, чем другие возрастные категории) отдает предпочтения националистическим партиям [32]. Причинами, по которым молодежь поддерживает идею независимости Каталонии, являются как экономические факторы, так и исторические [33]. Существует некая уверенность в том, что регион слишком много отдает в общий испанский бюджет, и это сказывается на росте безработицы (особенно среди молодежи) и углубляет экономический кризис. Сторонники независимости находят обоснование этой идеи и в исторических особенностях развития Каталонии. Таким образом, мы видим, что молодежь индпендистских взглядов становится значимым ресурсом сепаратизма, а также важным элементом его системы.

Некоторые изменения в этот аспект вносит демографическая ситуация, так как за последние два десятилетия абсолютное количество молодежи и в Стране Басков, и в Каталонии сократилось: на 34% [34] и на 12% [35] соответственно. Статистические прогнозы свидетельствуют о дальнейшем падении численности молодого населения не только в указанных автономных сообществах, но и в Испании в целом. В качестве одной из основных проблем, тормозящей рост молодых групп населения, респонденты указывают экономические трудности, прежде всего, безработицу. При этом в процентном соотношении молодого населения к другим возрастным группам не произошло значительных изменений: 15-17% [36; 37]; южные автономные сообщества страны (Андалусия, Канарские острова, Кастилия ля Манча, Эстремадура, Мурсия) по-прежнему являются лидерами по доли молодежи в своем демографическом составе.

В Стране Басков поддержка молодежью националистических движений осложнена террористическим прошлым *ETA*. В Университете *Deusto* в 2017 г. было проведено исследование, посвященное отношению студентов к проблемам терроризма [38]. Согласно полученным данным тема терроризма по-прежнему остается для молодежи одной из самых важных и интересных, однако само отношение к подобным методам решения политических вопросов сейчас значительно отличается от того, что мы видели десятилетиями ранее: большинство молодых людей (91%) считает, что «никакой политический проект не может быть более важным, чем право человека на жизнь» [38, р. 18], также осуждаются методы членов *ETA* и насилие в целом. При этом большинство молодых людей (57%) [38, р. 24] допускает, что в будущем в Стране Басков может происходить ущемление прав человека по политическим причинам. Абсолютное большинство опрошенной молодежи считает себя только басками, а не испанцами (к ис-

панцам себя относят только 2% опрошенных [38, р. 27]). Необходимо отметить, что баскская молодежь активно поддерживает (примерно 60%) идею независимости региона [39]. Однако большинство респондентов, даже среди сторонников независимости, не верит в возможность образования независимого государства на территории баскских провинций. За последние десятилетия отношение к участникам *ETA* в Стране Басков существенно изменилось: если в конце 1970-х большинство оценивали их как активистов, стремящихся воплотить в жизнь свои идеалы [40], то к 2017 г. этот образ был заменен более негативным — образом террористов.

Имеющиеся статистические данные показывают, что еще в начале 2000-х годов *ETA* имела некоторую поддержку среди молодых людей до 35 лет [41]: примерно четверть респондентов этой возрастной категории указывали на поддержку целей, но не методов, либо на полную поддержку организации. Абсолютное большинство респондентов в других возрастных категориях полностью отвергали деятельность *ETA*. В этот же период большая часть опрошенных молодых людей поддерживали идею независимости Страны Басков, тогда как респонденты старших возрастных групп высказывались против [41]. Согласно исследованиям Молодежного центра Страны Басков (*Observatorio Vasco de la Juventud*) за 2019 г., политические взгляды молодежи можно оценить как довольно умеренные; молодые люди занимают промежуточные позиции как по шкале «правые — левые», так и с точки зрения национализма, и определенной позиции в отношении возможной независимости Страны Басков у молодежи тоже нет [42]. Результаты такого политического позиционирования в регионе в целом соответствуют общей картине по стране: 45% занимают умеренную центристскую позицию [43].

С другой стороны, сегодня актуальны тенденции, которые несколько противоречат положению о том, что молодежь является ресурсом развития сепаратизма. В Испании, как и в некоторых других странах Евросоюза, происходит постепенное омоложение властной элиты. Средний возраст руководителей ключевых партий — Педро Санчеса (1972 г.р.), Пабло Касадо (1981 г.р.), Пабло Иглесиаса (1978 г.р.) и Альберта Риверы (1979 г.р.) — примерно 40 лет. Поддержка молодых политиков стала одним из результатов запроса на изменения, сформировавшегося в испанском обществе из-за неспособности прежних руководителей решить накопившиеся проблемы (долгое время до этого у власти была *PP* с Мариано Рахоем (1955 г.р.), которая дискредитировала себя участием в коррупционном скандале). Лидеры всех нынешних ключевых парламентских партий родились в 70—80-х годах; сменился глава вышеупомянутой *PP*: вместо Рахоя руководящий пост занял 40-летний Пабло Касадо. В региональных партиях автономистской или сепаратистской направленности (*Eh Bildu*, Левые республиканцы Каталонии) (*Esquerra Republicana de Catalunya*, *ERC*), *EAJ-PNV*, «Вместе за Каталонию (*Junts per Catalunya*, *Junts*) и др.) наблюдается противоположная тенденция: политические лидеры этих организаций старше, чем их коллеги из партий, выступающих против сепаратистских идей автономных сообществ. Исследования, касающиеся электорального поведения избирателей [44; 45], показывают, что многие склонны выбирать того кандидата, который ближе всего к ним по ряду различных характеристик (социокультурные, экономические и другие признаки). Этот аспект является частным

случаем идеи о том, что люди положительно относятся к тем, кто больше всего похож на них самих [46]. Однако с учетом того, что каждый электоральный цикл уникален, и на его результат влияет множество факторов, мы не можем с уверенностью утверждать, что это правило работает во всех случаях, поэтому данный тезис требует проверки. С другой стороны, в поддержку этого тезиса имеются некоторые косвенные доказательства: проанализировав вышеуказанные опросы общественного мнения и статистические данные о предпочтениях молодого поколения, мы можем предположить, что и в испанских регионах возраст избранного политика может быть обусловлен, в том числе, возрастом его избирателей. И, если это действительно так, то, учитывая возрастной состав руководства политических партий, возможно допустить, что испанская молодежь все больше голосует за системные партии, которые не поддерживают идею радикальных изменений политической системы Испании, тогда как электоратом сепаратистских партий в большинстве случаев становятся представители более старшего поколения.

Является ли молодое поколение безусловным ресурсом сепаратизма в Испании? Очевидно, нет. На сегодняшний день мы видим разнонаправленные тенденции: с одной стороны, сепаратизм как проявление экстремизма продолжает оставаться особенностью молодого поколения, а молодежные националистические группы могут считаться элементами системы сепаратизма, однако с большими оговорками. С другой стороны, современные молодые испанцы не хотят становиться новыми членами организации *ETA* и заняты значительно более актуальными вопросам, прежде всего экономического характера. Об этом свидетельствует поддержка молодежью системообразующих партий, в повестке дня которых национальная исключительность отдельных автономных сообществ не является ключевым вопросом, а также результаты опросов общественного мнения и статистические данные. Для молодых испанцев терроризм перестал быть романтичным и привлекательным, а историю националистического терроризма своей страны они оценивают крайне негативно и не готовы оправдывать насилием никакие политические цели. При таком подходе молодежь становится внешним фактором, который, в том числе, сдерживает развитие сепаратистских движений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Euskobarometro Junio 2019. Available at: https://www.ehu.es/documents/1457190/1525260/EB_int_Junio19.pdf/25ff5c39-0988-d46e-a028-d5b688693cf1?t=1563537212000 (accessed at: 25.01.2021).
2. Easton D. A system analysis of political life. N.Y., 1965, 507 p.
3. Шабров О.Ф. Системный подход в политической науке. *Современная политическая наука: Методология: Научное издание*. Отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина, А.И.Никитин. 2-е изд., испр. и доп. Москва, Аспект пресс, 2019, сс.213-233. [Shabrov O.F. Sistemnyi podkhod v politicheskoi nauke. [System approach in political science] *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya: Nauchnoe izdanie* [Contemporary political science: Methodology: Scientific edition]. Moscow, Aspekt press, 2019, pp.213-233. (In Russ.).
4. Сталенная Л.С. Сепаратизм с точки зрения теории систем. *East European Scientific Journal. Filozofia, Etyka I Religioznawstwo*, Warszawa, 2016, N 8, сс. 73-78. [Stalennaya L.S. Separatizm s tochki zreniya teorii system [Separatism from the system theory point of view]. *East*

European Scientific Journal. Filozofia, Etyka I Religioznawstwo, Warszawa, 2016, N 8, pp. 73-78. (In Russ.).

5. Булумбаев О.Р. Проблема эффективного противодействия сепаратизму в современных условиях: методы и мировой опыт. *Вестник КарГУ. История. Философия*. Караганда, 2015, № 2 (78), сс. 30-37. [Bulumbaev O.R. Problema effektivnogo protivodeistviya separatizmu v sovremennykh usloviyakh: metody i mirovoi opyt [The problem of effective counteraction to separatism in contemporary conditions: methods and world experience]. *Vestnik KarGU. Istoriya. Filosofiya* [Bulletin of KarGU. History. Philosophy]. Karaganda, 2015, N 2 (78), pp. 30-37. (In Russ.).

6. Easton D. Introduction: the current meaning of behavioralism. *Limits of Behavioralism in Political Science*. Ed. by J.C. Chatsworth. Philadelphia, 1962, pp. 1-25.

7. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. М., РАГС, 2005, 352 с. [Lassuell G.D. Psikhopatologiya i politika [Psychopathology and politics]. Moscow, RAGS, 2005, 352 p. (In Russ.).

8. Гусов К.В. Проблемы концептуализации понятия «сепаратизм» в отечественной политологии. *Вестник ПАГС*. Саратов, 2012, № 1 (30), сс. 86-92 [Gusov K.V. Problemy kontseptualizatsii ponyatiya «separatizm» v otechestvennoi politologii [The problems of conceptualization of separatism notion in the home political studies]. *Vestnik PAGS*. Saratov, 2012, N 1 (30), pp. 86-92. (In Russ.).

9. Домарева М. А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации. Дисс. канд. полит. наук. Москва, 2004, 163 с. [Domareva M. A. Separatizm v postsovetskoi Rossii: faktory vzniknoveniya, funktsionirovaniya i neutralizatsii [Separatism in post-Soviet Russia: factors in the emergence, functioning and neutralization]. Diss. kand. polit. nauk. Moscow, 2004, 163 p. (In Russ.).

10. Крылов А.В. Сепаратизм: истоки и тенденции развития. М., Знание. 1990, 64 с. [Krylov A.V. Separatizm: istoki i tendentsii razvitiya [Separatism: origins and development trends]. Moscow, Znanie. 1990, 64 p. (In Russ.).

11. Яшлавский А.Э. Сепаратизм. *Федерализм: Энциклопедия*. Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., МГУ, 2000, сс. 472–475 [Yashlavskii A.E. Separatizm [Separatism]. *Federalizm: Entsiklopediya*. Отв. red. K.S. Gadzhiev. Moscow, MGU, 2000. p. 472–475. (In Russ.).

12. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М., Новый хронограф, 2012, 627 с. [Popov F.A. Geografiya setsessionizma v sovremennom mire [Geography of secessionism in modern world]. Moscow, Novyi khronograf, 2012, 627 p. (In Russ.).

13. Фролова Ю.Н. Проблемы суверенитета и национального самоопределения в Испании в условиях глобализации. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Спб, 2018, 24 с. [Frolova Yu. N. Problemy suvereniteta i natsional'nogo samoopredeleniya v Ispanii v usloviyakh globalizatsii [Problems of sovereignty and self-determination in Spain in terms of globalization]. Avtoref. diss. kand. polit. nauk. Spb, 2018, 24 p. (In Russ.).

14. Баранов А.В. Сепаратизм в современной Каталонии: ресурсы, акторы и политические стратегии. *Актуальные проблемы Европы: Сб. научных трудов*. Москва, 2014, № 2, сс. 95-113. [Baranov A.V. Separatizm v sovremennoi Katalonii: resursy, aktory i politicheskie strategii [Separatism in modern Catalonia: resources, actors, political strategies]. *Aktual'nye problemy Evropy [Urgent issues of Europe]*. Moscow, 2014, N 2, pp. 95-113. (In Russ.).

15. Un ayuntamiento separatista ensena a los jóvenes a insultar en perfecto catalán. Available at: <https://www.libertaddigital.com/espana/politica/2020-12-01/un-ayuntamiento-separatista-ensena-a-los-jovenes-a-insultar-en-perfecto-catalan-6685759/> (accessed 23.01.2021).

16. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. *Социологические исследования*. Москва, 2008, № 5, сс. 37-46. [Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyi ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya [Youth extremism: the essence and peculiarities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological researches]*. Moscow, 2008, N 5, pp. 37-46. (In Russ.).

17. Зубок Ю.А. Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма. *Знание. Понимание. Умение*. Москва, 2015, № 4, сс. 63-77. [Zubok Yu.A. Doverie v samoregulyatsii molodezhnogo ekstremizma [Trust in self-regulation of youth extremism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Competence]*. Moscow, 2015, N 4, pp. 63-77. (In Russ.).

18. Verba S., Nie N. Participation in America: Social Equality and political democracy. New York, Harper and Row, 1972, 453 p.

19. Marsh A. Political Action in Europe and the USA. London, Palgrave Macmillan UK, 1990. 199 p.

20. Fabian Lauterbach & Catherine E. De Vries. Europe belongs to the young? Generational differences in public opinion towards the European Union during the Eurozone crisis. *Journal of European Public Policy*. 2020, pp. 168-187.
21. Weiss J. What Is Youth Political Participation? Literature Review on Youth Political Participation and Political Attitudes. *Frontiers in Political Science*. 2020, pp.1-13.
22. Magdalena Kitanova. Youth political participation in the EU: evidence from a cross-national analysis. *Journal of Youth Studies*. 2020, pp. 819-836.
23. Ross A. Young Europeans: a new political generation? *Societies*. 2018. Available at: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/3/70> (accessed: 03.02.2021).
24. Quintelier E. Differences in political participation between young and old people. *Contemporary Politics*. 2007, N13, pp. 165–180.
25. Eurobarometer. European Youth: Participation in Democratic Life. 2013, No. 375. Available at: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/flash/fl_375_en.pdf (accessed 25.01.2021).
26. Slaven James. The Falange Espanola: a Spanish Paradox. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2018, vol. 211, pp.235-242.
27. Ачага Б. Сын аккордеониста. Спб, Азбука-классика, 2006, 512 с. [Achaga B. Syn akkordeonista [Son of the accordion player]. Spb, Azbuka-klassika, 2006, 512 p. (In Russ.).
28. Radiografia del etarra. Available at: <http://www1.udel.edu/leipzig/texts3/elb29097.htm> (accessed: 10.01.2021).
29. Young People’s Critical Politicization in Spain in the Great Recession: A Generational Reconfiguration? *Societies*. 2018. Available at: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/3/89> (accessed: 03.02.2021).
30. PP y PSOE pierden la mitad de su electorado joven desde el inicio de la crisis. Available at: <https://metroscopia.org/la-mitad-de-los-jovenes-abandono-a-pp-y-psoe/> (accessed: 15.01.2021).
31. Los catalanes menores de 35 años son más independentistas que sus mayores. Available at: https://www.huffingtonpost.es/2017/09/12/los-catalanes-menores-de-35-anos-son-mas-independentistas-que-sus-mayores_a_23205466/ (accessed: 16.01.2021).
32. Barometre d’Opinio Política. 3ª onada 2017. Centre d’Estudis d’Opinio. Available at: <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/6408/Taules%20estad%C3%ADstiques%20-863.pdf> (accessed: 16.01.2021).
33. Inmigrantes y jóvenes impulsan el movimiento independista catalán. Available at: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2012/11/24/economia/1353896614_850215.html (accessed: 23.01.2021).
34. Evolución de la población de 15 a 29 años en la C.A. de Euskadi por sexo, según grupos de edad. Estadística. Gobierno Vasco. Available at: <https://www.euskadi.eus/gobierno-vasco/-/evolucion-poblacion-15-29-anos-c-euskadi-sexo-grupos-edad/> (accessed: 23.01.2021).
35. Población a 1 de enero. Por sexo y grupos de edad. Instituto de Estadística de Catalunya. Generalitat de Catalunya. Available at: <https://www.ides-cat.cat/pub/?id=acc&n=253&lang=es&t=2001> (accessed: 15.02.2021).
36. Juventud en cifras. 2011. Instituto de la Juventud. Available at: <http://www.injuve.es/sites/default/files/JCifras-1Poblacion-Ene2011.pdf> (accessed: 23.01.2021).
37. Juventud en cifras. 2017. Instituto de la Juventud. Available at: http://www.injuve.es/sites/default/files/adjuntos/2019/06/jcifras2017-poblacion_accesible.pdf (accessed: 23.01.2021).
38. Conocimiento y discursos de la población universitaria sobre terrorismo y vulneraciones de derechos humanos en Euskadi. Instituto de Derechos Humanos Pedro Arrupe, Deusto. Available at: https://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/documentos_paz_convivencia/es_def/adjuntos/6-Informe-universidad.pdf (accessed: 23.01.2021).
39. Analisis de datos estadísticos relativos a la juventud de la CAPV. Año 2017. Observatorio Vasco de la Juventud. Available at: https://www.gazteaukera.euskadi.eus/contenidos/informacion/ovj_estadisticas_2017/es_6778/adjuntos/berriak_2017_c.pdf (accessed: 23.01.2021).
40. Euskobarometro. Estudio periódico de la opinión pública vasca. Octubre 2018. Available at: <https://www.ehu.es/documents/1457190/1513140/series+gráficos.pdf/4dd39a47-7505-27ceb2a-522861e6c0a8?t=1545304376000> (accessed: 04.02.2021).
41. Los españoles y las víctimas del terrorismo. 1ª encuesta nacional “Percepción ciudadana sobre las víctimas del terrorismo en España”. 2004. Centro de Investigaciones Sociológicas.

Юлия Фролова

Available at: <https://www.ehu.es/documents/1457190/1547454/primer+estudio+victimas.pdf/4007c7e1-0b52-4aa4-a47c-1e312cdb7334?t=1386760511000> (accessed: 04.02.2021).

42. Retratos de Juventud 22. Observatorio Vasco de la Juventud. Available at: https://www.gazteukera.euskadi.eus/contenidos/informacion/estadistikak_2019/es_6778/adjuntos/gazteen_argazkiak_22_c.pdf (accessed: 04.02.2021).

43. Informe de Resultados. Jóvenes, Participación y Cultura política. 2017. Available at: http://www.injuve.es/sites/default/files/2018/27/publicaciones/sondeo_2017-1_informe.pdf (accessed: 06.02.2021).

44. Webster, S.W., Pierce, A.W. Older, Younger, or More Similar? The Use of Age as a Voting Heuristic. *Social Science Quarterly*, 2019, 100(3), pp. 635-652.

45. Millennials: Confident. Connected. Open to Change. 2011. Pew Research Center. Available at: <http://pewsocialtrends.org/files/2010/10/millennials-confident-connected-open-to-change.pdf> (accessed: 06.02.2021).

46. McPherson, Miller, Lynn Smith-Lovin, and James M. Cook. 2001. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*, 2001, 27, pp. 415-444.

Yulia N.Frolova (frolovayuliya@yahoo.com)

Candidate of Sciences in Politics, assistant of Political Science Department, Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia.

Nab. Reki Moika, 48, 191186 Saint-Petersburg, Russian Federation

Youth factor in the separatism development in Spain. The case of Catalonia and Basque Country

Abstract. The article is dedicated to the issue of young people role in separatism in Spain. The phenomenon of separatism is considered as a system where young people can be both a part of the system and an external factor. An attempt is made to trace the evolution of the youth involvement in separatist movements, as well as to identify the main current trends in the attitude of young people to the ideas of nationalism, specifically in the autonomous communities of Catalonia and the Basque Country. The article investigates the results of European empirical studies on the problem of young people political participation both in Spain and in other EU countries, as well as a number of sociological studies on the attitude of the youth to the issues of separatism, nationalism and radicalism. As a result, a number of conclusions are made that indicate the existence of multidirectional trends among modern young Spaniards on issues of separatism, some of these trends are features of the current situation and were not typical for Spanish society earlier.

Key words: separatism, autonomism, youth, Basque Country, Catalonia, Spain.

DOI: 10.31857/S0044748X0015380-7

Received 20.03.2021.

А.А.Турыгин

Венесуэла в фокусе пангерманизма

**К вопросу о понимании венесуэльского кризиса
(1902—1903 гг.) в немецком обществе**

В статье речь идет о формировании немецкой колониальной идеологии в Южной Америке. Рассматриваются «открытие» Венесуэлы немецким обществом в конце XIX — начале XX в., а также противоречивая политика утверждения Германской империи по ту сторону Атлантики. Участие Германии в венесуэльском кризисе (1902—1903 гг.) демонстрирует раскол между правительством и националистически настроенной частью общества, манипуляция сознанием которого становится средством неполитического воздействия для Пангерманского союза. Венесуэльский кризис как один из локальных дипломатических кризисов, возникших накануне Первой мировой войны, свидетельствует о заинтересованности правительства Германии в получении нового статуса «мировой державы», хотя за формирование имперской идентичности берутся немецкие националисты. Поскольку между официальным Берлином и общественностью нет единства в понимании сущности колониализма, возникает парадокс, который стал предметом научного изучения сравнительно недавно. На примере Венесуэльского кризиса анализируется один из классических тезисов теории империализма, гласящий, что за экономической экспансией следуют территориальные претензии.

Ключевые слова: Венесуэла, Пангерманский союз, венесуэльский кризис, колониализм, военно-морская блокада.

DOI: 10.31857/S0044748X0014113-3

Статья поступила в редакцию 09.01.2021.

В декабре 1902 г. под влиянием венесуэльского кризиса главный редактор *Alldeutsche Blätter* Пауль Самасса (1868—1941 гг.) опубликовал на страницах подведомственного ему издания статью «О действиях Германской империи против Венесуэлы» [1, ss. 150-152]. Статья отражала общее пангерманское видение ситуации, вызванной совместной морской блока-

---

Александр Александрович Турыгин — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (РФ, 156005 ЦФО, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>, aturigin@mail.ru).

дой южноамериканского государства Великобританией, Италией и Германией. Кризис, реакцией на который стала статья П. Самассы, был связан с отказом президента Венесуэлы Сиприано Кастро (1899—1908 гг.) компенсировать европейцам убытки, понесенные ими в недавней гражданской войне, разразившейся в Венесуэле. В чем заключались интересы Германии, которые, по мнению Самассы, южноамериканское «разбойничье» государство нарушало без «всякого стеснения»? [1, s. 151] Как пангерманцы предлагали «привести в чувство» [1, s. 151] президента С. Кастро и что означало «довести до конца» [1, s. 152] интересы рейха в Венесуэле — вопросы, ответы на которые позволяют оценить латиноамериканский вектор немецкой политики и представления о месте Германии в мире тех, кто в определенной степени формировал общественное мнение в стране накануне Первой мировой войны.

Пангерманский союз (*Alldeutscher Verband*), возникший в результате широкомасштабного колониального движения 80-х годов XIX в., в качестве одной из важнейших задач провозгласил «защиту немецких интересов по всему миру», а также «достижение практических целей немецкого колониализма» [2, s. 242]. Не являясь политической партией, *Alldeutscher Verband* быстро стал массовой организацией, численность которой к 1900 г. достигла 21 тыс. человек [3, s. 173]. Пестрый состав участников отражал общие намерения той заинтересованной части немецкого общества, которая требовала от правительства рейха проведения политики активного колониализма, способного обеспечить Германии «место под солнцем» [4, s. 7]. В то же время в руководящий состав организации вошли представители крупного бизнеса и банкиры, рассматривавшие *Alldeutscher Verband* как средство неполитического давления на правительство, необходимое для обеспечения собственных экономических интересов (*Bayer, Hoechst, Ludwigshafen, Friedrich Krupp AG, Norddeutsche Bank*) [5, s. 25]. За счет крупных субсидий и членских взносов *Alldeutscher Verband* очень быстро стал оказывать большое влияние на систему массовых коммуникаций. Имея широкую сеть филиалов в стране и за ее пределами, а также используя авторитетные медиаресурсы, в частности, газеты и издания, выходявшие массовым тиражом (*Rheinisch-Westfälischen Zeitung, Alldeutsche Blätter*, мюнхенское издательство *J.F. Lehmanns Verlag*), пангерманцы довольно смело критиковали не только правительство, но и самого кайзера. Предметом критики часто становились всевозможные дипломатические акции, предпринимаемые, скорее, в политических интересах рейха, чем в экономических. Сам *Alldeutscher Verband* возник на волне общественной критики англо-германского соглашения «Гельголанд-Занзибар» в 1890 г. [6, s. 194].

Для понимания сути критики пангерманцами правительства рейха важно определить мотивы и интересы германской политики в Южной Америке, которые, если принять во внимание публичное заявление министра внутренних дел Фридриха Эйленбурга, не являлись первостепенными и далеко идущими. Выступая перед сенаторами Гамбурга в 1875 г., Ф. Эйленбург предостерег от эмиграции в Венесуэлу, где особенности социальных, политических и климатических условий минимизируют любой шанс на успех. Как министр он заявил, что Пруссия уже запретила все пуб-

ликации, рекламирующие эмиграцию в Венесуэлу. Тому же совету он предложил последовать официальным властям Гамбурга [7, p. 187].

Отношения между Венесуэлой и Германией имели давнюю традицию, восходящую к встрече двух знаковых фигур Симона Боливара (1783—1830 гг.) и Александра фон Гумбольдта (1769—1859 гг.) в начале XIX в. [8, 9] После объединения Германии в Венесуэле было открыто официальное консульство рейха (1871 г.). С этого времени начинаются дипломатические отношения, развитие которых рассматривалось Берлином, как минимум, двояко: с одной стороны, существовала точка зрения канцлера Отто фон Бисмарка (1871—1890 гг.), который считал нужным воздерживаться от политики активного колониализма [10, с. 533] и выступал против распространения германского влияния по другую сторону Атлантики [11, s. 790]. Другой взгляд на германо-венесуэльские отношения был у кайзера Вильгельма II (1888—1918 гг.), вынашивавшего планы об экспансии рейха в Южной Америке [12, s. 86]. Кайзер намеревался использовать венесуэльский конфликт для проверки мощности собственных кораблей, в строительство которых было вложено немало средств. В соответствии с первыми двумя флотскими законами от 1898 и 1900 гг. численность германского флота увеличивалась в два раза — до 38 линкоров в составе четырех боевых эскадрилий. После отставки «железного канцлера» возобладала точка зрения кайзера, а сам О.фон Бисмарк уже к концу своего правления частично отказался от прежних осторожных взглядов в отношении американского экспансионизма, назвав доктрину Монро «наглой догмой» и «самонадеянной идеей» [13, s. 595].

Взгляды О.фон Бисмарка могли измениться под влиянием как растущей эмиграции немцев в Южную Америку (к 1890 г. эмиграция на континент составляла до 30% от общей эмиграции рейха [14, s. 262]), так и увеличивавшегося товарооборота со странами континента (в начале XX в. доходы от торговли с южноамериканскими государствами выросли: 656,2 млн марок — с Аргентиной, 430,5 млн марок — с Бразилией, 256,7 млн марок — с Чили, 70 млн марок — с Уругваем и т.д.) [7, p. 20]. Венесуэла занимала десятое место в рейтинге доходов от товарооборота. Хотя торговля кофе — основной продукт экспорта — приносила большой доход ганзейским городам, экономические отношения отягощало отсутствие официального договора между странами, подобно договорам, заключенным с Аргентиной (1857 г.), Парагваем (1859 г.), Чили (1862 г.), Бразилией (1882 г.). Подписание существовавшего с 1858 г. проекта такого договора постоянно откладывалось из-за настойчивого требования Венесуэлы включить в него пункт о том, что в случае убытков торговых компаний, вызванных последствиями бунтов и волнений, иностранные предприниматели должны были подавать иски в суды Венесуэлы, которые рассматривались бы в соответствии с нормами венесуэльского права. До заключения официального договора (1909 г.) каждая из стран обязывалась уважать взаимные торговые интересы.

Отсутствие договора не мешало эмиграции немцев в Венесуэлу, приобретению собственности и коммерческим инициативам, предпринимаемым, однако, на страх и риск самих немцев. По донесениям, подготовленным по запросу государственного секретаря военно-морского ведомства Альфреда Тирпица в 1897 г., немецкий оборотный капитал в Венесуэле составлял от

50 до 60 млн марок, земельные владения, находящиеся в собственности у немцев, оценивались от 10 до 12 млн марок [7, p. 28]. Немцы продолжали активно осваивать Венесуэлу, расширив свой бизнес в андских штатах страны до границ с Колумбией, отправляя в эти регионы нанятых служащих для изучения местных торговых практик; Сиприано Кастро был одним из таких наемников, находясь на службе в одной из крупнейших кофейных компаний в Маракайбо *Breuer, Moller & Co*, созданной двумя немецкими консулами в Венесуэле — Генрихом Бройером и Эмилем Минлосом [15, p. 4].

Центром немецкой культуры и хозяйства в Венесуэле стало небольшое поселение, основанное на севере страны еще в 1843 г. неподалеку от города Маракай — «Колония Товар». Условия для переезда были наилучшими ввиду действия закона об эмиграции и учреждения правительством Венесуэлы специального фонда, поощрявшего приток в страну специалистов из Европы. Немецкие колонисты, с одной стороны, имели хорошую репутацию, которую они приобрели в Бразилии, и, с другой, — Германия середины XIX в. не вела активной колониальной политики, что позволяло не опасаться ее вмешательства во внутренние дела Венесуэлы. По разным сведениям, в первой четверти XX в. на территории этой страны проживали чуть менее 1000 немцев [16, s. 768]. Такие немцы, живущие за границей, к концу XIX в. стали предметом политических споров всевозможных ассоциаций и союзов с правительством рейха, от которого требовали активного колониализма. Немецкие поселенцы превозносились как «миссионеры, обеспечивающие коммерческую ориентацию в сторону рейха», как «проводники» немецкой культуры и образования, а также «пионеры Великой Германии» [17, s. 13]. Подобная риторика превращала эмигрантов в инструмент политической борьбы в самой Германии («защита немецких интересов за океаном») [2, s. 21].

Амбиции немецких экспансионистов усиливались расистскими доводами Вильгельма Сиверса — профессора из университета Гисена. Побывав в Венесуэле, он заметил, что страна находится в состоянии упадка, несмотря на ее «дремлющее богатство». Первопричину он увидел «в преобладании романского элемента в этой части мира» и бездействии «бессмысленного смешения рас». В.Сиверс провел параллель между упадком «романского элемента» в Европе и Венесуэле, заключив, что будущее развитие этой южноамериканской страны могло быть связано с новым для нее «германским элементом». Южная Америка, как он утверждал, «является единственной частью мира, будущее которой еще не решено». Три мировые империи (Великобритания, Россия и Соединенные Штаты), будут соперничать за господство на этом континенте. Но поскольку Соединенные Штаты исторически стали «естественным врагом» Южной Америки (доктрина Монро), а Россия, скорее всего, будет стремиться «развязать руки» в Азии, В.Сиверс предсказал, что борьбу за контроль над бывшими владениями Испании в Новом Свете будут вести Германия и Великобритания [7, p. 48].

Интерес Германии к южноамериканским странам, в том числе к Венесуэле, был связан с промышленным подъемом 90-х годов XIX в. [18, ss. 610-612], которому во многом способствовали присоединение к Германии Эльзаса и Лотарингии с богатейшими запасами железной руды, промышленное освоение Рейнско-Вестфальского региона и французская пя-

тимиллиардная контрибуция, выплаченная рейху по итогам франко-прусской войны. Предложение внутреннему рынку очень скоро превысило спрос, приведя к экономической депрессии, что заставило предпринимателей искать новые возможности сбыта за пределами рейха [18, ss. 570-575]. Немецкие инвестиции нашли применение в строительстве Великой венесуэльской железной дороги (1888—1894 гг.) — проект, полностью финансируемый немецким капиталом банков *Disconto-Gesellschaft* (Берлин) и *Norddeutsche Bank* (Гамбург), в отличие от Берлино-Багдадской железной дороги, построенной с участием французского капитала. Контракт с правительством Венесуэлы заключил концерн *Friedrich Krupp AG* (12800 фунтов стерлингов за каждый километр 179-километровой железной дороги от Каракаса до Валенсии [19]). Отношения с концерном *Krupp* у венесуэльского правительства развивались не только в сфере торговли и промышленности. О том, что официальные власти страны предпочитали новые виды оружия, производимые Крупном, нежели то, что предлагала венесуэльскому рынку Великобритания, — ветхие, частично вышедшие из строя морские суда — упоминает исследователь Алексис Паленсия Эрнандес. Рассматривая модернизацию армии и военные реформы эпохи Кастро, он отмечает факт приобретения Венесуэлой новейших артиллерийских орудий и трех пароходов, контракты о поставках которых были заключены в Берлине в 1894—1896 гг. [20, p. 480].

Принимая во внимание экономическую значимость для рейха южноамериканских рынков, «дремлющее богатство» Венесуэлы, доходы от экспорта, поиск компромисса при заключении торгового договора, который был подписан в 1909 г., долгосрочные вложения, например, в строительство железной дороги и присутствие в стране немецких поселенцев, определенный скепсис вызывает один из центральных тезисов авторов классических трудов по империализму о том, что вслед за экономической экспансией следовали территориальные претензии [21, с. 17]. Мнение о том, что за торговлей стояли намерения европейских держав закрепиться в Карибском бассейне, в непосредственной близости от Панамского канала, характерно и для венесуэльской историографии [22, p. 25]. Мануэль Родригес Кампос прямо указывает на то, что агрессия 1902 г. против Венесуэлы была следствием развития мировой империалистической политики и межимпериалистической борьбы, возникшей в результате разграничения сфер влияния и захвата рынка [23, p. 267].

Были ли у Германии экспансионистские планы в отношении Венесуэлы, такие же, как в Восточной Африке или Китае? В исследовании Нэнси Митчелл из университета Северной Каролины ставятся под сомнение более ранние интерпретации. В частности, Н.Митчелл оспаривает точку зрения, выраженную А.Фагтом, Р.Фибиг фон Хазе, Ф.Катцем, что политика Германии в Южной Америке преследовала экспансионистские цели [24, 25, 26]. Она утверждает, что германская угроза была всего лишь призраком, созданным массовыми изданиями, чтобы инициировать (в Германии) и легитимировать (в США) экспансионизм. С точки зрения Митчелл, Германия на самом деле не представляла угрозы для Латинской Америки, поскольку у рейха просто не было средств для осуществления экспансионистского проекта в этой части мира, а эмоциональный кайзер под влиянием пангер-

манской пропаганды неверно оценил реальную политику [27, p. 220]. Немецкая пресса также переоценила увеличение американского военно-морского флота и рост влияния США после войны с Испанией в 1898 г., раздувая страхи о том, что Штаты не удовлетворятся только экономической экспансией.

Отсутствие у рейха необходимых средств, удерживающее его от прямых территориальных претензий к Венесуэле, кажется вполне убедительным также с точки зрения крайней политической нестабильности региона, что могло дополнительно финансово обременить Германию. За время правления Антонио Гусмана Бланко (1870—1877 гг., 1879—1884 гг., 1886—1887 гг.) и Сиприано Кастро Венесуэла — в период с 1859 по 1901 г. — 22 раза подвергалась вторжению со стороны Колумбии. Эти войны опустошили казну, а частота их повторений лишала инвесторов возможности воспользоваться «дремлющим богатством» страны. Однако попытки проникновения на венесуэльский рынок со стороны европейских держав не прекращались; инвесторы выигрывали концессии на добычу полезных ископаемых, заключали контракты на строительство железных дорог и телеграфных сетей [28].

Так или иначе, но политическое решение вопроса об отношениях Германии и Венесуэлы, по крайней мере, для рейха, оказалось крайне противоречивым: государственный интерес к стабильным экономическим отношениям с Венесуэлой расходился с риторикой немецких колониальных обществ, требовавших активного колониализма, определенной уступкой которым стало участие Германии в международной блокаде 1902—1903 гг.

В самом начале XX в. один из лидеров *Alldeutscher Verband*, объединившего немецкие общества активной колонизации, Генрих Класс мечтал о Южной Америке как о будущей «Новой Германии», которая должна была стать «дочерней территорией» рейха [29, ss. 7-8]. Пангерманский редактор влиятельной *Rheinisch-Westfälische Zeitung* Вильгельм Винтцер настойчиво требовал «постоянной оккупации венесуэльской гавани Германией», полагая, что это не только «неизбежно», но и необходимо, так как США очень скоро смогут перехватить инициативу. Он указал на будущее столкновение в Южной Америке европейцев и североамериканцев. В то время как Мексика и Центральная Америка перейдут к Соединенным Штатам, как только будет достроен канал, оставшиеся владения «испанской расы» в Америке достанутся более сильному претенденту. Следовательно, немецкая оккупация венесуэльского порта была лишь первым шагом в политическом демонтаже. После этого «глобальная миссия германской расы» будет заключаться в том, чтобы взять под свой контроль всю Венесуэлу, а также Колумбию, Боливию и Перу: «Здесь германское дерево пустит корни, раскинет свои ветви и принесет плоды, которые пойдут на пользу человечеству и его культуре на многие века» [30, ss. 53, 77].

Завораживающая риторика пангерманизма о будущем величии рейха на южноамериканском континенте и формируемое ею общественное мнение сильно осложняли реальную политику, приводя к политическим конфликтам с правительством. Кайзер и его министры были вынуждены считаться с пангерманцами, за которыми стоял крупный финансовый и промышленный капитал. Сотрудничество между правительством и *Alldeutscher*

Verband укрепляло авторитет последнего, однако не шло на пользу правительству. В Совете по делам колоний, где присутствовали пангерманцы, часто возникали конфликты. Когда, например, все его члены, голосовали за реальные экономические интересы, пангерманское лобби требовало активного колониализма, что отвечало общим стратегическим соображениям о высоком статусе Германии в мире, но не отражало реального тактического видения ситуации [31, p. 58].

Средством прямого воздействия на общественность и участия пангерманцев в венесуэльском вопросе были многочисленные общества, через которые собирались деньги, например, от заинтересованных в государственной защите внешней торговли ганзейских банкиров и предпринимателей — Иоганна Ноймана, Эмиля Посселя, Юстуса Германа Штрандеса, Отто Генриха Ханзинга, Эдуарда Лоренц-Майера и др. *Alldeutscher Verband* взял на себя поддержку Общества германской колонизации (*Gesellschaft für Deutsche Kolonisation*), Мюнхенского общества защиты немецких интересов за границей (*Münchener Verein zum Schutz deutscher Interessen im Ausland*), Южноамериканского общества колонизации (*Südamerikanische Gesellschaft für Kolonialisierung*), Общегерманского языкового союза (*Allgemeiner Deutscher Sprachverein*). Часто членами таких обществ являлись государственные служащие и другие официальные лица, которые также вносили свой вклад в продвижение немецких заграничных устремлений. Так, например, Германское военно-морское общество (*Deutscher Flottenverein*), основанное в 1898 г. в Берлине для поддержки государственной программы по строительству флота, стремилось организовать свои заграничные филиалы, в том числе в Маракайбо и Пуэрто-Кабельо, для агитации во имя морской экспансии. Даже Генеральный штаб армии время от времени подпитывал американские подозрения относительно немецких планов в Южной Америке, направляя туда своих агентов с целью изучения «береговой обороны» и оценки того, какое сопротивление может оказать, например, Венесуэла в случае высадки военноморского десанта [7, p. 169]. На деньги, собранные филиалом *Südamerikanische Gesellschaft für Kolonialisierung* в Лейпциге, которым руководил один из лидеров пангерманцев Эрнст Хассе, было построено два парохода — *Leipzig* и *German*, приобретались земли, усадьбы, ремесленные картели. Хассе надеялся, что «более сильные» германские народы в скором времени заменят «более слабых» испанцев, а пока нужно покупать большие поместья для увеличения немецких поселений, которые должны быть созданы как «будущие колониальные центры для несмешанного немецкого населения», на которых можно будет основать «Новую Германию» [32, s. 67].

К началу XX в. пангерманцы намеренно стремились ускорить колониальное проникновение в Венесуэлу. Манипулируя общественным мнением, они создали «образ врага», который попытается помешать рейху позаботиться о немецких поселенцах в конкурентной борьбе за новую колонию. Таким «врагом» для них стали Соединенные Штаты Америки. Внедряя в сознание немцев идею угрозы со стороны США, пангерманцы искали повод оказать давление на правительство. Сами немцы, разумеется, представлялись пангерманской пропагандой как миссионеры и защитники европейских поселенцев от естественной угрозы со стороны США.

«Немцы, — отмечал Йоханнес Унольд, — отличаются своим трудом и способностью быть учителями, равно как интеллектуальными, экономическими и политическими лидерами этих народов [испанских и португальских американцев]. Если они не справятся со своей миссией, то рано или поздно эти страны падут в результате политического или финансового банкротства под господством и эксплуатацией Соединенных Штатов» [33, ss. 62, 65]. Йозеф Людвиг Раймер убеждал немцев в том, что их спасительная миссия необходима и ожидаема, что военную и экономическую помощь рейха не только примут, но примут с благодарностью, увидев в ней действенное подкрепление силы против своего естественного врага — Соединенных Штатов Севера, врага, который потребует не только коммерческих, но и территориальных уступок, вплоть до отказа от своего гражданства [34, s. 93].

К началу XX в. пангерманцы добились некоторых успехов в деле защиты немецких интересов в Южной Америке, оказав давление на правительство рейха. В 1896 г. был отменен знаменитый «Рескрипт Хайдта», запрещавший немецкую эмиграцию в Бразилию. Внучатый племянник прусского министра Августа фон дер Хайдта, представитель династии банкиров из Эльберфельда и председатель *Alldeutscher Verband* в 1891—1893 гг. Карл фон дер Хайдт организовал широкую общественную кампанию по поддержке немецкой эмиграции в создании «Великой Германии», направив депутатам рейхстага петицию о связи экономических задач правительства с расселением немцев за пределами страны [35, ss. 254—256]. Пангерманец Оскар Канштат восторженно заметил, что отмена рескрипта стала важным шагом на пути увеличения немецкого присутствия в Южной Америке [36, s. 64].

Отмена рескрипта открывала путь к пересмотру закона о гражданстве, который был особенно актуален для немецких поселенцев в Венесуэле ввиду отсутствия к началу века официального договора между странами. До принятия такого закона в Германии (1913 г.) гражданский статус определялся общими принципами Северогерманского Союза (1870 г.) по факту рождения или натурализации, а также законами об «охраняемых территориях» (колонии) 1886 и 1900 гг. В соответствии с ними немецкие поселенцы, прибывшие на заморские территории, должны были зарегистрироваться в действующих немецких консульствах, подтвердить свой статус и встать на воинский учет (для потенциальной защиты немецких интересов). Если такого обращения не было в течение пяти лет после прибытия, статус немецкое гражданство утрачивалось.

Пангерманцы, убежденные в том, что через гражданство устанавливалась общая связь всех немцев со своим отечеством, выступили за отмену таких ограничений, настаивая на автоматическом распространении гражданства еще и на детей поселенцев, рожденных вне Германии. Однако в этом вопросе они натолкнулись на противодействие министерства иностранных дел рейха, которое опасалось, что вслед за инициативами пангерманцев последуют требования активной защиты интересов граждан, что, применительно к Южной Америке, «осложнит отношения Германии с Соединенными Штатами» [7, p. 186]. Ситуация разрешилась не в пользу пангерманцев, когда венесуэльское правительство приняло свой закон о гражданстве (1903 г.), запрещавший иностранцам занимать государственные должности, но автоматически предоставлявший венесуэльское граждан-

ство подданным других стран после двух лет проживания в стране. Этот закон сильно осложнил распространение идей «германства», так как немецкие поселенцы быстро ассимилировались, заключали браки с местным населением, гордились своими новыми землями, оказывались потерянными для родины и становились для бывших соотечественников «телом без головы» [7, p. 186].

Неоднозначный успех имела и пангерманская кампания по военному вторжению в Венесуэлу. Как и следовало ожидать, пангерманцы с самого начала приветствовали силовые действия против Венесуэлы, опасаясь только соперничества британцев. По этому случаю в декабре 1902 г. П. Самасса заметил: «Мы всегда придерживались той точки зрения, что ничто не препятствует случайному сотрудничеству с Англией, и, если наша дипломатия грамотно выберет такой случай... мы сможем сделать его довольно успешным. Однако нам ясно, что Англия рассматривает нас как опасного соперника в конкуренции за статус мировой державы, хотя мы пока лишь изредка произносили об этом тосты... Тем не менее мы все же видим пользу от совместного похода: во-первых, это произведет большое впечатление на венесуэльцев и быстрее заставит их уступить, во-вторых, снизит опасность ненужной суеты со стороны Соединенных Штатов, в-третьих, это важно для нашего престижа как в мире, так и в Венесуэле... К сожалению, в настоящий момент все складывается не лучшим для нас образом. Англия посылает эскадру крейсеров сильнее нашей более чем в два раза, ее главнокомандующий старше и опытнее немецкого. Вряд ли это делается лишь для того, чтобы привлечь наше внимание к тому, что наш международный флот срочно нуждается в увеличении. Более вероятно, что венесуэльцам будет продемонстрирована разница между английской и немецкой военно-морской мощью, что Германская империя находится лишь в тени Англии» [1, ss. 150-151].

Осторожность, которую рейхсканцлер Бернгард фон Бюлова (1900—1909 гг.), проявлял в отношении венесуэльского конфликта, его стойкие убеждения в том, что необходимо согласовывать действия рейха с Великобританией и сохранить отношения с США, очень скоро разочаровали пангерманцев. Б. фон Бюлов, скорее всего, припомнил слова вице-адмирала Тирпица, произнесенные накануне венесуэльского кризиса, что «если дело дойдет до вооруженного столкновения, доктрина Монро может возбудить страсти в Америке, и в этом случае англичане, вероятно, бросят нас на произвол судьбы» [37, с. 170]. На страницах *Alldeutsche Blätter* Э. Хассе осудил нерешительность Бюлова, обвинив его в том, что он фактически согласился с американской доктриной Монро, которая уже была «покорно принята Британией» [38, s. 1].

В конце XIX — начале XX вв. произошло своеобразное «открытие» Венесуэлы немецким обществом. Это стало возможным благодаря активизации германских, преимущественно ганзейских коммерсантов, которые еще в середине XIX в. превратили Венесуэлу в своеобразную «гамбургскую колонию» [39, p. 413], а также ввиду усилившихся колониальных амбиций части немецкого общества. Благодаря деятельности многочисленных колониальных объединений, главным и самым массовым из которых был *Alldeutscher Verband*, в политический лексикон были введены такие понятия, как «Великая Германия», «жизненное пространство», «немецкие инте-

рессы за пределами рейха», «борьба за место под солнцем» и др. Для самих пангерманцев колониальной риторики оказалось недостаточно, необходимостью стала разработка практических программных шагов по трансформации объединенной Германии в империю и обеспечение имперской идентичности рейха. Такие шаги, предпринимаемые за счет внутренних ресурсов и возможностей союза (занимаемые государственные должности, членство в политических партиях, частное финансирование, влияние через средства массовой информации), выстроились в нескольких направлениях: непризнание и противодействие американской доктрине Монро, приобретение имущества в Южной Америке, поддержка немецкой эмиграции. Венесуэла стала одной из стран, которая ввиду собственной политической нестабильности и присутствия там немецкого капитала оказалась в планах немцев, столкнув интересы общественности с интересами правительства рейха.

Учитывая опыт прямого участия пангерманской элиты в торговле с Венесуэлой, нерешительность правительства в деле активного колониализма, эти «шаги» могли оказаться вполне реальными, особенно в том, что касается поиска подходящего повода для участия Германии в международной блокаде. Сомнения в том, что таким поводом могла стать провокация, высказывает венесуэльский исследователь Хуан Алексис Акуна, приводя в пример отчет генерала Хулио Ларриа, командующего крепостью Пуэрто-Кабельо. Запись из отчета позже вошла в текст официальной ноты правительству Германии. В ней говорилось о том, что береговая артиллерия обстреляла судно немецкой страховой компании, оказавшееся в порту без предварительного уведомления, ночью, проигнорировав требования остановиться даже после предупредительных выстрелов [40, p. 25].

Вопрос о том, в чем же состояла выгода, которую получала Германия, участвуя в международной блокаде Венесуэлы, была ли она связана с задачами немецкой торговли или удовлетворением политических амбиций националистов, остаётся дискуссионным. Чтобы ответить на него, важно соотнести заинтересованность и характер участия Германии в латиноамериканских делах с незавершёнными к началу XX в. дискуссиями внутри страны о месте рейха в системе сложившихся колониальных отношений. О важности таких дискуссий свидетельствовало сохранявшееся различие между намерениями радикально настроенной части немецкого общества, лишённой, однако, легитимных возможностей влиять на политику, и позицией официального Берлина. Весьма убедительным выглядит лишь тезис о том, что к началу XX в. эра «купцов-пионеров» и их локальных инициатив в торговле с Венесуэлой подошла к концу, уступив место последовательности, системности и организованности, действиям, способным превратить Германию в Великий Рейх [39, pp. 413, 448]. Потребность в такой трансформации объединяла немецкое общество, хотя видение методов отличалось крайней полярностью.

Участие в венесуэльских делах для правительства Германии было важно, но не являлось приоритетом. Хотя правительство разделяло интерес немецкого бизнеса к «дремлющим богатствам» Венесуэлы, для него участие в венесуэльском кризисе стало дипломатическим средством заручиться поддержкой Великобритании, не раздражая Соединенные Штаты. Если британские претензии к Венесуэле, изложенные в меморандуме министра

иностранных дел Генри Петти-Фицмориса, 5-го маркиза Лэнсдауна, касались серьезных нарушений правил торговли между странами, вплоть до порчи английского имущества, то для правительства Германии участие в совместной блокаде оказалось не более чем страховкой для лучшей защиты немецких интересов в будущем.

Для радикальной немецкой общественности, настроенной крайне националистически, участие в блокаде Венесуэлы стало делом чести. На волне общественного разочарования нерешительностью правительства, отказавшего в военной поддержке братским бургундским народам (1899—1902 гг), пангерманцы воспользовались моментом для того, чтобы направить недовольство немцев на венесуэльский кризис, который мог стать «лабораторией» для колониальной экспансии рейха в Южной Америке, пробой военной мощи молодого немецкого флота. Успех военной экспедиции связывался пангерманцами не столько с приобретением колонии, сколько с демонстрацией военно-морской силы рейха перед Великобританией. Пангерманцам удалось спровоцировать участие Германии в колониальной блокаде Венесуэлы, но результат оказался для них неутешительным. Пример венесуэльского кризиса, таким образом, наглядно продемонстрировал внутренний раскол в немецком обществе, а также потенциал общественного мнения, манипуляция которым стала средством неполитического воздействия на правительство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Samassa P. Das Vorgehen des Deutschen Reiches gegen Venezuela. *Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe*. Hrsg. von der Hauptleitung des Alldeutschen Verbandes. Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1910, ss. 150-152.
2. Hartwig E. Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891-1914). Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. Jena, 1966, 266 s.
3. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg, Hans Christians Verlag, 2003, 600 s.
4. Fesser G. Der Traum vom Platz an der Sonne. Bremen, Donat Verlag, 1996, 239 s.
5. Fischer F. Der Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, Droste Verlag, 1962, 677 s.
6. Birken A. "Der Helgoland-Sansibar-Vertrag von 1890". *Internationales Jahrbuch für Geschichts- und Geographie-Unterricht*. 1974, Vol. 15, ss. 194-204.
7. Herwig H. Germany's Vision of Empire in Venezuela, 1871-1914. Princeton, Princeton Legacy Library, 1986, 300 p.
8. Panhorst K.H. Simon Bolivar und Alexander von Humboldt. *Ibero-Amerikanisches Archiv*, 1930, Vol. 4, N1, ss. 35-47.
9. Zeuske M. Humboldt und Bolivar. *Frank Holl (Hg.): Alexander von Humboldt. Netzwerke des Wissens. Katalog der Ausstellung im Haus der Kulturen der Welt (Berlin) vom 6. Juni bis 15. August 1999 und in der Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland vom 15. September 1999 bis 9. Januar 2000*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1999, ss. 128-129.
10. Бисмарк О. Воспоминания, мемуары в 2-х т. М., АСТ; Мн., Харвест, 2002, т.2, 560 с. [Bismarck O. Vospominaniya, memuary [Memories]. Moscow, AST; Minsk, 2002, t.2, 560 p. (In Russ.).
11. Pommerin R. Zwischen Eurozentrismus und globalem Staatensystem: Bismarck und die USA 1862-1890. *Otto von Bismarck und das "lange 19. Jahrhundert"*. Leiden, Ferdinand Schöningh, 2017, ss. 759-788.

12. Emmes M.P. Interessenorientierungen und Konfliktlinien Grossbritanniens, der Vereinigten Staaten von Amerika und Deutschlands vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn des Ersten Weltkriegs. Münster, LIT Verlag, 2013, 244 s.
13. Hamburger Nachrichten vom 9. Februar 1896. N34. In: *Bismarck-Jahrbuch*. Hrsg. von Horst Kohl. Bd. 3. Berlin, Verlag von O.Häring, 1896, 588 s.
14. Rosenberg P. Deutsche Minderheiten in Lateinamerika. *Particulae particularum. Festschrift zum 60. Geburtstag von Harald Weydt*. Hrsg. von Theo Harden und Elke Hentschel. Tübingen, 1998, s. 261-291.
15. Galué G. C. Impacto del comercio alemán en la economía regional marabina (1870-1900). Impact of German trade in Marabina regional economy (1870-1900). *Memorias. Revista digital de Historia y Arqueología desde el Caribe colombiano*, 2013, Vol. 10, N20, pp. 1-12.
16. Bernecker W. L., Fischer T. Deutsche in Lateinamerika. *Deutsche im Ausland - Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart*. Hrsg. von Klaus J. Bade. München, Beck, 1992, ss. 197-214.
17. Mann W. Das Deutschtum in Lateinamerika. Berlin, E. Runge, 1927, 77 s.
18. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 1849-1914. 3 Bd: Von der "Deutschen Doppelrevolution" bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges / Hans-Ulrich Wehler. München, Verlag C.H. Beck, 1995, 1518 s.
19. Die große Venezuela Eisenbahn. Eine Tat deutschen Geistes. Stuttgart, Über Land und Meer, 1895, 6 Holzstiche auf 2 Blättern.
20. Hernández A.P. Escuadra venezolana en tiempos de Castro (1902-1903). *Tiempo y Espacio*, N64, Julio-Diciembre, 2015, pp. 475-490.
21. Гобсон Дж. А. Империализм. Ленинград, 1927, 286 с. [Gobson Dzh. A. Imperializm [Imperialism]. Leningrad, 1927, 286 p. (In Russ.).]
22. Sullivan W, Velásquez R. J. y Otros. Cipriano Castro en la Caricatura Mundial. Caracas, Fundación Centro Nacional de Historia, 1980, 243 p.
23. Campos M.R. Venezuela 1902: la crisis fiscal y el bloqueo: perfil de una soberanía vulnerada. Caracas, Fondo Editorial de Humanidades y Educación, Universidad Central de Venezuela, 1983, 455 p.
24. Vagts A. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik. London, 1935, 2030 p.
25. Fiebig Hase R. Lateinamerika als Konfliktherd der deutsch-amerikanischen Beziehungen 1890 bis 1903. Vom Beginn der Panamerikapolitik bis zur Venezuelakrise von 1902 - 1903. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1986, 1206 s.
26. Katz F. The Secret War in Mexico. Europe, the United States and the Mexican Revolution. Chicago, The University of Chicago Press, 1981, 659 p.
27. Mitchell N. The Danger of Dreams. German and American Imperialism in Latin America. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1999, 328 p.
28. Vallenilla N.H. Inversiones extranjeras en Venezuela. Siglo XX. Caracas, Academia nacional de ciencias económicas, 1992, pp. 316-377.
29. Anonymus [Heinrich Claß]. Die Besitzergreifung West-Marokkos, der Anfang und die Voraussetzung praktischer deutscher Weltpolitik. Leipzig, Flugschrift, 1904, 133 s.
30. Wintzer W. Der Kampf um das Deutschtum. Die Deutschen im tropischen Amerika. München, Lehmann, 1900, 82 s.
31. Hofmeister B. Between monarchy and dictatorship. Radical nationalism and social mobilization of the Pan-German League, 1914-1939. Washington, Georgetown University, 2012, 568 p.
32. Ernst Hasse im Reichstag, 6. Februar 1894. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. 1893-1894*. Berlin, Reichsdruckerei, 1894, ss. 1027-1029.
33. Unold J. Das Deutschtum in Chile. München, Lehman, 1899, 68 s.
34. Reimer J.L. Ein Pangermanisches Deutschland. Versuch über die Konsequenzen der gegenwärtigen wissenschaftlichen Rassenbetrachtung für unsere politischen und religiösen Probleme / von Josef Ludwig Reimer, J.L. Reimer. Leipzig, Thüringische Verlags-Anstalt, 1905, 406 s.
35. Mönckmeier W. Die deutsche überseeische Auswanderung. Jena, Gustav Fischer, 1912, 288 s.
36. Canstatt O. Kritisches Repertorium der Deutsch-brasilianischen Literatur. Berlin, Dietrich Reimer Verlag, 1902, 202 s.
37. Тирпиц А. Воспоминания. М., Вече, 2014, 448 с. [Tirpic fon, A. Vospominaniya [Memories]. Moscow, Veche, 2014, 448 p.]
38. Alldeutsche Blätter, N1, 3. Januar, 1903.

39. Zeuske M. Trasfondos del conflicto de 1902: política, cónsules y comerciantes alemanes en las Venezuelas del siglo XIX. *Böttcher N., Hausberger B. Dinero y negocios en la historia de América Latina*. Frankfurt am Main, Vervuert-Verlag, 2000, pp. 413-452.

40. Acuna J.A. Denuncias y reclamos interpuestos por el Imperio Alemán ante Venezuela por aparentes ilícitos cometidos contra sus naves de guerra a finales del siglo XIX. *Tiempo y Espacio*, 2013, vol. 23, N60, pp. 20-38.

Alexandr A. Turygin (aturigin@mail.ru)

Cand. Sci. (History), docent of the department of history, Kostroma State University

Dzerzhinsky Street, 17, 156005 Kostroma, Kostroma Oblast, Russian Federation

Venezuela through the prism of pan-germanism. Towards understanding the Venezuelan crisis (1902—1903) in German society

Abstract. The article deals with the formation of German colonial ideology in South America. The example of Venezuela is used to study the "discovery" of South America by German society in the late 19th — early 20th centuries, as well as the controversial policy of establishing Germany on the other side of the Atlantic. Germany's participation in the Venezuelan crisis (1902-1903) demonstrates the split in German society between the government and the nationalist-minded part of society, the manipulation of whose consciousness becomes a means of non-political influence for the Pan-German league (Alldeutscher Verband). The Venezuelan crisis, as part of the local diplomatic crises on the eve of the First World War, demonstrates the interest of the German government in the new status of a "world power", although national identity is now formed by German nationalists. Since there is no unity between official Berlin and the public in understanding the essence of colonialism, a paradox arises, which has become the subject of scientific study relatively recently. The article also problematizes one of the classic theses of imperialist theory: the economic expansion is followed by territorial claims.

Key words: Venezuela, Pan-German Union, Venezuelan crisis, colonialism, naval blockade.

DOI: 10.31857/S0044748X0014113-3

Received 09.01.2021.

КУЛЬТУРА

Л.Л.Клещенко

Куба в советском и американском кинематографе ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Сравнительный анализ

В статье рассмотрены кинообразы Кубы в советском и североамериканском кинематографе периода холодной войны. Материалами для исследования послужили советские и американские фильмы, снятые в 1945—1991 гг. Показано, что в американском кинематографе холодной войны Куба может позиционироваться как враг, как арена противоборства в борьбе двух сверхдержав — США и СССР — или как жертва этой борьбы. В советском кинематографе Куба позиционируется как братская страна или как жертва американского империализма. Отмечается сходство в репрезентации Кубы в советском и американском кинематографе: образы Кубы вовлекаются в конструирование образа врага для усиления исходящей от него угрозы и выполняют мобилизационную функцию. Кроме того, изображение бедственного положения, сложившегося на Кубе, играет роль легитимации борьбы с советскими или американскими захватчиками. В качестве идеологического приема конструирования образа врага используется феминизация Кубы. Вместе с тем имиджи Кубы в американском кинематографе более разнообразны, что обусловлено длительной историей отношений двух стран, основанной на их географической близости.

Ключевые слова: Куба, образ врага, холодная война, советский, американский, кинематограф.

DOI: 10.31857/S0044748X0012853-7

Статья поступила в редакцию 02.12.2020.

В период холодной войны кинематограф играл важную роль в противостоянии двух сверхдержав — США и СССР. События того времени ста-

---

Людмила Леонидовна Клещенко — кандидат политических наук, исполнитель по гранту. Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, <https://orcid.org/0000-0002-4172-6583>, ludmila.porova2011@yandex.ru).

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

новятся предметом рефлексии многих известных кинорежиссеров. При этом и советским, и североамериканским кинематографом использовались разнообразные способы демонизации противника. В информационно-идеологическое противоборство двух миров — капиталистического и социалистического — вовлекались образы третьих стран, в том числе, Кубы, место и роль которой в истории холодной войны трудно переоценить. Находясь в непосредственной близости от США, Куба после революции 1953—1959 гг. оказывается в изоляции от Штатов и развивает сотрудничество с СССР. Военная помощь Советского Союза Кубе, в том числе размещение на острове советских вооружений и военных подразделений в ответ на аналогичные действия США в Турции, приводит в 1962 г. к одному из наиболее острых кризисов холодной войны. Эти события и процессы нашли отражение в массовой культуре. И в США, и в СССР начинают появляться фильмы о кубинской революции и ее последствиях, многие из которых заняли достойное место в истории мирового кинематографа. Создаваемые кинематографистами интерпретации политических событий и сегодня способны оказывать влияние на широкую аудиторию, что обуславливает актуальность изучения кинообразов холодной войны.

Анализу кинообразов холодной войны посвящены труды историков, философов, политологов, лингвистов, культурологов. Образ врага в советском и американском кинематографе холодной войны рассматривается в работах ряда российских исследователей, в частности, А.И.Кубышкина [1], О.В.Рябова [2], Т.Б.Рябовой и Е.В.Панкратовой [3], С.И.Белова [4], К.А.Юдина [5], А.Г.Колесниковой [6] и А.В.Федорова [7]. Ученые рассматривают этот образ как символ, использование которого является эффективным приемом политической борьбы, и за интерпретацию которого идет соревнование между акторами символической политики. Механизмам конструирования образа врага посвящены труды как отечественных, так и зарубежных авторов: финского филолога Х.Ванхала [8], голландского психолога Л.Оппенгеймера [9], израильского историка Р.Робин [10], российского культуролога О.С.Давыдовой [11].

В то же время образам Кубы в кино посвящено небольшое число исследований [12, 13], что обуславливает новизну данной работы, целью которой является сравнение способов репрезентации Кубы в советском и американском кинематографе периода холодной войны. Материалами для исследования послужили советские и американские художественные и документальные фильмы, снятые в период 1945—1991 гг. Метод исследования — анализ видеообразов.

ОБРАЗ ВРАГА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разделение окружающих на «своих» и «чужих» — характерное свойство индивидуального и общественного сознания. Как отмечают российский философ А.Мельвиль и американский психолог Дж.Франк, восприятие врага часто зеркально: каждая сторона приписывает одни и те же положительные качества «своим» и одни и те же пороки «чужим» [14]. Образ врага формируется за счет восприятия «чужого» в качестве источника опасности. Образы врага способны усиливать враждебность между госу-

дарствами или социальными группами. Стремясь дать симметричный ответ на действия противника, трактуемые как враждебные, исходя из сложившегося стереотипа о враге, участник противостояния приобретает черты, приписываемые им врагу. Образ врага становится самосбывающимся пророчеством. Складывающиеся образы приводят к тому, что люди становятся склонными к повышенной агрессивности, противник начинает восприниматься как абсолютное зло, происходит его дегуманизация. Кроме того, будучи инертными, образы врага не всегда быстро трансформируются, поэтому могут оказать длительное негативное влияние на динамику отношений. Образ врага может отрицательно сказаться и на коммуникации, привести к избирательному восприятию информации о противнике.

Исследователи выделяют следующие функции образов врага: укрепление позитивной коллективной идентичности, которая проявляется с помощью представления врага как максимально отличного; мобилизационная функция, для выполнения которой требуется создание образа смертельной опасности; легитимация насилия, для выполнения которой враг должен быть изображен негативным образом, чтобы оправдать насилие над ним; функцию предсказания победы, включающую оправдание собственного превосходства изображением противника как слабого [2, pp. 538-539].

Существовавшая в период холодной войны биполярная система международных отношений повлекла за собой формирование дуалистического мировосприятия [4, с.41]. В этот период значительные ресурсы обеих сверхдержав, США и СССР, тратились на создание и закрепление негативного образа соперника в общественном сознании. Рассмотрим, каким образом в процесс создания образа врага вовлекались образы именно Кубы, так как происходившие там события привели к эскалации опаснейшего кризиса периода холодной войны.

КУБА В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ДРУГ МОЕГО ВРАГА

Кубе посвящено немало американских фильмов — и художественных, и документальных. Особое внимание кинематографистов привлекают такие события кубинской истории, как Карибский кризис (1962 г.), Операция в бухте Кочинос (1961 г.) и, конечно, революция 1953—1959 гг. Можно отметить большое число фильмов, посвященных кубинской тематике: «Мы были чужими» (1949 г., режиссер Джон Хьюстон), «Кубинские мятежники» (1959 г., Эрролл Флинн), «Кубинская история: правда о революции Фиделя Кастро» (1959 г., Эрролл Флинн), «Одна неделя октября» (1964 г., Томас Вольф), «Ночной поезд в Мундо» (1966 г., Коулман Френсис), «Топаз» (1969 г., Альфред Хичкок), «Че» (1969 г., Ричард Флейшер), «Крестный отец-2» (1974 г., Френсис Форд Коппола), «Убить Фиделя» (1980 г., Чак Уоркмэн), «Красный рассвет» (1984 г., Джон Милиус), «Гавана» (1990 г., Сидни Поллак), «Тринадцать дней» (2000 г., Роджер Дональдсон), «Пока не наступит ночь» (2000 г., Джулиан Шнабель), «Че Гевара» (2005 г., Джош Эванс), «Потерянный город» (2005 г., Энди Гарсия), «Запретная Куба» (2016 г., Арт Джонс) и другие. Некоторые из них романтизировали ку-

бинскую революцию и ее лидеров, другие демонизировали их. В данной статье мы ограничимся рассмотрением фильмов, снятых в период холодной войны, в которых образы Кубы вовлекаются в формирование образа советского врага.

Одним из таких фильмов является «Топаз» — экранизация одноименного романа Леона Юриса (1969 г., А.Хичкок) — шпионский фильм о противостоянии американской разведки советской. Советским Союзом были завербованы высокопоставленные французские чиновники, разоблачению которых посвящена одна из сюжетных линий. Для создания образа «русского врага» в «Топазе» используются такие традиционные для А.Хичкока кинематографические приемы, как длинные кадры, драматичные крупные планы, тревожная музыка. Враг показывает свое лицо с первых минут картины: фильм начинается демонстрацией кадров военного парада в Москве. Крупные планы сменяющих друг друга орудий сопровождается закадровый голос, возвещающий об осуждении «силовой политики Советского Союза и угрозы, исходящей от нее» [15]. Угроза со стороны русских многократно демонстрируется по ходу развития сюжета, часть которого разворачивается на Кубе. Задача протагониста, сотрудника французской разведки, — выяснить, «что русские делают на Кубе» [15]. События разворачиваются в 1962 г., и у ЦРУ появилась информация о секретных договоренностях между СССР и Кубой. Смысл этих договоренностей до конца не ясен, поэтому герой картины отправляется на остров (поскольку, как поясняют создатели фильма, «после событий, произошедших в заливе Свиней у американцев нет агентуры на Кубе») [15]. Таким образом, Куба становится ареной противоборства двух сверхдержав.

Образ социалистической Кубы в фильме амбивалентен: с одной стороны, имеет место традиционная для американской культуры романтизация Кубы: внимание к красоте природы и архитектуры, с другой — создатели картины изобличают социалистический строй, показывая слезки, аресты, допросы, дефицит товаров. Вместе с тем герои-кубинцы не рассматриваются как реальная угроза: хотя они ненавидят Америку и американцев, их можно обмануть, что в конце концов смог сделать герой, добывший текст секретных соглашений, заключенных между Кубой с Советским Союзом.

Фильм «Топаз» иллюстрирует интересную особенность репрезентации Кубы в американском кинематографе: часто освободительную борьбу кубинцев в американских кинолентах возглавляет женский персонаж, что символизирует безнадежность этой борьбы. Помимо «Топаз», женщина на передовой политической борьбы на Кубе представлена в картине «Корабль дураков» (1965 г., Стэнли Крамер), а также в историческом фильме «Сантьяго» (1956 г., Гордон Дуглас).

К 1980-м годам в США появляются фильмы, в которых Куба олицетворяет врага, наряду с СССР. Среди таких картин — «Красный рассвет» (1984 г., Д.Милиус). Фильм-антиутопия рассказывает о партизанской войне американских подростков против советско-кубинских захватчиков, оккупировавших часть территории США. В отличие от «Топаз» Куба не является здесь местом действия. Однако в фильме присутствуют кубинские военные, которые совместно с советскими и никарагуанскими организуют

вероломное нападение на Штаты. Кубинцы по сюжету активно участвуют в подготовке вторжения, внедрившись на американские авиабазы.

В первой половине фильма «Красный рассвет» образы врагов не дифференцированы — кубинцы, русские, никарагуанцы одинаково воплощают жестокость, беспощадность, нецивилизованность. По мере развития повествования именно кубинец оказывается более пронизательным врагом, обосновывая необходимость для оккупантов заручиться поддержкой народа. Позже он начинает сомневаться в правильности выбранного курса: «Я знаю, я был партизаном... теперь я, как вы, — солдат» — говорит кубинец с сожалением [16]. Сомнения привели к тому, что он не смог выстрелить в героя, несущего на руках своего раненого брата, и сложил оружие. Тот факт, что ренегатом стал именно кубинец, показывает, что, согласно концепции фильма, более опасный враг, которому чужды всякие сомнения и жалость, — это русские. Несмотря на всю жестокость и безжалостность «русского врага», небольшой отряд подростков все равно наносит ему серьезный урон, поэтому можно заключить, что образ врага в картине «Красный рассвет» выполняет функцию предсказания победы (подчеркивается слабость противника).

Стоит также отметить американские документальные фильмы о Кубе, среди них лента «Одна неделя октября» 1964 г., выпущенная министерством обороны США. Именно картины, созданные по заказу американских военных ведомств, формируют образа врага. Фильм представляет собой смесь кадров военной хроники и телевизионных репортажей. Здесь мы можем увидеть образ Кубы-жертвы, захваченной русскими: «Здесь — русские ракеты, здесь — русское оружие», [17] — говорит закадровый голос, отстраненность которого от визуального ряда создает иллюзию объективности предлагаемой информации. Фильм посвящен событиям Карибского кризиса. В нем транслируется позиция, согласно которой предотвратить ядерную войну удалось главным образом благодаря США. Ответственность за рост напряженности возлагается только на СССР. Куба в фильме характеризуется как «прекраснейший остров», и закадровый голос с сожалением констатирует, что, хотя исторически Куба и США были друзьями, и Соединенные Штаты помогли Кубе освободиться от колониальной зависимости, кубинцы предали эту дружбу, пойдя на сближение с Советским Союзом. Попав в орбиту его влияния, Куба теряет субъектность и становится плацдармом для советской экспансии. Фильм имеет характерную для американской документалистики структуру «проблема — решение»: после разъяснения масштабов советской угрозы миру в целом и западному полушарию в частности, зрителю напоминают о важности гражданской обороны.

Таким образом, в американском кинематографе холодной войны Куба может позиционироваться как враг («Красный рассвет»), как арена противоборства в борьбе двух сверхдержав («Топаз») или как жертва этой борьбы («Одна неделя октября»). Образы Кубы вовлекаются в создание образа советского врага для усиления исходящей от него угрозы, которая затронула остров, находящийся в непосредственной близости от границ США, и выполняют в этом смысле мобилизационную функцию.

КУБА В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ЖЕРТВА АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Для советской культуры в целом и кинематографа в частности Куба приобретает особое значение лишь после революции и прихода к власти социалистического правительства. Советские фильмы об острове начинают появляться только после 1960 г. Так, в 1961 г. классик советского документального кино Роман Лазаревич Кармен завершает работу над картиной «Пылающий остров». Фильм строится на контрастах — чередование сцен процветания элиты и убийств революционеров, нищеты Кубы и богатства США. В качестве основного художественного приема используется антитеза. Американские бизнесмены здесь характеризуются как завоеватели и приравниваются к испанским конкистадорам. Внутренний враг — Фульхенсио Батиста, возглавлявший страну в 1940—1944 гг. и 1952—1959 гг., — не рассматривается в качестве самостоятельного субъекта, а является только приспешником внешнего агрессора, американцев. Чтобы у зрителя не осталось сомнений в том, кто виновен в бедах Кубы, используется рефрен: «Сахарный тростник подожжен бомбой, сброшенной с американского самолета. Его пилотировал американский летчик. Он базировался на американском аэродроме во Флориде» [18]. Примечательно, что тот же прием (рефрен) используется в американском документальном фильме «Одна неделя октября». Подчеркивая сохранение угрозы со стороны США, создатели кинофильма «Пылающий остров» подводят к мысли о необходимости продолжения классовой борьбы после революции: «Автомат под мышкой — привычка, с которой трудно расстаться... А, может быть, и рано расставаться» [18]. Несмотря на сохранение символов военного времени, в фильме подчеркивается гуманистический характер революции — решение социальных проблем началось еще до ее полного завершения. Зависимое положение Кубы показывают обращения к ней и ее столице в женском роде, многократно встречающееся в фильме: «Этот город всегда шумен, говорлив, улыбчив, потому иногда кажется легкомыслен и беспечен, как хорошенькая девушка»; «бело-голубая красавица Гавана» [18].

Образ американского врага наиболее рельефно изображен в картине «Черная чайка» (1962 г., Григорий Яковлевич Колтунов). Внутренний враг в фильме деперсонализирован: неизвестный убивает в горах женщин и детей. При этом герои хорошо понимают, что большую угрозу представляет внешний враг. В фильме представлено два начала — новая революционная Куба, которую олицетворяют дети, и старая — их дед по прозвищу Черная Чайка. Ему чужды идеалы революции, он готов бороться и стоять насмерть только за свое имущество. Однако старая и новая Куба едины в одном — в ненависти к американцам. «Он что, янки? Это он высылает самолеты поджигать урожай и дома. Это он посылает оружие, чтобы наши люди убивали друг друга... Убей нас обоих. Дальше шхуну не поведем!» — говорит герой, отказываясь сотрудничать с внешним врагом [19].

Один из наиболее известных в настоящее время советских фильмов о Кубе — картина советско-кубинского производства режиссера Михаила Константиновича Калатозова «Я — Куба». Несмотря на то, что фильм получил в 1964 г. критические отзывы как с советской, так и с кубинской

стороны [20, с. 45], он был открыт заново в середине 1990-х годов и приобрел заслуженную славу. В 1996 г. картину номинировали на кинопремию «Независимый дух», годом ранее ей была присуждена премия Национального совета кинокритиков США [21]. Мастерство оператора Сергея Павловича Урусевского отмечают и российские исследователи [22, с. 72].

В четырех новеллах, составляющих фильм «Я — Куба», показана предреволюционная Куба со всеми тяготами жизни ее рядовых граждан, что наводит зрителя на мысль о неизбежности революции, которая должна положить конец столь жалкому существованию. По воспоминаниям съемочной группы на создание фильма повлияли истории непосредственных участников революционных событий [23, с. 233]. Части картины («четыре главы истории кубинской революции») [23, с. 232] связаны между собой женскими закадровыми монологами.

Внешний враг — американцы — присутствуют в первой и третьей новеллах. Они олицетворяют лишь негативные качества: вульгарность, безнравственность, корысть. «На Кубе все прилично, были бы доллары», — говорят герои первой новеллы [24]. Для них нет ничего святого — по сюжету американец, вторгнувшись в жилище кубинской девушки, покупает ее крестик, не получив на то согласия. Здесь, как и в документальном фильме «Пылающий остров», используется художественное противопоставление: бедность кубинцев показана на контрасте с праздностью и богатством американцев.

Во второй новелле рассказана история крестьянина, выращивающего на земле латифундиста сахарный тростник. Здесь внимание зрителя акцентируется на внутреннем враге Кубы — крупных земельных собственниках. Однако американское присутствие на острове читается и в этом сюжете: герой теряет землю, проданную ее владельцем американской компании *United Fruit*. Таким образом, фильм не оставляет сомнений относительно того, в чьих интересах на самом деле действует внутренний враг. Любопытная деталь: на последнюю монету дети крестьянина покупают «Кока-Колу» — символ американского империализма.

Третья новелла повествует о героях студенческого движения, организовавших мирную демонстрацию. Нравственное превосходство над внутренним врагом — полицией — демонстрируется в фильме с помощью моральной дилеммы героя, неспособного убить своего противника. Американцы здесь показаны лишь в начале повествования: моряки преследуют кубинскую девушку. Их вид и вызывающее поведение дают понять зрителю, что американские моряки считают себя хозяевами на острове.

По мере продвижения к финалу, в четвертой новелле, враг обезличивается, трансформируется в абстрактную неумолимую безжалостную силу (бомбы, сброшенные на мирную семью), в результате чего крестьянин решает примкнуть к партизанам. Фильм заканчивается победой революции.

Советских фильмов о Кубе не так много, как американских, что обусловлено тем, что у СССР не было долгой истории отношений с далеким островом. Рассмотренные картины были сняты по партийному заказу (что не умаляет их художественных достоинств), потому образы Кубы в них более однообразны, чем в американских кинолентах того

же периода. Куба рассматривается в советском кинематографе и как братская страна, в которой люди сталкиваются с теми же проблемами, что и в Советском Союзе, и как жертва американского империализма.

Таким образом, можно отметить некоторое сходство в репрезентации Кубы в ряде произведений американского и советского кинематографа: островное государство показано как объект агрессии одной из двух конфликтующих сторон. В качестве идеологического приема создания образа врага используется феминизация Кубы: в американском кинематографе — с помощью привлечения образов женщин-кубинок, в советском — с помощью закадрового текста, зачитываемого диктором-женщиной или обращения в женском роде. Образы Кубы в американском и советском кинематографе выполняют схожие функции: с их помощью показано моральное превосходство того или иного общественного строя. Кроме того, образы Кубы используются кинематографистами для демонстрации потенциальной угрозы, исходящей от врага: кубинский «корабль» (т.е. остров), захваченный противником (русскими или американцами), терпит бедствие, что легитимирует борьбу за ее освобождение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кубышкин А.И. Сакральные жертвы холодной войны: дети как субъект/объект идеологической конфронтации и политической пропаганды. В книге: *Символ детства в политике: от холодной войны к современности*. Тезисы научной конференции. Под ред. Рябовой Т.Б., Рябова О.В., СПб., Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019, сс. 21-23 [Kubyshkin A.I. Sakral'nye zhertvy Kholodnoi voiny: deti kak sub"ekt/ob"ekt ideologicheskoi konfrontatsii i politicheskoi propagandy [Sacred victims of the Cold war: children as a subject/object of ideological confrontation and political propaganda]. *Simvol detstva v politike: ot kholodnoi voiny k sovremennosti*. Tezisy nauchnoi konferentsii. SPb, A. I. Herzen RSPU publishing house, 2019, pp. 21-23. (In Russ.).
2. Riabov O. The Red Machine: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema, *In Quaestio Rossica*, Vol. 8, N 2, 2020, pp. 536–550.
3. Рябова Т.Б., Панкратова Е.В. "Cold warriors" глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода холодной войны. *Женщина в российском обществе*. № 4, 2019, с. 29-40 [Ryabova T.B., Pankratova E.V. "Cold warriors" Glazami sovremennykh rossiyan: retseptsiya kinoobrazov maskulinnosti amerikanskikh voennykh perioda Kholodnoi voiny ["Cold warriors" through the Eyes of modern Russians: reception of movie images of the masculinity of the American military during the Cold war]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, N 4, 2019, pp. 29-40. (In Russ.).
4. Белов С.И. Образ врага в советской политике памяти периода «холодной войны» (на примере позиционирования США в кинематографе СССР). *Научные горизонты*, 2018, №10 (14), сс. 38-52 [Belov S.I. Obraz vraga v sovetskoi politike pamyati perioda «Kholodnoi voiny» (na primere pozitsionirovaniya SShA v kinematografe SSSR) [The image of the enemy in Soviet politics in memory of the Cold war period (on the example of the us positioning in Soviet cinema)]. *Nauchnye gorizonty*, N 10 (14), 2018, pp. 38-52. (In Russ.).
5. Юдин К.А. «Образ врага» и атмосфере «Холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960-1970-х гг. *Диалог со временем*, 2019, № 67, сс. 178-194 [Yudin K.A. «Obraz vraga» i atmosfere «Kholodnogo protivostoyaniya» v zarubezhnom kinematografe 1960-1970-kh gg. ["The image of the enemy" and the atmosphere of "Cold confrontation" in foreign cinema of the 1960s and 1970s]. *Dialog so vremenem*, 2019, N 67, pp. 178-194. (In Russ.).

6. Колесникова А.Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе (середина 1950-х - середина 1980-х гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2009, 235 с. [Kolesnikova A.G. Formirovanie i evolyutsiya obraza vraga perioda «kholodnoi voiny» v sovetskom kinematografe (seredina 1950-kh - seredina 1980-kh gg. Diss. kand. ist. nauk) [Formation and evolution of the cold war enemy image in Soviet cinema (mid-1950s - mid-1980s) Diss. Cand. hist.sc.]. Moscow, 235 p. (In Russ.).
7. Федоров А.В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946-1991) до современного этапа (1992-2015). М., МОО «Информация для всех», 2015, 221 с. [Fedorov A.V. Transformatsii obraza Rossii na zapadnom ekrane: ot epokhi ideologicheskoi konfrontatsii (1946-1991) do sovremennogo etapa (1992-2015) [Transformation of the image of Russia on the Western screen: from the era of ideological confrontation (1946-1991) to the modern stage (1992-2015)]. Moscow, МОО «Informaciya dlya vsekh», 2015, 221 p. (In Russ.).
8. Vanhala H. The Depiction of Terrorists in Blockbuster Hollywood Films, 1980–2001. McFarland, North Carolina and London, 2011, 363 p.
9. Oppenheimer L. The Development of Enemy Images: A Theoretical Contribution. *Peace and conflict: journal of peace psychology*. N12(3), 2006, pp. 269–292.
10. Robin R.T. The Making of the Cold War Enemy: Culture and Politics in the Military-Intellectual Complex. Princeton, Princeton Univ. Press, 2003, 296 p.
11. Давыдова О.С. Иллюзорная идеология: как неигровое кино США превратилось в орудие холодной войны. *Terra Aestheticae*, 2019, № 1 (3), с. 82-105 [Davydova O.S. Illyuzornaya ideologiya: kak neigrovoe kino SShA prevratilos' v orudie kholodnoi voiny [The illusory ideology: how non-fiction movies in the United States became a tool of the Cold war]. *Terra Aestheticae*, 2019, N 1(3), pp. 82-105 (In Russ.).
12. Ярулина Д.Р. Образ Кубы в художественной культуре и СМИ России и США. *Латинская Америка*, 2012, № 1, сс. 90-97 [Yarulina D.R. Obraz Kuby v khudozhestvennoi kul'ture i SMI Rossii i SShA [The image of Cuba in the artistic culture and media of Russia and the United States]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2012, N 1, pp. 90-97. (In Russ.).
13. Беляева А.В. Трансформация образа Кубы в американском кинематографе. *Диалоги о культуре и искусстве. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. ред. А.В. Макина*. Пермь, 2016, сс. 321-326 [Belyaeva A.V. Transformatsiya obraza Kuby v amerikanskom kinematografe. *Dialogi o kul'ture i iskusstve. Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Transformation of the image of Cuba in American cinema. *Dialogues about culture and art. Materials of the VI Russian scientific and practical conference with international participation*]. Perm, 2016, pp. 321-326. (In Russ.).
14. Frank J. D., Melville A.Y. The Image of the Enemy and the Process of Change. *Breakthrough: Emerging New Thinking: Soviet and Western Scholars Issue a Challenge to Build a World Beyond War*. NY, Walker and Company, 1988, pp. 198-207.
15. Hitchcock A.J. Topaz. 1969.
16. Milius J.F. Red dawn. 1984.
17. Wolf Th. H. One Week in October: Cuban Missile Crisis. 1964.
18. Кармен Р.Л. Пылающий остров. 1961 [Karmen R. L. Pylayushchii ostrov [Flaming island].
19. Колтунов Г.Я. Черная чайка, 1962 [Koltunov G.Ya. Chernaya chaika [Black gull].
20. Ярулина Д.Р. Куба в советском/российском и американском художественном и масс-медийном дискурсе второй половины XX века: компаративный анализ. Дисс. канд. культурологии. М., 2015, 212 с. [Yarulina D.R. Kuba v sovetskom/rossiiskom i amerikanskom khudozhestvennom i mass-mediinom diskurse vtoroi poloviny XX veka: komparativnyi analiz. Diss. Kand. Kulturologii [Cuba in Soviet/Russian and American art and mass media discourse of the second half of the XX century: a comparative analysis. Diss. Cand. Cult.]. Moscow, 2015, 212 p. (In Russ.).
21. National Society of Film Critics. Available at: <https://nationalsocietyoffilmcritics.com/about-2/> (accessed 01.12.2020).

22. Ветрова Т.Н. Феномен латиноамериканского кино: этапы и особенности становления. Дисс. докт. искусств. М., 2009, 384 с. [Vetrova T.N. Fenomen latinoamerikanskogo kino: etapy i osobennosti stanovleniya. Diss. Dokt. Isskusstv [The phenomenon of Latin American cinema: stages and features of its formation. Diss. of the Doctor of Art History] Moscow, 2009, 384 p.

23. Кремлев Г.Д. Михаил Калатозов. М, Искусство, 1964, 277 с. [Kremlev G.D. Mikhail Kalatozov [Mikhail Kalatozov]. Moscow, Iskusstvo, 1964, 277 p.

24. Калатозов М.К. Я - Куба, 1964 [Kalatozov M.K. Ya-Kuba [I am Cuba].

Liudmila L.Kleshchenko (ludmila.popova2011@yandex.ru)

Candidate of political science. Saint Petersburg State University, grant contractor.

Universitetskaya nab., 7-9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

Cuba in Soviet and American Cold War cinema. Comparative analysis

Abstract. The article presents the results of a study of Cuba's cinema images in Soviet and American cold war cinema. The study aimed to compare the ways of representing Cuba in the Soviet and American cinema of this period. Materials for the study were Soviet and American films made in the period 1945-1991. It is shown that in the American cinema of the cold war, Cuba can be positioned as an enemy, as an arena of confrontation in the struggle of two superpowers, or as a victim of this struggle. In Soviet cinema, accordingly, Cuba is positioned as a fraternal country, or as a victim of American imperialism. There is a similarity in the representation of Cuba in Soviet and American cinema: images of Cuba are involved in constructing the image of the enemy to strengthen the threat emanating from it and perform a mobilization function. Besides, the image of Cuba in distress serves to legitimize the fight against the invaders, Soviet or American. The feminization of Cuba is used as an ideological device for constructing the image of the enemy. At the same time, the images of Cuba in American cinema are more diverse, due to the long history of relations between the two countries based on geographical proximity.

Key words: Cuba, Image of the Enemy, Cold War, cinema.

DOI: 10.31857/S0044748X0012853-7

Received 02.12.2020.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

А.В.Ситенко

Новая книга об отношениях Китая со странами Латинской и Карибской Америки

Nele Noesselt (Ed.). China's Interactions with Latin America and the Caribbean. Conquering the US's Strategic Backyard? Baden-Baden: Tectum Verlag, 2021.

Автор рассматривает содержание коллективной работы, на страницах которой эксперты-международники анализируют основные аспекты и принципы отношений Китая со странами Латинской и Карибской Америки в настоящее время, вплоть до начала пандемии коронавируса. Главы книги охватывают большую часть государств региона, а предметом исследования стало как двустороннее, так и многостороннее взаимодействие.

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, безопасность, сотрудничество, международные отношения.

DOI: 10.31857/S0044748X0015381-8

Рецензия поступила в редакцию 16.02.2021.

Быстрый экономический рост и политика реформ и открытости, проводимая руководством Китая с конца 1970-х годов, привели к тому, что эта страна в XXI в. превратилась в ключевого игрока в глобальной экономике. Повышение экономической и политической значимости Китая заметно отражается и в Латинской и Карибской Америке (ЛКА) с начала 2000-х годов [1, p. 235-253]. Регион ЛКА, влияние которого в мировой экономике и международных отношениях за последние 20 лет значительно выросло, стал вторым по величине после Азии получателем китайских прямых инвестиций (ПИИ), а также инвестиций в энергетический и инфраструктурный сектора [2]. Для некоторых латиноамериканских государств, в частности для Венесуэлы, Китай превратился в крупного кредитора [3, p. 357-371].

Д-р Александра Валерьевна Ситенко — политический аналитик, Фонд Генриха Бёлля в Берлине. Кандидат философских наук в области глобальных исследований (Global Studies), Университет Лейпцига (Германия, <https://orcid.org/0000-0003-2634-5288>, alexandra.sitenko@gmail.com).

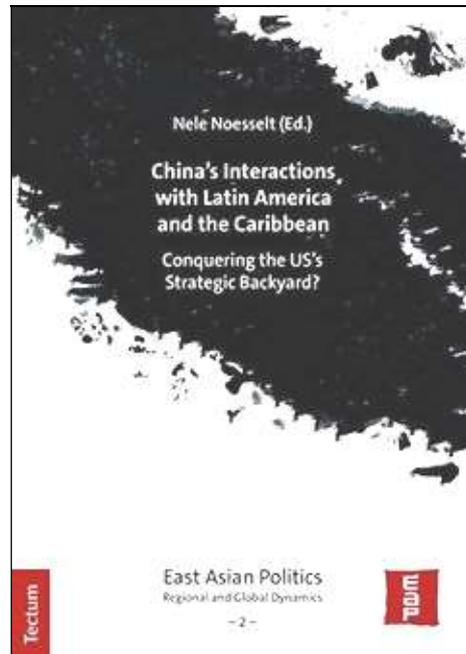
Неуклонно растет и объем двусторонних торговых обменов азиатского гиганта со странами ЛКА. Согласно данным Всемирного банка, сегодня Китай является основным рынком сбыта для экспорта из Бразилии, Чили, Перу, Кубы, Уругвая, вторым — по значимости для Колумбии и третьим — для Аргентины.

У сближения Китая с Латинской Америкой есть и политическая составляющая. Главным образом это касается признания принципа «Единого Китая». В 2017 г. в общей сложности 18 стран — 12 из них находятся в ЛКА — признавали суверенитет Тайваня, который Пекин считает своей отколовшейся провинцией. Впоследствии Доминиканская Республика, Панама и Сальвадор разорвали дипломатические отношения с Тайбэем, сблизившись с КНР и признав китайскую инициативу «Один пояс — один путь». Эта геополитическая стратегия, известная также под названием «Новый великий шелковый путь», была провозглашена Председателем Китайской Народной Республики (КНР) Си Цзиньпином в Казахстане в 2013 г. и направлена на укрепление глобального лидерства Китая. Несколько стран латиноамериканского региона, включая Боливию, Чили и Эквадор, к настоящему времени подписали меморандумы, подтверждающий их участие в этом проекте.

В свете этого Вашингтон в последние годы стал активно претендовать на восстановление своего влияния в латиноамериканском регионе. В «Стратегии национальной безопасности» США 2017 г. содержится предупреждение о растущем присутствии КНР (и России) в Западной полушарии как в инвестиционной политике, так и в деле политической поддержки правительства Николаса Мадуро в Венесуэле [4]. Администрация президента Джо Байдена также утверждает, что «Пекин и Москва вложили значительные средства в усилия, направленные на то, чтобы проверить силы США и помешать нам защищать наши интересы и интересы наших союзников по всему миру» [5]. Таким образом, Латинская Америка все больше оказывается втянутой в глобальное геополитическое соперничество между мировыми державами [6, р. 63-93].

В условиях нынешнего кризиса, вызванного *COVID-19*, китайское присутствие стало еще более очевидным. В рамках глобальной кампании по оказанию помощи латиноамериканский сектор здравоохранения получил от КНР значительное количество медицинских масок, респираторов и тестов. На сегодняшний день основная часть стран Южной Америки проводит вакцинацию населения именно китайскими препаратами. В целом на нынешнем этапе глобализации геополитические и стратегические интересы Китая и его присутствие в ЛКА становятся все более заметными. Данный факт диктует необходимость тщательного и непрерывного изучения китайско-латиноамериканских отношений с целью отслеживания новейших событий и выявления возникающих тенденций.

В недавно опубликованной коллективной работе 14 экспертов-международников рассматривают ряд ключевых аспектов, характеризующих китайско-латиноамериканские отношения в наши дни, принимая во внимание изменения, связанные с пандемией *COVID-19*. Сборник выстроен по принципу от общего к

частному. Первые главы посвящены взаимодействию КНР с регионом в целом и с латиноамериканскими региональными объединениями, а в последующих главах проанализированы двусторонние отношения.

Книга открывается главой Эвана Эллиса, посвященной взаимоотношениям в области политики безопасности. В ней автор исследует их эволюцию в течение первых двух десятилетий XXI в. Любое взаимодействие Пекина с миром и отдельными регионами, в том числе и военное, подчинено, прежде всего, основной цели — строительству мощного современного социалистического государства к 2049 г. Стоит отметить, что военное сотрудничество до недавнего времени играло относительно незначительную роль в отношениях Китая и ЛКА по сравнению с интенсивным взаимодействием в области торговли, займов и инвестиций. Однако за последние несколько лет роль военной составляющей заметно усилилась, что автор показывает на примере закупок китайского вооружения Венесуэлой, Эквадором, Аргентиной и Боливией. Взаимные визиты и обмен военными кадрами между КНР и Латинской Америкой также постепенно расширялись, включая создание военных школ, организаций и разработку соответствующих программ. С выводом автора нельзя не согласиться: растущее влияние Китая в мире, все более враждебные американо-китайские отношения и глобальная трансформация, произошедшая в результате пандемии *COVID-19*, скорее всего, приведут к расширению масштаба взаимодействия КНР и ЛКА в области безопасности. Однако размещение китайских военных баз в регионе на постоянной основе в ближайшем будущем маловероятно.

Во второй главе Детлеф Нольте переходит к анализу амбивалентности во взаимодействии КНР с Общим рынком стран Южного конуса (*Mercado Común del Cono Sur, Mercosur*) и его странами-членами — Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем. Китай на сегодня является основным торговым партнером *Mercosur*. Растущий спрос Пекина на сырье и связанный с этим рост цен на сырьевые товары придал экономикам стран, входящих в *Mercosur*, импульс роста, позволили им диверсифицировать торговые отношения и таким образом укрепить свою независимость в торгово-экономической сфере. Однако налицо и негативные эффекты. В частности, это касается возросшей экономической зависимости от Китая: если на начальном этапе сотрудничество строилось по принципу Юг — Юг, то сегодня оно уже больше отвечает парадигме взаимодействия Север — Юг, где Китай выступает в роли Севера, а *Mercosur* — Юга. Неравенство сторон в этом партнерстве усугубляется и тем, что у стран *Mercosur* нет общей политики по отношению к Китаю, а взаимодействие выстраивается в основном на двусторонней основе, где каждая из четырех южноамериканских стран преследует свои интересы. Особо стоит отметить упомянутый автором тот факт, что Парагвай предпочитает быть привилегированным партнером Тайваня в Южной Америке, нежели одним из второстепенных партнеров Китая.

Импорт произведенной в Китае готовой продукции оказал негативное влияние на национальные отрасли промышленности Аргентины и Бразилии. Он также отрицательно повлиял на торговлю промышленной продукцией в рамках самого *Mercosur*. С долей участия в 11,7% от общего объема продаж и 14,1% от всего импорта (по данным на апрель 2020 г.) Китай стал самым важным торговым партнером Аргентины, опередив Бразилию. Рост торговли с КНР привел к относительному снижению участия как *Mercosur*, так и Латинской Америки в бразильской торговле в целом. Иными словами, расширение торговых отношений с Китаем негативно сказалось на экономической интеграции внутри *Mercosur*. Однако, как верно подмечает Д.Нольте, не Китай виноват в том, что промышленность стран *Mercosur* не стала более конкурентоспособной. Виной этому, скорее, высокий уровень протекционизма и бюрократических преград в аргентинской и бразильской экономиках. Кроме

того, в настоящее время расхождения в торговой политике ведут к расколу между правительствами Бразилии, Парагвая и Уругвая, выступающими за либерализацию торговли, и протекционистским правительством Аргентины. Расхождения в стратегиях борьбы с пандемией *COVID-19* и отсутствие взаимодействия в этой области еще больше усугубили кризис внутри объединения.

Невозможно анализировать отношения между КНР и странами ЛАК без учета интересов третьих сторон. Именно поэтому авторы двух последующих глав сборника — Ана Солис де Штанге и Эдуардо Велоса — рассматривают треугольник Китай — ЛКА — США. Ана Солис путем тщательного анализа «треугольной» динамики с учетом пандемии *COVID-19* убедительно доказывает скрытую силу и важность третьего игрока, который непосредственно не участвует в двусторонних инициативах и соглашениях, но реагирует на них изменением своей политической позиции. Треугольные отношения — это взаимодействие трех государств, которое при определенных условиях имеет тенденцию к синхронизации. Синхронизация приводит к периодам сильного квазисинхронного взаимодействия и слияния их стратегий, где их выбор в отношении сотрудничества или подстрекательства к конфликту зависит друг от друга. Автор иллюстрирует это взаимодействие на примере Панамы, Венесуэлы и Бразилии. Однако разделение между экономическим взаимодействием и стратегическим партнерством, проводимое в этой главе, не совсем убедительно и точно, поскольку стратегическое партнерство является многоаспектным и, как правило, охватывает и экономическую сферу.

Тема стратегического партнерства более четко и последовательно раскрывается в тексте Эдуардо Велосы. Автор исследует стратегическое взаимодействие пяти латиноамериканских государств — Аргентины, Бразилии, Мексики, Перу и Чили (ЛКА-5) — с США и КНР в период 2000—2019 гг. В своем структурированном и подробном анализе, основанном на теоретической модели с элементами политического реализма и конструктивизма и наглядных эмпирических данных, он вначале проводит картирование торговли и потоков ПИИ, а также интенсивности двустороннего взаимодействия, а затем переходит к вопросу о совместимости позиций, которая выражается в голосовании по проектам резолюций в Генассамблее ООН. Э.Велоса приходит к заключению, что в период 2000—2019 гг. ЛКА-5 голосовали в соответствии с позициями Китая, но вместе с тем выступили соавторами большего числа проектов резолюций США. Иными словами, несмотря на то, что США уступают КНР с точки зрения объемов торговли и потоков ПИИ, а также по частоте и интенсивности взаимодействия с указанными пятью государствами, это не является гарантией их однозначной поддержки китайских позиций в ООН. Когда речь идет о политических подходах ЛКА-5 на ГА ООН, ни Китай, ни США не получают явных предпочтений, что указывает на разделение экономических и политических интересов во взаимодействии ЛКА-5 с двумя мировыми державами.

В Венесуэле геополитические и экономические факторы сливаются воедино. Глава Виктора М.Михареса и Бенджамина Кройтцфельдта об отношениях между КНР и Венесуэлой при Си Цзиньпине и Николасе Мадуро открывает серию глав монографии, посвященную двусторонним отношениям. В первом разделе авторы сравнивают китайскую и венесуэльскую внешнеполитическую модели и оценивают перспективы внешней политики обеих стран. Во втором разделе они рассматривают историю китайско-венесуэльских отношений в XXI в., основываясь на таких ключевых элементах, как многополярность, энергетическая диверсификация, финансовая помощь, военное и техническое сотрудничество. В тексте освещается и менее известный аспект сотрудничества между Каракасом и Пекином: речь идет о контактах в аэрокосмической области. Интересен также анализ изменений и преемственности в период 2013—2020 гг., начиная с прихода к власти Си и Мадуро, который

авторы приводят в третьей части главы. Ученые приходят к заключению, что глубокая асимметрия в китайско-венесуэльских отношениях, а также финансовая осмотрительность Китая благоприятствовали углублению российско-венесуэльских связей. Таким образом, эти выводы показывают эмпирическое противопоставление широко распространенному мифу о безоговорочном сотрудничестве между авторитарными режимами Пекина и Каракаса.

За последние два десятилетия китайско-латиноамериканские отношения заметно интенсифицировались, чем привлекли особое внимание политиков и ученых. Однако дипломатические связи между Китаем и ЛКА существуют гораздо дольше. В 1970-х годах 11 латиноамериканских стран установили дипломатические отношения с КНР. Поэтому представляется логичным включить в рассмотрение сегодняшних событий и исторический аспект. 50-летие установления дипотношений между Китаем и Чили, которое отмечалось в декабре 2020 г., послужило поводом для Памелы Аростика Фернандес взглянуть на историю особых контактов между двумя государствами с точки зрения сегодняшнего дня. Чили оказалась первой страной в Южной Америке, установившей дипломатические отношения с Пекином в 1970 г., первой латиноамериканской страной, поддержавшей вступление КНР во Всемирную торговую организацию в 1999 г., а также первой латиноамериканской страной, признавшей в 2004 г. КНР как рыночную экономику, и первой, подписавшей Соглашение о свободной торговле с Китаем в 2005 г. Ввиду поистине особого статуса Чили в отношениях с КНР можно предположить существование равноправного сотрудничества между этими государствами. Но, по словам П.Аростика Фернандес, как и в отношениях с остальными странами региона, между Чили и Китаем действует асимметричная модель взаимодействия. В течение 2010—2020 гг. асимметрия усилилась за счет многопланового влияния Китая, в частности, на СМИ, политические партии, аналитические центры, университеты, культурные центры и бизнес-ассоциации.

Социально-экономические последствия асимметричных отношений между ЛКА и КНР хорошо видны на примере Эквадора. Изначально ожидалось, что строительство Эквадором крупных гидроэлектростанций, финансируемых Китаем, избавит страну от дефицита электроэнергии и даже обеспечит ее избыток, что позволит экспортировать ее в соседние страны. Гидроэлектростанция *Coca Codo Sinclair (CCS)* является крупнейшей из восьми ГЭС, построенных за время правления Рафаэля Корреа, и на сегодняшний день это — самый важный инфраструктурный проект в стране. В своем исследовании Матео Арбайтер показывает, что проект не оправдал ожиданий эквадорцев. Сразу после начала строительства были выявлены серьезные проблемы: рабочие жаловались на плохие условия жизни и низкие стандарты безопасности, что привело к многочисленным травмам и гибели большого количества людей. Кроме того, возможности трудоустройства для местных жителей оказались не столь большими, как ожидалось. В целях погашения кредитов и займов, предоставленных китайскими банками, администрация Корреа была вынуждена принять решение о разработке неиспользуемых минеральных ресурсов и нефтяных месторождений Эквадора в бассейне Амазонки. И это происходило в условиях, когда кредит, выданный КНР на строительство *CCS*, оказался для Эквадора невыгодным, а сам проект более дорогим, но менее функциональным, чем было объявлено изначально.

Еще одно очень интересное исследование касается мало изученной темы отношений КНР не с таким крупными игроками, как, например, Бразилия или Чили, а с самыми маленькими странами в ЛКА. Автор этой главы Неле Нёссельт рассматривает взаимодействие КНР с карибскими островными государствами с 2013 г. до начала 2020 г. с целью понять, что кроется за стратегией «мягкой» силы Пекина в отношении этих стран. Карибские островные государства находятся в самом центре проходов Морского шелкового пути, а их участие в этом масштабном инфра-

структурном и политическом проекте для Пекина необходимо. Карибское сообщество (*Caribbean Community, Caricom*) стало одним из партнеров КНР на переговорах с карибскими государствами. 28 и 29 октября 2019 г. в Гренаде состоялась конференция Китая и *Caricom* по «Новому великому шелковому пути», в которой приняло участие девять представителей *Caricom*, включая участников из Сент-Винсента и Гренадин и Сент-Люсии, поддерживающих официальные дипломатические отношения с Тайванем. В целом подход КНР к отношениям со странами Карибского бассейна опирается на концепцию «мягкой» силы, согласно которой китайские инвестиционные предложения — вклад в модернизацию инфраструктуры и расширение возможностей малых государств в плане совершенствования их глобальной коннективности. Особо стоит отметить, что карибские островные государства за счет своего выгодного стратегического положения не являются пассивными пешками в силовых играх между Пекином, Вашингтоном и другими акторами. К тому же КНР, как подчеркивается в заключительной части главы, — не единственная азиатская страна, активно стремящаяся к укреплению связей с *Caricom*: Япония и Индия также проявляют инициативу, открыто конкурируя с Пекином и предлагая государствам *Caricom* технологическую помощь в их борьбе с негативными последствиями глобального изменения климата.

Рассмотрение отношений между КНР и странами ЛКА завершается главами, посвященными китайско-бразильским связям. Автор одной из них — Ниу Хайбинь — рассматривает контакты Бразилии и КНР в контексте реактивации «Доктрины Монро» во внешней политике США. И Китай, и Бразилия уделяют приоритетное внимание своим отношениям с североамериканской страной, однако им также необходимо обратить внимание на стратегическую уязвимость, с которой они сталкиваются в условиях мирового порядка, в котором доминируют США. Бразилия считает возвращение США в регион ответом на растущее влияние Китая, при этом старается найти сбалансированный подход к обеим державам: с этой целью президент Жаир Болсонару в 2019 г. посетил оба государства. Бразилия также подписала меморандум о взаимопонимании с США относительно инициативы *América Crece* («Америка растет») [7], которая представляет собой инновационный подход к поддержке экономического развития путем стимулирования частного сектора, инвестиций в энергетические и другие инфраструктурные проекты в странах ЛКА. Одновременно Бразилия в соответствии с собственным планом по экономическому развитию согласилась на поиск возможных контактов с Китаем в рамках «Нового великого шелкового пути». Чтобы обойти сложную ситуацию вокруг *Huawei*, Бразилия отложила проведение аукциона по распределению частот для сетей 5G, хотя это не отвечает ее интересам. Однако, как утверждает Н.Хайбинь, южноамериканскому гиганту все еще трудно приспособиться к противоречивым целям двух мировых держав.

Н.Хайбинь полагает, что Бразилии стоит предпринять усилия по следующим направлениям. Во-первых, привести дух прагматизма в отношения США — Китай — Бразилия. Во-вторых, по-новому определить свою роль в целях более эффективного содействия региональной интеграции, сделав ее подлинной основой для расширения сотрудничества латиноамериканских стран с крупными державами. И последнее, но не менее важное: Бразилии следует акцентировать внимание на принципе многосторонности и призвать к более тесному международному сотрудничеству. Трехстороннее взаимодействие в борьбе с *COVID-19* также необходимо не только для Бразилии, Китая и США, но и для других регионов мира. В анализе, представленном Н.Хайбинь в этой главе, пожалуй, в большей степени, чем в текстах авторов всех предыдущих глав, учтено влияние пандемии коронавируса на взаимоотношения анализируемых стран.

В то время как Н.Хайбинь исследует региональную роль Бразилии с точки зрения внешней политики, Бруна Боси Морейра, Джефферсон душ Сантос Эстево и Лас Форти Томас проводят эмпирический анализ роли Китая в дальнейшем развитии сектора возобновляемых источников энергии в этой стране. Они утверждают, что инвестиции Китая в данный сектор за последнее десятилетие служат наглядным примером как взаимодополняемости двух стран, так и трудностей двустороннего взаимодействия. В то время как Бразилия обладает обширным возобновляемым энергетическим потенциалом, ей не хватает финансовых ресурсов для их освоения. Это, как отмечают ученые, дает возможность Китаю расширить свою глобальную деятельность в области «зеленой» энергетики. Основываясь на выступлениях президентов Бразилии, отчетах и официальных протоколах, а также на освещении в СМИ официальных государственных визитов в период с 2014 по 2019 г., исследователи прослеживают эволюцию и трансформацию новой модели сотрудничества в области возобновляемых источников энергии по линии Юг — Юг.

Недостатком большинства аналитических работ, посвященных китайско-латиноамериканским отношениям, является тот факт, что их авторы сосредоточены исключительно на КНР или рассматривают эти связи сквозь призму конкуренции Китая и США в Западном полушарии. При этом ученые не обращают внимания на то, что в течение вот уже ряда десятилетий в ЛКА присутствует еще один важный внеполушарный актор, чье взаимодействие со странами региона также не остается незамеченным в Вашингтоне. Речь идет о России.

В этом контексте особый интерес представляет заключительная глава книги. Ее автор — Виктор Хейфец — представил содержательный анализ «возвращения» России в Латинскую Америку и других аспектов китайско-российского альянса в данном регионе, а также рассмотрел сотрудничество России и Китая в ЛКА. Тема российско-китайского взаимодействия интересна по ряду причин. Прежде всего потому, что оба государства являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладающими правом вето. Во-вторых, и Москва, и Пекин стремятся построить многополярный мир и рассматривают свое присутствие в ЛКА как один из шагов в этом направлении. Наконец, и Россия, и Китай являются странами — членами группы *BRICS*, основанной в 2009 г.

Что касается российско-китайского взаимодействия в регионе, то, в отличие от расширяющейся экономической деятельности Китая, у России меньше проектов в странах ЛКА, и сосредоточены они в меньшем количестве секторов, включая закупку вооружения, нефтяную отрасль, электроэнергетику и добычу полезных ископаемых. Российские банки не играют такой значительной роли в продвижении проектов в Латинской Америке, как китайские финансовые институты. Стоит также отметить, что в настоящее время деятельность России и КНР в регионе пересекается лишь в единичных случаях. В то время как Россия больше использует военно-политические инструменты, Китай делает акцент на экономические. Особое место в данной главе занимает анализ отношений России и КНР применительно к Бразилии и Венесуэле. Так, например, российско-китайский тандем проявил себя на сессии СБ ООН 26 января 2019 г., когда представитель Пекина Ма Чжаосюй отверг «иностранный вмешательство в дела Венесуэлы», а его российский коллега Василий Небензя обвинил Вашингтон в «инициировании государственного переворота» против Мадуро.

Заключительные выводы, сделанные в главе, написанной В.Хейфецем, доказывают, что «борьба» за Венесуэлу является симптомом того, что в ближайшем будущем весь латиноамериканский регион станет сферой стратегической конкуренции между США и Китаем, в которой примут участие и другие игроки, среди которых, помимо России, следует назвать Индию, Турцию и государства Евросоюза. Но, по мнению В.Хейфеца, участие данных акторов

в этой конкурентной борьбе, не достигнет того уровня, который демонстрирует Китай. Исходя из политических реалий сегодняшнего дня, с этим утверждением сложно не согласиться.

В целом рассматриваемая монография вносит серьезный вклад в понимание современных китайско-латиноамериканских отношений. В ней отражены все основные аспекты этих отношений, а каждая глава представляет собой основательный и законченный анализ, основанный на убедительных эмпирических данных и подкрепленный отличной аргументацией и точными формулировками. Все главы прекрасно дополняют друг друга, хотя и не являются непосредственным продолжением друг друга. Особо следует подчеркнуть тот факт, что авторы книги уделяют достаточно внимания интересам стран Латинской Америки, а также показывают, что эти государства — не просто объект китайской внешней политики, как это зачастую делается в научных публикациях.

Однако, за исключением описания отношений КНР и Панамы, содержащегося в тексте А.Солис де Штанге, и упоминания о строительстве Никарагуанского канала в главе В.Хейфеца, в книге практически ничего не говорится о государствах Центральной Америки, которые в китайской инициативе «Один пояс — один путь» также играют немаловажную роль. К примеру, в подписанной в 2019 г. совместной декларации правительств Китая и Сальвадора подтверждено участие этой центральноамериканской страны в проекте «Новый великий шелковый путь». Особо следует отметить, что в документе прослеживается четкая приверженность Сальвадора принципу «Единый Китай», в рамках которого категорически отвергаются любые действия, противоречащие этому принципу, а также любая форма «независимости Тайваня» [8]. Дополнительная глава, посвященная странам Центральной Америки и характеру их отношений с КНР, сделала бы аналитический обзор еще более значимым. Было бы также интересно узнать, как продвигается сотрудничество между Китаем и государствами ЛКА в областях, не связанных с политикой, экономикой и безопасностью, например, в сферах образовании и культуры. Важными являются вопросы о том, насколько значительны охват и влияние Института Конфуция в Латинской Америке, насколько успешно в последние десятилетия развивались академические связи? Учитывая упомянутые аспекты, проследить развития данной тематики весьма целесообразно. Ведь тема китайско-латиноамериканских отношений, безусловно, и в дальнейшем будет представлять интерес, поскольку эти связи постоянно развиваются и находятся под влиянием внешних и глобальных факторов, включая борьбу с пандемией. Можно только приветствовать продолжение данного анализа и ждать дальнейших публикаций авторов рассмотренной книги.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Jenkins, R., Peters, E.D., Moreira, M.M. The Impact of China on Latin America and the Caribbean. *World Development*, 2008, 36 (2), pp. 235-253.
2. Dussel Peters, Enrique et.al (2020): América Latina y el Caribe - China. *Economía, Comercio e inversión*, 2019, Ciudad de México.
3. Flores-Macías, G.A., Kreps, S.E. The foreign policy consequences of trade: China's commercial relations with Africa and Latin America, 1992-2006. *Journal of Politics*, 2013, 75(2), pp. 357-371.
4. President of the United States. *National Security Strategy of the United States*. Washington D. C., December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 10.03.2021).

Александра Ситенко

5. The White House. *Interim National Security Strategic Guidance*. Washington D.C., March 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 05.03.2021).

6. Zapata, S., Martínez-Hernández, A.A. Latin American Foreign Policy before the hegemony of the United States and China's emerging power. *Colombia Internacional*, 2020, (104), pp. 63-93.

7. U.S. Department of State. *America Crece One Pager*. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/America-Crece-One-Pager-003-508.pdf> (accessed 14.02.2021).

8. XINHUA Español. *Declaración Conjunta entre la República Popular China y la República de El Salvador*, 03.12.2019. Available at: http://spanish.xinhuanet.com/2019-12/03/c_138602842.htm (accessed 27.02.2021).

Dr. Alexandra V.Sitenko (alexandra.sitenko@gmail.com)

Political Analyst, Heinrich Boell Foundation. PhD (Philosophy) in Global Studies from the University of Leipzig (Germany)

[Review of the publication: Nele Noesselt (Ed.). *China's Interactions with Latin America and the Caribbean. Conquering the US's Strategic Backyard?* Baden-Baden: Tectum Verlag, 2021]

A new book on China's relations with Latin America and the Caribbean

Abstract. The author reviews a collective monograph on the pages of which international experts analyze the main aspects and principles of China's relationship with Latin and Caribbean America today, right up to the outbreak of the coronavirus pandemic. The chapters of the book cover most of the countries in the region, and the subject of the study is both bilateral and multilateral interaction.

Key words: China, Latin America, security, cooperation, international relations.

DOI: 10.31857/S0044748X0015381-8

Received 16.02.2021.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Бобровников А.В. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. Яковлев П.П.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. Мартынов Б.Ф.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Рауц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Куба St. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

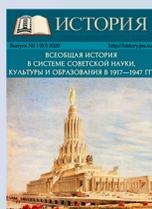
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2021 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru